

ISSN 2221-2698

электронный научный журнал
«Арктика и Север»

ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В.Ломоносова»



Редакция электронного научного журнала
«Арктика и Север»

Архангельск
2013. № 13

Арктика и Север. 2013. № 13

Электронное периодическое издание

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2013

© Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север», 2013

Выходит не менее четырех раз в год

Журнал зарегистрирован в:

- 1) Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках. Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.
- 2) The ISSN International Centre — мировом каталоге сериалов и продолжающихся ресурсов. ISSN 2221-2698.
- 3) Системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 г.
- 4) Депозитарии электронных изданий ФГУП НТЦ «Информрегистр». Свидетельство № 543 от 13 октября 2011 г. Номер государственной регистрации 0421200166.
- 5) EBSCO Publishing (Массачусетс, США). Лицензионное соглашение от 19 декабря 2012 г.
- 6) Directory of Open Access Journals (DOAJ) – каталоге журналов с открытым доступом с 18 августа 2013 г.

Учредитель — ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова». *Главный редактор* — Лукин Юрий Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Все номера журнала находятся в свободном доступе на сайте САФУ имени М. В. Ломоносова: <http://narfu.ru/aan/>. Архив всех номеров на русском языке: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php; на английском языке: http://narfu.ru/aan/article_index_years_eng.php. В печатном виде на бумажном носителе журнал не издается и не распространяется. Информация для авторов опубликована по адресу: <http://narfu.ru/aan/author.php>.

Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается; гонорары не выплачиваются. Редакция считает возможным публиковать статьи, концептуально-теоретические позиции авторов которых представляются дискуссионными. Публикуемые материалы могут не отражать мнение редакции. Все рукописи рецензируются. Редакция журнала сохраняет за собой право выбора наиболее интересных и актуальных материалов, которые публикуются в первую очередь.

Междисциплинарный электронный научный журнал «Арктика и Север» предназначен для широкого круга читателей как в России, так и за рубежом. Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования является Арктика и Север по следующим научным направлениям: регионология как наука о регионах в их единстве социального, экономического, политического, культурного предметных подходов; геополитика; управление и экономика; философские и социологические науки; исторические науки и археология; культурология; науки о Земле - география; биологические науки - экология (по отраслям).

Будем рады видеть Вас в числе авторов нашего журнала «Арктика и Север»!

СОДЕРЖАНИЕ

Регионоведение Арктики и Севера: социум, культура, управление, экономика

Кирко В. И., Копцева Н. П., Невзоров В. Н., Ноздренко Е. А., Слабуха А. В. Междисциплинарные экспедиции — эффективный способ формирования команд для реализации комплексных инновационных и инвестиционных проектов	4
Лукин Ю. Ф. Арктические проекты межрегиональной интеграции	14
Морозов Н. А., Кондраль Д. П. Сравнительный анализ российской и американской стратегий развития Арктики	33
Москаленко М. Р., Кропанева Е. М. Особенности человеческого капитала и развитие Российской Арктики	40
Нестеренко М. Ю., Иконников В. М. Арктические стратегические проекты и их реализация	45
Носкова Е. М. Системные особенности устойчивого развития регионов циркумполярной зоны	53
Рахманова Л. Я. Соловецкое местное сообщество: самоорганизация против разобщенности	60
Храмчихин А. А. Основные проблемы Российской Арктики	64
Цукерман В. А., Горячевская Е. С. О методиках интегральной оценки инновационного потенциала регионов Севера и Арктики	71
Шрага М. Х., Кудря Л. И. Гуманизация «региональной науки» («regional science»): социальное здоровье	81

Исторические науки

Амбросе Т. В., Чуракова О. В. «Злохитрева жена» «окаянная Марфа»: мифы и исторические источники о роли Марфы Борецкой в политической борьбе Москвы и Новгорода и основании северных монастырей	92
Зарецкая О. В. Трансформация внешнеполитической стратегии Норвегии в условиях формирования биполярной системы мира (в первые послевоенные годы)	110
Зобнин А. Н. Тайна пролива Неймайера (Г.Я.Седов)	116
Константинов А. С. Трансформация территориально-поселенческой структуры как фактор изменения численности сельского населения в Архангельской области	136
Тимошенко А. И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного морского пути в 1930—1950-е гг.	150

Экология

Дмитриев В. Г. К вопросу о понятии экологического риска. Аналитический обзор публикаций	169
Вертешин А.И. (1952-2013)	189

Summary

Авторы	190
Аннотации, ключевые слова	192
Contents	195
Authors	196
Abstracts, keywords	198
Выходные данные/Outputdata	201

РЕГИОНОЛОГИЯ АРКТИКИ И СЕВЕРА: СОЦИУМ, КУЛЬТУРА, УПРАВЛЕНИЕ, ЭКОНОМИКА

УДК 315

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ — ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КОМАНД ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЛЕКСНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ И ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ¹

INTERDISCIPLINARY EXPEDITIONS-AN EFFECTIVE WAY TO FORM FOR IMPLEMENTATION COM- PLEX INNOVATIVE AND INVESTMENT PROJECT



© **Кирко** Владимир Игоревич, доктор физико-математических наук, профессор, заместитель директора института дополнительного образования и повышения квалификации ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет». E-mail: director.nifti@mail.ru

© **Kirko** Vladimir Igorevich. Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Prof. Krasnoyarsk State Educational University. E-mail: director.nifti@mail.ru

© **Копцева** Наталья Петровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет». E-mail: decanka@mail.ru

© **Koptseva**, Natalya Petrovna. Doctor of Philosophy, Prof. of the Siberian Federal University. E-mail: decanka@mail.ru



© **Невзоров** Виктор Николаевич, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заведующий кафедрой технологии, оборудования, бродильных и пищевых производств ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный аграрный университет». Контактный телефон: +7 960 773 01 58

© **Nevzorov** Victor Nikolaevich. Dr of Agricultural Sciences, Prof. of the Krasnoyarsk State Agrarian University. Contact phone: +7 960 773 01 58

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда поддержки науки и научно-технической деятельности, а также федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг.

© **Ноздренко** Елена Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой рекламы и социально-культурной деятельности гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет». E-mail: elena.nozdreko@mail.ru

© **Nozdrenko** Elena Anatolievna. PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Advertising and socio-cultural activities of the Institute of Humanities Siberian Federal University. E-mail: elena.nozdreko@mail.ru



© **Слабуха** Александр Васильевич, кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой «Архитектурное проектирование» института архитектуры и дизайна ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет». E-mail: slabuha@mail.ru

Slabuha Aleksandr Vasilievich. PhD in Architecture, Professor, Head of the Department "Architectural Design" of the institute of Architecture and Design Siberian Federal University. E-mail: slabuha@mail.ru

Аннотация. В статье представлены итоговые результаты междисциплинарных экспедиций студентов, аспирантов и преподавателей четырех университетов г. Красноярска в поселки локального проживания малочисленных народов Севера Красноярского края

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, междисциплинарные экспедиции, студенты, аспиранты, преподаватели

Abstract. In the given article we represent our final results of the inter-disciplinary expeditions of the students, post-graduate students and tutors of the 4 universities of Krasnoyarsk to the villages and localities, inhabited by the indigenous minorities of the North of the Krasnoyarsk Region.

Keywords: indigenous minorities, interdisciplinary expeditions, students, post-graduate students and tutors.

В 2010—2012 гг. Сибирский федеральный университет стал обладателем грантов федеральной целевой программы (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», грантов Красноярского краевого фонда науки (ККФН) [1—5]. Основной целью грантовых исследований было проведение междисциплинарных комплексных исследований уровня качества жизни малочисленных коренных народов Севера Красноярского края, сохранения их традиционных видов деятельности и национальной культуры в условиях глобальных трансформаций, разработка современной модели северного поселка в местах проживания малочисленных народов, занимающихся традиционными промыслами.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- a) исследовать особенности строительства и обустройства жилья;
- b) провести архитектурно-планировочные полевые исследования поселков;
- c) разработать архитектурно-планировочную модель современного северного поселка;
- d) разработать модель теплоэнергетического обеспечения северных поселков;

- e) рассмотреть направления модернизации медицинской помощи в условиях крайнего Севера;
- f) разработать обобщенную инновационно-производственную модель, направленную на самообеспечение поселков продуктами питания, глубокую переработку местного сельскохозяйственного сырья, развитие традиционных художественных промыслов и туризма и т. д.

Для проведения исследований были сформированы междисциплинарные экспедиции, в состав которых были включены студенты, аспиранты и преподаватели трех университетов г. Красноярска, а именно: Сибирского федерального университета (СФУ), Красноярского государственного аграрного университета (КГАУ) и Красноярского государственного медицинского университета (КГМУ). В составе экспедиций участвовали культурологи, искусствоведы, архитекторы, строители, инженеры-физики, аграрии и менеджеры.

Экспедиции были направлены в северные поселки Красноярского края — места локального проживания коренных малочисленных народов, занимающихся традиционными видами деятельности: охотой, оленеводством, рыболовством, сбором дикоросов и т. д. Это четыре поселка трех муниципальных районов на севере Красноярского края.

Поселок Суринда [6] Эвенкийского муниципального района (МР) представляет собой локальное проживание эвенков в таежной зоне (480 чел.). Основной вид занятий — оленеводство в составе МП ОПХ «Суриндинский» и охота.

Поселок Ессей [7] Эвенкийского МР представляет собой локальное проживание обособленной этнической общности — ессейских якутов (620 чел.). Находится за полярным кругом на берегу одноименного крупнейшего в Красноярском крае озера в лесотундровой зоне. Основной вид занятий населения — рыболовство и охота.

Поселок Носок [8] Таймырского Долгано-Ненецкого МР расположен в устье реки Енисей за полярным кругом в тундровой зоне. Численность населения составляет (данные на 01.01.2011) 1800 чел., из них 1500 — ненцы. Кочевой образ жизни ведут 1107 чел. (232 семьи). Основной вид занятий населения — оленеводство и рыболовство.

Поселок Фарково [9] Туруханского МР Красноярского края — единственное место в крае локального проживания селькупов (410 чел.). Основной вид занятий населения — рыболовство и охота.

На рис. 1 приведены фотографии членов междисциплинарных экспедиций (представителей СФУ, КГМУ, КГАУ) в северные поселки Красноярского края.



а

б

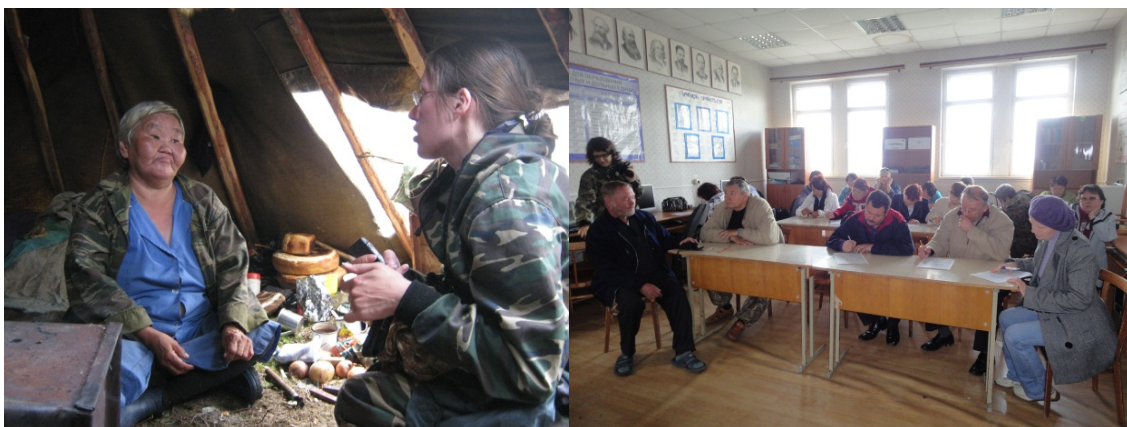
Рис. 1. Междисциплинарные экспедиции студентов и аспирантов Сибирского федерального университета (СФУ), Красноярского государственного медицинского университета (КМГУ) и Красноярского государственного аграрного университета (КГАУ): а — в п. г. т. Тура, пос. Суринда и пос. Ессей Эвенкийского муниципального района*; б — в пос. Носок и пос. Караул Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края**.

*Слева направо: С. Гладкий (аспирант СФУ, архитектор), К. Фисенко и В. Лохайкин (студенты 5 курса СФУ, архитекторы), А. Черепанов (магистрант СФУ, инженер-физик), Л. Фаткулина (студентка 5 курса СФУ, инженер-строитель), А. Копица (врач-стоматолог, магистрант СФУ), А. Радова и М. Колесник (студентки 5 курса СФУ, культурологи). Нижний ряд: В. Советов, С. Сорока (студенты 5 курса СФУ, инженеры-строители).

**Слева направо: Л. Фаткулина (студентка 5 курса СФУ, инженер-строитель), М. Ямкин и Яптунай Чели (рыбаки с пос. Носок, ненцы), В. И. Кирко (профессор СФУ), В. В. Захарюта (аспирант СФУ, инженер-строитель), И. Кугаппи (студентка 5 курса СФУ, культуролог); К. Резникова (аспирантка СФУ, культуролог); В. Х. Венго (заместитель руководителя Администрации сельского поселения Караул).

В работе экспедиций были использованы следующие методы:

- анкетирование и глубинное интервью жителей поселков, глав поселковых администраций, специалистов по вопросам образования, медицинского обслуживания, сохранения национальной культуры, архитектуры (обустройства) поселков, строительства нового и старого жилья;
- проведение проектных семинаров по вопросам развития производственной деятельности в области глубокой переработки местного сельскохозяйственного сырья и созданию новых мини-производств для самообеспечения поселков необходимыми продуктами питания и чистой водой;
- визуальное обследование зданий и сооружений, состояния энергетического комплекса и инфраструктурных объектов, таких как дороги, места погребения и канализация.



а

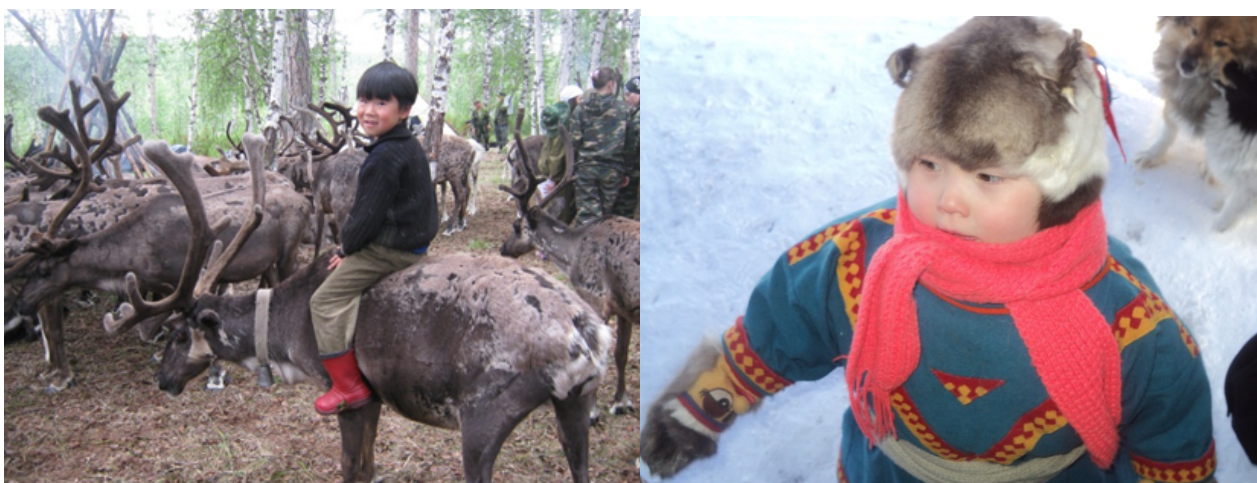
б

Рис. 2. Глубинное интервью с кочевницей в бригаде оленеводов МП ОПХ «Суриндинский», 2010 г. (а); заполнение анкет жителями пос. Носок на проектом семинаре, 2011 г. (б)

Основные результаты этнокультуроведческих исследований опубликованы в коллективной монографии [10], а также в работах [11—15].

Этнокультурные исследования показали главные проблемы:

- a) воспитание и доступность современного качественного образования с учетом национальных особенностей жизни и культуры коренных народов (оседлость в удаленных поселках и/или кочевой образ жизни в оленеводческих бригадах);
- b) сохранение языковой и национальной этноидентичности;
- c) тесная взаимосвязь сохранения культуры коренных малочисленных народов с их традиционным образом жизни и традиционными промыслами.



а

б

Рис. 3. Будущий бригадир оленеводческой бригады Борька (а) пос. Суринда Эвенкийский МР; будущий рыбак или охотник пос. Носок Таймырского Долгано-Ненецкого МР (б)

В работах [11, 16] в качестве одной из мер решения части проблем предложено создание Высшей северной школы при Сибирском федеральном университете, основной задачей которой предполагается повышение уровня знаний детей коренных малочисленных народов до уровня сопоставимого с уровнем знаний городских школьников для последующей сдачи единого государственного экзамена при поступлении в вузы РФ.

Результаты оценки состояния зданий и сооружений поселков Севера Красноярского края опубликованы в работах [17—18]. Проведенные исследования показали существующую в настоящее время высокую степень контрастности в возможности их использования: от аварийного состояния (рис. 4а) до современного и отвечающего самым высоким требованиям (рис. 5). Некоторые объекты не отвечают простейшим требованиям к жилью (рис. 4б).



а

б

Рис. 4. Некоторые жилые группы (а) в пос. Ессей (Эвенкийский МР); в пос. Носок (Таймырский-Долгано-Ненецкий МР) (б)



Рис. 5. Детский сад в пос. Ессей, отвечающий самым высоким строительным и эксплуатационным стандартам

Результаты оценки теплоэнергетического комплекса и возможные варианты решения уменьшения себестоимости электроэнергии на примере пос. Носок и пос. Ессей опубликованы в работе [19]. Для выработки электроэнергии в поселках в основном используются дизельные электростанции, износ которых достигает 80—100 %. Несмотря на это в Эвенкийском МР оборудование ДЭС (рис. 6) содержится в идеальном состоянии (начальник МП ЭМР «Илимпийские электросети» Н. А. Супряга).



а

б

Рис. 6. Дизельная электростанция пос. Ессей (а) и главный энергетик поселка А. Н. Маймага (б) (Эвенкийский МР)

Цена одного кВт*ч в поселках Севера Красноярского края варьируется от 20 до 30 руб. В этой связи для дальнейшего развития их производственной конкурентоспособности остро стоит вопрос уменьшения себестоимости теплоэлектроэнергии. В работе [19] на примере пос. Носок и пос. Ессей показана возможность уменьшения себестоимости электроэнергии в 2—3 раза за счет применения совмещенного варианта дизельной и ветряной электростанций.

Как было отмечено выше, в поселках северных территорий Красноярского края развиты традиционные промыслы, такие как оленеводство, охота, рыболовство, сбор дикоросов и т. д. Это является основой их существования [20—21]. Однако существуют проблемы, которые не позволяют в полной мере использовать ресурсный потенциал Севера. Эти проблемы касаются, в первую очередь, стоимости электроэнергии, чистой воды, глубокой переработки продуктов природопользования (мяса, рыбы, шкур, дикоросов и т. д.), их транспортировки и реализации.

В работе [22] предложена производственная модель локально расположенного удаленного поселка. Модель предполагает создание в поселках мини-производств двух типов: производств, направленных на самообеспечение поселков продуктами для собственного потребления (переработка молока, мяса, рыбы); производств, направленных на изготовление продукции с высокой добавленной стоимостью. На рис. 7 приведены фотографии высокотехнологичного мини-производства по глубокой переработке пантов домашних оленей в пос. Суринда. Автор проекта — профессор, доктор сельскохозяйственных наук В. Н. Невзоров (Красноярский государственный аграрный университет).



Рис. 7. Объекты высокотехнологичного мини-производства по глубокой переработке пантов домашних оленей в пос. Суринда

Главной особенностью таких производств является то, что проектирование, монтаж оборудования происходит в контейнере; сертификация производства и обучение кадров происходит в Красноярске. В поселке производится подготовка площадки с подведением

электроэнергии и воды. Доставка осуществляется либо по водным транспортным магистралям, либо по зимнику.

Студентами и аспирантами инженерно-строительного института и института архитектуры и дизайна СФУ (на примере пос. Ессей Эвенкийского МР) разработаны варианты планировочных и архитектурно-строительных образцов обустройства локально расположенных поселков в труднодоступных тундровой и лесотундровой зонах [17, 18, 23, 24]. При разработке архитектурных моделей авторами учитывались этнокультурные и ландшафтно-географические особенности, современные представления об экологическом сохранении окружающей среды, экономии тепла и электроэнергии. На рис. 8 показаны традиционные национальные архитектурные формы северных поселков — чум (а) и халомо (б).



а

б

Рис. 8. Традиционные архитектурные формы жилищ в северных поселках: а — чум (пос. Носок) и б — халомо (пос. Ессей, Эвенкия, Красноярский край; пос. Ходоргой, Якутия)

На рис. 9 показаны архитектурные формы, которые созданы на основе использования композиции чум — халомо

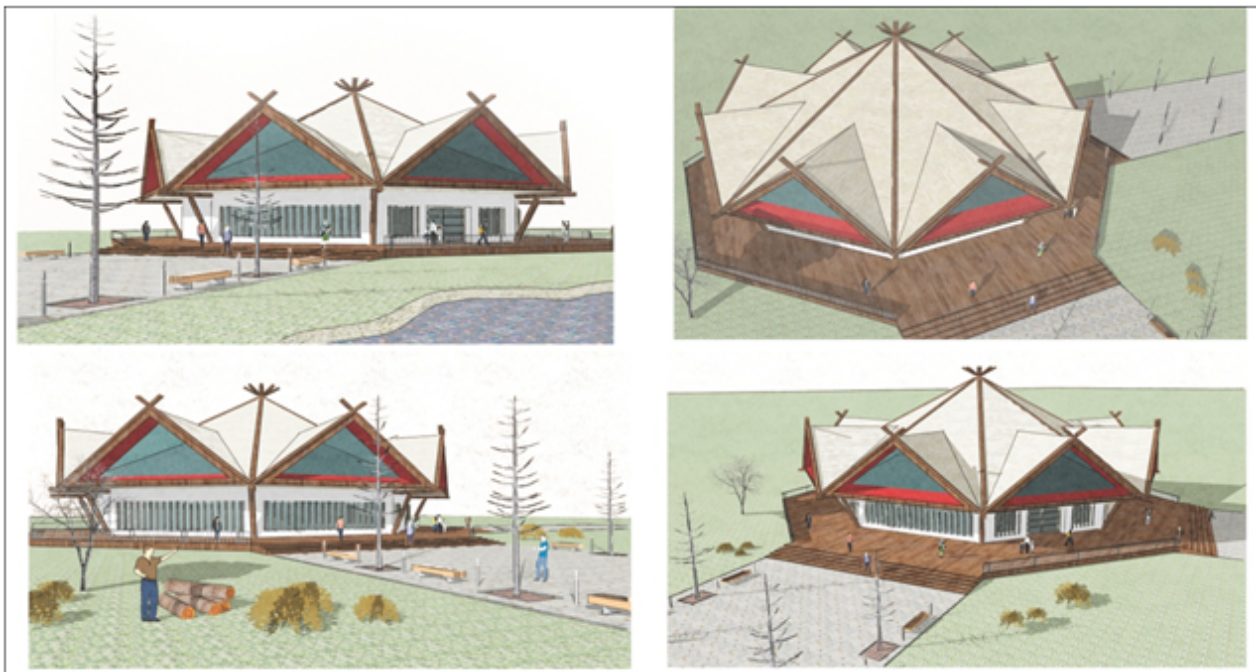


Рис. 9. Архитектурные формы, запроектированные на основе использования композиции чум — халомо

основных свойств композиции чум — халомо, предложенные в работах [23, 24], где формы строения конусообразные, как чум, и многогранные, как халомо. Кроме того, предложены основные принципы пространственной урбанизации в случае проектирования новых северных поселков.

Итак, в настоящей работе показано, что междисциплинарная форма экспедиций студентов, аспирантов и преподавателей различных вузов позволяет:

- a) комплексно подойти к изучению проблемы локально расположенных поселков, в том числе мест проживания коренных малочисленных народов;
- b) предложить взаимоувязанные решения проблемы с учетом этнокультурных особенностей и традиций;
- c) эффективно подготовить студентов к творческой работе в команде на реальных объектах.

Во время работы над проектами преподавателями были защищены три и подготовлена одна кандидатские диссертации, магистрантами были защищены пять магистерских диссертаций, студентами были защищены восемь дипломных работ и проектов.

Литература

1. Коренные и малочисленные народы Севера в условиях глобальных трансформаций // Отчет по гранту ФЦП «Научно-педагогические кадры инновационной России». Сибирский федеральный университет. Красноярск: СФУ, 2010—2012.
2. Разработка научных основ формирования структуры региональной инновационной платформы и механизмов ее создания на основе взаимодействия автономных образовательных учреждений с территориально-административными образованиями (на примере Красноярского края и Сибирского федерального университета) // Отчет по гранту ФЦП «Научно-педагогические кадры инновационной России». Сибирский федеральный университет. Красноярск: СФУ, 2010—2012.
3. Социальное конструирование общероссийской национальной идентичности и самоидентичности в системе культуры региона — субъекта Российской Федерации (на материале Красноярского края) // Отчет по гранту ФЦП «Научно-педагогические кадры инновационной России». Сибирский федеральный университет. Красноярск: СФУ, 2010.
4. Формирование структуры регионального инновационного кластера и механизмов его создания на основе взаимодействия автономных образовательных учреждений с ТАО (на примере Красноярского края и Сибирского федерального университета) // Отчет по гранту Красноярского краевого фонда науки и научной деятельности. Сибирский федеральный университет. Красноярск: СФУ, 2010.
5. Красноярский край — поликультурное пространство, родина коренных и малочисленных народов Севера // Отчет по гранту Красноярского краевого фонда науки и научной деятельности. Сибирский федеральный университет. Красноярск: СФУ, 2010.
6. Суринда. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%F3%F0%E8%ED%E4%E0> (дата обращения: 14.03.2013).
7. URL: <http://www.evenkya.ru> (дата обращения: 14.03.2013).
8. Носок: сайт. URL: <http://www.taimur-karaul.ru/pages/nosok> (дата обращения: 14.03.2013).

9. Коренные народы Красноярского края: сайт. URL: <http://www.krskstate.ru/society/nations/aborigen> (дата обращения: 14.03.2013).
10. Копцева Н.П. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций на материале Красноярского края / Н.П. Копцева, В.И. Кирко, А. В. Кеуш, Е.А. Ноздренко и др. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012.
11. Nozdrenko E. A. Adaptation of Indigenous Youth from Northern Territories to Studing at University: Establishment of the Higher Northern School in Siberian Federal University / E. A.Nozdrenko, N. Koptseva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2012. Vol. 2, № 5. Pp. 232–242.
12. Koptseva N. P. Indigenous peoples of Krasnoyarsk region: concerning the question of methodology of culture studies / Journal of Federal University. Humanities & Social Sciences 2010. Vol. 4, № 3. Pp. 554–562.
13. Koptseva N. P. Protection and Development of the Indigenous Peoples Living in Circumpolar Territories: Cultural and Anthropological Analysis / N. P. Koptseva, N. N. Pimenova, K. V. Reznikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2010. Vol. 5, № 3. Pp. 649–666.
14. Koptseva N. P. Linguistic-Culturological Peculiarities of National Languages of the Northern People of the Krasnoyarsk Region / N. P. Koptseva, A. N. Khizhnyakova, K. V. Reznikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2011. Vol. 3, № 4. Pp. 323–341.
15. Koptseva N. P. Classical and Contemporary Approaches to Ethno-Cultural Studies. The Kernel of Ethnos / N. P. Koptseva, N. A. Bakhova, N. V. Medyantseva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2011. № 4. Pp. 615–632.
16. Копцева Н. П. Этнопедагогические подходы в Сибирском федеральном университете: идея Северной школы для коренных малочисленных народов Сибири и Севера в Красноярском крае / Н. А. Ноздренко, Н. П. Копцева // Инновации в непрерывном дополнительном образовании 2012. № 5. С. 5–11.
17. Kirko V. I. The Estimation of the State of Objects in the Settlements of Evenki and Taimyr Autonomous Districts / V. I. Kirko, L. M. Fatkulina-Yaskova, V. V. Zaharuta // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2012. Vol. 9, № 5. Pp. 1287–1290.
18. Кирко В. И. Оценка технического состояния объектов поселений Эвенкии и Таймыра / В. И. Кирко, Л. М. Фаткулина-Яськова, В. В. Захарюта // АКАДЕМИА, архитектура и строительство 2012. № 2. С. 115–123.
19. Bobrov A. V. An Assessment of the Modern Wind-Power Engineering possibilities on Territory of the Taimyr, Dolgano-Nenets of the Taimyr, Dolgano-Nenets and Evenk Autonomous Districts of the Krasnoyarsk Kray / A. V. Bobrov, V. I. Kirko, V. A. Tremiasov, A. V. Cherepanov // Journal of Siberian Federal University. Engineering & Technologies, 2012. № 5. Pp. 507–511.
20. Кирко В. И. Традиционное хозяйство — основа жизнедеятельности коренных малочисленных народов / В. И. Кирко, К. Н. Кунней // Арктика и Север. 2013. № 12.
21. Шишатский Н. Г. Социально-экономические проблемы создания территорий традиционного природопользования / Н. Г. Шишатский, В. И. Кирко, А. В. Кеуш // Арктика и Север. 2012. № 7. С. 1–7.
22. Кирко В. И. Вовлечение коренных малочисленных народов Севера Красноярского края в инновационную деятельность / В. И. Кирко, А. В. Кеуш // Вестник КрасГАУ. 2012. № 10. С. 233–237.
23. Фисенко К. В. Реконструкция поселка Ессей в Эвенкийском муниципальном районе: дипломный проект, специальность «Архитектура» (рук. С. В. Гладкий; конс. А. В. Сла-

буха) / кафедра «Архитектурное проектирование», институт архитектуры и дизайна. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012.

24. Лохайкин В. С. Исследование северных поселений в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края: пос. Суринда, пос. Ессей / В. С. Лохайкин, И. А. Ряпосов, К. В. Фисенко // Отчет по преддипломной практике: рукопись (рук. С. В. Гладкий, А. В. Слабуха) / научный архив каф. «Архитектурное проектирование». Красноярск: СФУ, 2011.

*Рецензент — Соколова Флёра Харисовна,
доктор исторических наук, профессор*

УДК 323+338+351/354

АРКТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

THE ARCTIC PROJECTS OF THE INTERREGIONAL INTEGRATION



© **Лукин** Юрий Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, главный редактор электронного научного журнала «Арктика и Север». Автор 16 монографий, в том числе «Российская Арктика в изменяющемся мире» (2013). E-mail: lukin.yury@mail.ru

© **Lukin** Yury Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Editor-in-chief of the Electronic scientific journal 'Arctic and North'. The author of 16 monographs, including 'The Russian Arctic in a Changing World' (2013), etc. E-mail: lukin.yury@mail.ru

Аннотация. Исследуются проблемы межрегиональной интеграции в Российской Арктике на примере Совета Белого моря и проектируемого Арктического союза регионов России

Ключевые слова: Российская Арктика, Белое море, интеграция, регионы, проекты, Арктический союз

Abstract. The problems of the interregional integration in the Russian Arctic, as the example of the White Sea and the planned Arctic union of the regions of Russia

Keywords: Russian Arctic, the White Sea, integration, the regions, the projects, Arctic Council

Введение

Целью данной статьи является анализ проблем межрегиональной интеграции субъектов Российской Арктики на основе изучения потребностей в таком сближении как на уровне российского государства, так и на уровне самих арктических регионов. Ставятся задачи рассмотреть складывающуюся в настоящее время ситуацию, проанализировать Стратегию развития АЗРФ и другие документы, обобщить имеющийся практический опыт создания Совета Белого моря в конце XX – начале XXI вв., выявить арктические вызовы для современной России и дать общее описание проекта Арктического союза регионов России. Используются как

общенаучные методы (анализ, синтез), так и методы специальных наук – истории, регионологии, геополитики, публичного администрирования, конфликтологии.

В методологическом плане очень важно концептуально определиться с объектом исследования, так как в публикациях по арктической проблематике нередко используются различные дефиниции, затуманивающие содержание и границы арктического пространства, постоянно льющие воду на мельницу его интернационализации вплоть до передачи под международное управление территорий и акватории Российской Арктики, включая Северный морской путь. Научным мифотворчеством является, например, введение в научный оборот концепта — «Северо-Арктический регион» (С-АР). Север и Арктика — два различных крупных международных региона, расположенных на территории шести государств мира, а не только в одной России. Чтобы объединить два транснациональных региона — Арктику и Север — в один Северо-Арктический регион, необходимо концептуально обосновать в этом случае понятие такого общего региона, его целостность и признаки, отличающие от других территорий. Такого научного обоснования пока не встречается в публикациях, хотя в САФУ имени М.В.Ломоносова, например, ежегодно проводятся конференции, где в качестве объекта исследований обозначена не Российская Арктика (АЗРФ), не Арктический регион, а именно какой-то мифический Северо-Арктический регион.

Кому выгодно подобное «научное» мифотворчество с трансформацией Российской Арктики (АЗРФ) в Северо-Арктический регион? Явно поверхностный подход к определению объекта научного исследования снижает имидж университета, призванного стать одним из лидеров в изучении арктического пространства в России. Арктика становится ареной борьбы не только за пространство, углеводородные ресурсы, транспортные коммуникации, но и за национальный статус региона, содержание различных концепций в науке, за эффективное применение мягкой силы. Поэтому смысловая трансформация Российской Арктики в С-АР уже не кажется таким безобидным делом в защите суверенитета и национальных интересов России. Арктический Совет отдаёт приоритет восьми циркумполярным странам, ограничивая даже состав наблюдателей. Сам по себе Северо-Арктический регион выглядит при этом какой-то серой зоной, безликим образованием с непонятным статусом. Великий передел Арктики за полярные территории и акватории практически уже завершён и принимает в XXI веке иные формы с использованием мягкой силы. С-АР нельзя идентифицировать даже с Арктической G-20 как продуктом многополярного мира.

В официальных российских документах Арктика и Север употребляются отдельно сами по себе и не позиционируются единым регионом. В научных публикациях содержа-

тельно выделяются, кроме того, Европейская Арктика, Урал Полярный, Западно-Сибирская Арктика, Крайний Север, Европейский Север России и другие названия [1, с. 8, 64, 241].

В отечественной юридической науке АЗРФ рассматривается как современный масштабный объект международного права в аналитико-правовом сравнении этого понятия с сектором полярных владений СССР и Российской Арктикой; четко определяются пространственные пределы АЗРФ, её легитимные внешние границы [2, с. 6—9, 12—15].

Объектом исследования в данной статье является Российская Арктика, идентифицируемая как Арктическая зона Российской Федерации, в которую в соответствии с опубликованным Минрегионом России 23 января 2013 г. проектом ФЗ «Об Арктической зоне РФ» входят полностью или частично территории и акватории девяти субъектов РФ [3]. Указанные на авторской карте Российской Арктики (рис.1) они рассматриваются в данной статье в качестве внутренних арктических регионов, между которыми в той или иной степени протекают процессы сближения, образования взаимных горизонтальных связей в экономике, культуре, управлении и политике, в социальной сфере.

Карта Российской Арктики (АЗРФ)



Рис.1. Карта Российской Арктики / ©Лукин Ю.Ф., Еремин А.Э. - Архангельск, 2011

Современные нормативные правовые акты, закрепляющие в России перечень территорий Арктики и Севера, пока отсутствуют. Проект федерального закона 2013 г. об Арктической зоне Российской Федерации отложен. Вместо его Минрегион России в срочном порядке

разрабатывает распоряжение Президента РФ «О составе сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации». При такой формулировке вполне логично возникают вопросы о том, входят ли вообще акватории в состав АЗРФ? Будет ли учитываться при этом фактор талассократии, морского могущества России? Куда войдёт акватория Севморпути?

Нужна ли сегодня государству АЗРФ как единый объект и субъект управления?

При исследовании процессов интеграции арктических регионов — субъектов РФ, входящих в АЗРФ, помимо четкого определения объектов взаимодействия, а также предмета интеграционного сближения возникает проблема наличия потребности в таком сближении у государства и самих регионов. Вполне ожидаемым и очевидным будет ответ на вопрос: «Нужна ли сегодня государству Арктическая зона России как единый объект и субъект управления и политики, экономического, социального и культурного взаимодействия»? В существующем сегодня огромном российском арктическом пространстве, внутренние границы которого до сих пор законодательно даже не определены, очевидно, нет, не нужна. В лучшем случае нужен Северный морской путь (СМП) как единая национальная транспортная магистраль², на который существует огромный потенциальный спрос. В качестве стратегического резерва необходим также континентальный арктический шельф с его предполагаемыми, но пока ещё не подтвержденными в полной мере запасами углеводородов³.

Арктическая зона России как единый объект и субъект управления на уровне государства сегодня скорее является *виртуальным понятием*. Все субъекты АЗРФ живут сами по себе, проявляя минимальный интерес друг к другу. Государство «долго запрягает» и решает возникающие арктические проблемы в основном сверху, постепенно по мере своих бюджетных возможностей с привлечением бизнеса. Это генеральная очистка островов и прибрежных территорий; начало строительства атомных ледоколов нового поколения, морского порта Сабетта, 10 аварийно-спасательных центров МЧС⁴, 20 новых пограничных застав⁵, принятие федерального закона - ФЗ-№132 и создание администрации СМП, обновление инфраструктуры; проект России в Печорском море - Приразломная, проведение разведки и бурения на арктическом шельфе с привлечением зарубежных компаний и другие шаги.

² Федеральный закон ФЗ-№132 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути» действует с 2013 года, создана администрация СМП в Москве, офис в Архангельске.

³ В данной статье я не касаюсь вопросов обеспечения безопасности и укрепления обороноспособности России.

⁴ Пока в 2013 г. введен в эксплуатацию только один в г. Нарьян-Мар Ненецкого автономного округа.

⁵ Открытая информация по обустройству госграницы в Арктике отсутствует. Вполне вероятно, что принятая ФЦП в отношении Российской Арктики в установленные сроки и в полном объёме не будет выполнена.

Проблема сегодня заключается в том, есть ли у России время и ресурсы для начала не просто арктического прорыва Путина, о котором я писал ранее, а реального, мощного наступления в Арктике для значительного улучшения ситуации и в полной мере использования открывающегося в XXI веке окна возможностей всеми арктическими субъектами РФ. Очевидно, пока нет. А в условиях скатывания экономики страны к рецессии и сокращения бюджета на 2014-2016 гг. о некоторых арктических проектах, в том числе о таком масштабном проекте, как «Программа разведки континентального шельфа России и разработки минеральных ресурсов на долгосрочную перспективу, до 2030 года» можно уже вообще не вспоминать, правительство РФ этим летом просто закрыло программу шельфовой добычи⁶.

Направлением главного удара в государственной политике России сегодня практически определён Восток, Азия, но не Арктика. А для бизнеса прибыльнее разработка углеводородных месторождений на суше (Ямал, Сибирь), что вполне логично и обоснованно, а не на арктическом шельфе с его экологическими и инвестиционными проблемами. Утвержденная В. В. Путиным Стратегия развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.⁷ в качестве шести приоритетных направлений развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности выделяет: 1) комплексное социально-экономическое развитие АЗРФ; 2) развитие науки и технологий; 3) создание современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; 4) обеспечение экологической безопасности; 5) международное сотрудничество в Арктике; 6) обеспечение военной безопасности, защиты и охраны государственной границы РФ в Арктике [4]. Если убрать концепт «Арктика», то подобные общие задачи можно поставить перед любым другим макрорегионом, федеральным округом, а также всей Россией. Отсутствуют четко обоснованные конкретные приоритеты на ближайшую перспективу, которых не может быть много в указанном хронологическом интервале до 2020 года, учитывая инвестиционные, бюджетные, технологические и другие ограничения. Существующие проблемы совершенствования системы государственного управления социально-экономическим развитием АЗРФ раскрываются в п.9 в достаточно общих формулировках. Об управлении общими фразами говорится и в других пунктах стратегии. Было бы логичнее с позиций менеджмента выделить вопросы государственного, регионального и муниципального управления, делегирования полномочий, определения функций и ответственности в качестве одного из главных приоритетных направлений разви-

⁶ Совещание о перспективах развития отечественного гражданского судостроения. 30 августа 2013 г., Владивосток. URL: <http://президент.рф/новости/19107> (дата обращения: 02.09.2013).

⁷ Опубликована 20.02.2013 на сайте правительства РФ. URL: <http://www.government.ru/docs/22846/> (дата обращения: 22.02.2013).

тия АЗРФ. Российская практика показывает, что основная проблема публичного администрирования заключается не в отсутствии понимания что делать, а в неумении организовать как делать, достичь практических положительных результатов в реальной жизни, а не на бумаге, в кабинетах. Встречи президента России с правительством, министрами, совещания в субъектах РФ по вопросам качественного выполнения майских указов 2012 г. о социально-экономическом развитии страны наглядно раскрывают существующую в федеральных органах власти и управления формально-бюрократическую практику выполнения принятых ранее решений. И Арктика здесь не является приятным исключением.

Сравнительный анализ показывает, что национальная стратегия США для арктического региона от 10 мая 2013 г. также устанавливает самые общие стратегические приоритеты правительства США в Арктике. В этом отношении она мало отличается от российской. Но американская стратегия в какой-то степени нацелена на более эффективное управление, новые возможности, связанные со значительным увеличением активности в Арктике. Стратегия США опирается на существующие инициативы федеральных, государственных, местных органов власти, частного сектора и международных партнеров. Стремится сосредоточить приоритетные усилия там, где существуют возможности и необходимы действия: национальная безопасность, арктическая инфраструктура, улучшение информированности о происходящих в Арктике изменениях. Ключевыми моментами национальной безопасности определяется удовлетворение потребностей энергетики США, активное сохранение ресурсов, ответственные оценки рисков. Поставлена задача создания схем и картографирования океана, водных путей, которых не было видно из-за многолетних льдов. Много говорится о партнерских отношениях и взаимодействии между арктическими государствами и коренными народами Арктики [5].

Возвращаясь к России, можно с сожалением констатировать, что Арктическая зона РФ не представляет сегодня собой единого целого ни в одной из сфер жизнедеятельности российского общества. Глубокая межрегиональная интеграция в Российской Арктике практически не развивается из-за высокого уровня пространственной, информационно-коммуникационной, социально-экономической разобщенности регионов – субъектов АЗРФ. Кроме того, имеются и субъективные причины, проявления регионализма в практике управления, отсутствие инициативы снизу в ожидании указаний сверху.

Совет Белого моря

Зададимся еще одним вопросом: *«Нужна ли сегодня интеграция, объединение усилий на уровне самих арктических субъектов РФ?»*. Здесь можно сослаться на тот практиче-

ский опыт, который был получен нами в процессе создания Совета Белого моря, реализации других проектов. Актуальность межрегиональной интеграции в акватории Белого моря обусловлена общностью условий жизнедеятельности населения, проживающего здесь, экспортно-сырьевой ориентацией экономики, природно-климатическими факторами и общей исторической судьбой. Северные территории до 1918 г. частично или полностью входили в состав Архангельской губернии, в 1929—1936 гг. — Северного края. В XX — начале XXI в. исторически единое социокультурное и экономическое пространство оказалось разорванным по административно-территориальным границам разных субъектов РФ.

В настоящее время Белое море является внутренним морем России и объединяет территории, входящие в состав Архангельской, Мурманской областей, Республики Карелия и Ненецкого автономного округа. Они имеют не только общее историческое прошлое, но и одинаковые проблемы в социально-экономическом развитии, культуре, в формировании инфраструктуры и в других сферах жизнедеятельности. Это та основа для межрегионального взаимодействия, которую необходимо сегодня развивать. Геополитический же парадокс заключается здесь в том, что при наличии идентичных проблем отсутствуют постоянные контакты, партнерство и диалог, как будто живут северяне по берегам Белого моря не в России, а вообще в разных странах. Уровень горизонтальной межрегиональной интеграции в Беломорье даже ниже, чем в Баренцевом Евро-Арктическом регионе (проекте МИД Норвегии).

Поэтому еще в 1997 г. были сделаны первые шаги по созданию межрегионального объединения в рамках Совета Белого моря (СБМ). Участники IX Соловецкого форума обратились к руководству субъектов Европейского Севера РФ, политическим и общественным организациям, гражданам Беломорья с предложением рассмотреть и поддержать идею о создании межрегионального СБМ, о разработке и осуществлении *целевой межрегиональной программы (ЦМП)* оптимального использования потенциала Белого моря и прибрежных территорий в интересах устойчивого экономического роста при обеспечении экологической безопасности жизни населения. Составными направлениями такой ЦМП становятся совместные усилия власти и бизнеса по согласованию и осуществлению единой энергетической политики, устойчивому обеспечению населения, субъектов хозяйствования топливом и энергией; размещению и строительству автомобильных и железных дорог, терминалов, трубопроводов, внедрению новейших средств связи, формированию единой инфраструктуры, отвечающей стандартам мирового уровня; регулированию зверобойного промысла, ловле рыбы, проведению совместных мероприятий по экологии Белого моря, обеспечению безопасности

во всех сферах жизнедеятельности человека; развитию образования, науки и культуры населения; укреплению доверия и международного сотрудничества на Севере Европы [6].

Это обращение Соловецкого форума получило поддержку председателя правительства Республики Карелия В. Степанова, губернатора Мурманской области Ю. Евдокимова, министра региональной политики РФ В. Кирпичникова. Рабочая группа в г. Архангельске под руководством Н. Исакова активно работала в 1998—1999 гг. по нормативно-правовому обеспечению деятельности СБМ. Было разработано два проекта: Устав межрегиональной ассоциации «Совет Белого моря» и Устав некоммерческого партнерства «Совет Белого моря». В декабре 1998 г. глава администрации А. Ефремов принимал в Архангельске председателя правительства Республики Карелия С. Катанандова, глав администраций Мурманской области Ю. Евдокимова и Ненецкого автономного округа В. Бутова, но подписать тогда какие-либо документы не удалось.

Вопросы о создании Совета Белого моря и основных направлениях его работы обсуждались позднее 5 марта 1999 г. на собрании представителей Архангельской и Мурманской областей, республики Карелия и Ненецкого автономного округа [7]. В план мероприятий СБМ были включены предложения о постройке судна река-море для перевозки пассажиров и туристов на Соловки и по беломорскому побережью; издании свода памятников истории и культуры, природы, науки и техники прибрежных территорий Беломорья; проведении Беломорского конгресса пользователей Белого моря; создании на базе Соловецкого музея-заповедника межрегионального центра изучения эколого-биологического, историко-культурного потенциала Белого моря; объединении усилий регионов по проведению тюленьего промысла; о создании своего печатного издания и др. Большинство из предложенного осталось тогда всего лишь благими пожеланиями. Сказалось то, что формально главы администраций не подписали никакого документа о создании СБМ, а представители четырех субъектов Севера России в марте 1999 г. не имели таких полномочий.

28—30 октября 1999 г. в г. Архангельске состоялся первый Двино-Беломорский экологический форум «Межрегиональное взаимодействие на Русском Севере». 29 октября 1999 г. единогласно была принята Декларация о межрегиональном сотрудничестве между республиками Карелия и Коми, Архангельской, Вологодской и Мурманской областями, Ненецким автономным округом. После доработки документов и их правовой экспертизы в Мурманск, Петрозаводск и Нарьян-Мар были отправлены Соглашение о межрегиональном сотрудничестве в бассейне Белого моря между Республикой Карелия, Архангельской и Мурманской областями, Ненецким автономным округом и Положение о Совете Белого моря. Ответы были

получены тогда только из Мурманска и Петрозаводска. Никакой реакции не последовало от администрации Ненецкого автономного округа. Достаточно сдержанно, если не сказать пассивно, вела себя администрация Архангельской области.

Развитие партнёрских отношений между субъектами РФ на Севере России по разработке совместной целевой программы межрегионального сотрудничества «Белое море» на 2000—2005 гг., реализации других шагов, — все это не получило реального продвижения, а наоборот выявило перманентную конфликтную ситуацию в межрегиональных отношениях. Все попытки общественных объединений создать хотя бы *консультационно-координирующую структуру* на побережье Белого моря с участием администрации субъектов РФ не принесли ожидаемых результатов. А причина самая банальная заключалась в том, что у региональных властных элит были свои интересы, амбиции и стремление к регионализму в не лучшем его проявлении. Очень негативно сказалось нежелание администрации Архангельской области взять на себя в полном объеме функции лидерства по координации всей этой работы без указаний сверху. Сами же некоммерческие общественные объединения не обладали тогда необходимыми организационно-финансовыми ресурсами для такого рода деятельности. По сути речь шла о создании инновационного *общественно-государственного партнёрства* в той или иной форме. Можно сказать, в данном случае общественные организации Архангельска, опережая время, провели социальный эксперимент, выявили конфликт интересов, неготовность региональных властных элит субъектов РФ, расположенных в бассейне Белого моря, к межрегиональной интеграции не на словах, а на деле.

В сложившейся ситуации общественные движения сделали еще одну попытку начать движение к сотрудничеству на уровне муниципальных образований. В администрации муниципального образования «Приморский район» 6 сентября 2001 г. прошел первый Беломорский симпозиум «Муниципальная власть, самоуправление в социокультурном пространстве северных территорий», на котором обсуждались доклады о социально-экономическом и культурном развитии Приморского района, о местном самоуправлении в Архангельской области, о межрегиональной интеграции. В очередной раз отмечалось, что Белое море — это уникальное единственное внутреннее море России. У северных народов одна историческая судьба. И проблемы у них одни и те же: низкий уровень жизни; транспортные, экологические проблемы (в Белом море, например, огромные захоронения химического оружия); квоты, лов рыбы; пути решения социально-экономических задач. Поэтому был поднят вопрос о создании Совета муниципальных образований побережья Белого моря. Северному сообществу нужна взаимная поддержка, коллективное решение многих социаль-

ных проблем. Не получилось сверху, может, получится объединение снизу, на уровне муниципальных образований побережья Белого моря, так думали мы в то время. Было принято решение создать оргкомитет, доработать документы симпозиума, направить их всем главам муниципальных образований на побережье Белого моря, получить от них замечания и предложения, собраться затем в г. Онеге, чтобы создать там Совет глав муниципальных образований побережья Белого моря (Совет Белого моря).

21 февраля 2002 в г. Онеге была образована некоммерческая организация, получившая название «Совет Белого моря». Ее учредителями стали муниципальные образования «Приморский район», «Город Онега и Онежский район», общественные объединения «Архангельский зеленый крест», «Соловецкий форум» и ряд физических лиц. 28 июня 2002 г. некоммерческое партнерство «Совет Белого моря» было зарегистрировано Управлением юстиции администрации Архангельской области. Предполагалось участие в работе СБМ других муниципальных образований, расположенных по побережью Белого моря, из Республики Карелия и Мурманской области, Ненецкого автономного округа. Собственно говоря, СБМ и был создан для объединения усилий государственных, региональных и муниципальных органов власти и управления, представителей бизнеса, общественных объединений и граждан всех четырех субъектов России на основе *муниципально-общественного партнерства*, солидарности и взаимной выгоды. В результате деятельности СБМ было реализовано несколько конкретных проектов, разработана концепция «Белкон».

Однако в муниципальных образованиях, расположенных на побережье Белого моря, существующая потребность в интеграции усилий при решении социально значимых проектов ограничивалась отсутствием необходимых финансовых ресурсов, профессиональных компетенций, креативности. Социальная инициатива общественных формирований по межрегиональному сотрудничеству муниципальных образований в Беломорье оставалась в те времена гласом вопиющего в пустыне. Понимание бесперспективности крупных социальных проектов без внешней поддержки государства и субъектов АЗРФ привело нас к созданию ещё одной неформальной организации — Архангельского регионального экспертного совета по местному самоуправлению (АРЭС МСУ) для оказания информационной, научной, проектной и экспертной поддержки инициатив муниципальных образований и территориальных органов управления (ТОС). Разрабатывались другие проекты межрегиональной интеграции.

Проект Арктического союза регионов России

Наиболее значимым проектом в 2010—2013 гг. стала работа по созданию Арктического союза регионов России (АСРР). Основу его заложили проекты арктической стратегии и ГП

«Арктика» (2010). В разрабатываемой тогда СОПС государственной программе «Экономическое и социальное развитие Арктической зоны РФ на 2011—2020 гг.» (ГП «Арктика») одним из десяти стратегических приоритетов государственной политики РФ в Арктике было определено совершенствование системы государственного управления социально-экономическим развитием АЗРФ.

Актуальность и обоснование проекта «Арктический союз регионов России» определялось также федеральным проектом «Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.», опубликованной Минрегионом России в 2010 г. [8]. Этот документ был нацелен на создание *единого системного блока арктического управления* с учетом прогнозируемых рисков. Отмечая острейшую потребность в межрегиональной экономической, социальной, политической координации деятельности арктических территорий России, проект подчеркивал необходимость создания *«виртуального» арктического федерального округа и межрегиональной ассоциации взаимодействия «Арктическое соглашение»* во имя сглаживания контрастов развития внутри Арктической зоны и налаживания эффективных перетоков знания и кадров между старо- и «младопромышленными» арктическими территориями. Проектировалось активное внедрение технологий дистанционного управления; нейтрализация издержек монопрофильной специализации арктических поселений; использование лучшего международного опыта управления; организация внутреннего взаимодействия между властью, бизнесом, структурами национального самоуправления коренных малочисленных народов Севера и некоммерческими организациями во имя пробуждения инициативы удаленных местных арктических сообществ [8].

С учетом указанных документов к началу декабря 2010 г. появился первый вариант проекта, названный мною «Арктический союз регионов России» («Arctic union regions of Russia», сокращенно АСРР). В методологическом плане основу проекта составляет *междисциплинарный, системный подход*, рассматривающий арктическое пространство в различных измерениях регионологии. *Главная цель* проекта на первом этапе заключается в создании «Арктического союза регионов России» для решения следующих задач:

- a) развития диалога, доверия и взаимопонимания между людьми, информационного взаимодействия субъектов и муниципальных образований АЗРФ с использованием ИТ;
- b) организации межрегиональной координации, кооперации и интеграции экономической, социальной, политической, культурной деятельности регионов АЗРФ;
- c) бенчмаркинга — использования лучшего позитивного опыта управления приарктическими территориями;
- d) налаживания эффективных коммуникаций, повышения открытости и информационной доступности этнокультурного наследия коренных народов.

В дорожной карте предлагается осуществить в 2011—2020 гг. более 40 мероприятий, расписанных по годам. Обозначены ожидаемые результаты. Для реализации намеченных мероприятий просчитана сумма в 34,3 млн рублей на 10 лет. Город Архангельск при успешной реализации задуманного проекта становится неформальной, электронной столицей регионов АЗРФ, мотором создания Арктического союза регионов России. Формирование «виртуального» Арктического федерального округа (государственно-общественной организации) на основе реализации первоначального проекта «Арктический союз регионов России» включает ряд мер, уже реализованных к сегодняшнему дню (с 2011 г., например, издается электронный научный журнал «Арктика и Север»), и одновременно ликвидацию ИУиР в 2012 г. и центра «Арктические партнерства» в 2013-м, которые были базовыми в выполнении намечаемых мероприятий.

Приоритеты межрегиональной интеграции в рамках проекта АСРР

В числе приоритетных факторов, способствующих межрегиональной интеграции в рамках предлагаемого проекта АСРР, концептуально можно отметить следующие. Во-первых, это **коммуникации**. Использование ТВ, радио, современных ИТ на основе творческих, креативных идей позволяет развивать прямые контакты, деловые связи между организациями, предприятиями и людьми во всех сферах жизнедеятельности арктических социумов. Обмениваться информацией, документацией, опытом работы; содействовать созданию межрегиональных информационных банков и баз данных; осуществлять сотрудничество на основе непосредственных связей между администрациями, правительствами регионов и хозяйствующими субъектами независимо от их формы собственности и подчиненности. Развитие диалога, доверия и взаимопонимания осуществляется путем проведения межрегиональных совещаний, деловых встреч, семинаров, конференций. В перспективе возможно образование телекомпании «Российская Арктика», нескольких электронных сетевых площадок с ориентацией на арктические регионы России; создание в Архангельске информационного портала «Электронные правительства субъектов АЗРФ», проведение первого Конгресса муниципальных образований АЗРФ, а также реализации других мероприятий.

Во-вторых, **арктический менеджмент**. Создание отдельного Министерства по делам Арктики кажется мне очень проблематичным, так как функционально вопросы развития всех субъектов РФ, их бюджетного обеспечения, инвестирования проектов в рамках федеральных целевых программ решаются в установленном законами порядке соответствующими структурами власти и управления. Другое дело, скажем, создание АСРР, Администрации Северного морского пути и тому подобных органов публичного администрирования в Аркти-

ке. Было бы правильным создание *офиса Арктических проектов* в автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (URL: http://www.asi.ru/about_agency/). Возможно также функционирование подобного офиса в структуре САФУ имени М. В. Ломоносова как одного из шагов по созданию Арктического союза регионов России в западной части Российской Арктики и такого же офиса в Сибирском федеральном университете для Восточно-Сибирской Арктики. Такие проектные офисы АСРР могли бы осуществлять арктический мониторинг экономической, социальной, геополитической, этнокультурной ситуации в Арктике. В рамках АСРР может осуществляться оказание арктическим стейкхолдерам консалтинговых, образовательных, информационных, проектных и других видов услуг, связанных с Арктикой и Севером, как на основе грантов, так и за счет других источников финансирования.

В результате на втором этапе становится реальным создание «виртуального» Арктического федерального округа как *государственно-общественного партнерства* с учетом интересов всех субъектов жизнедеятельности в Арктике; удовлетворения потребностей разных социальных групп в информации, знаниях, коммуникациях, социально-культурном взаимодействии и этнокультурном самоопределении. Вводимые новые концепты «*муниципально-общественное партнерство*», «*государственно-общественное партнерство*» (*государственно-общественная организация*), несомненно, нуждаются в правовом обосновании и законодательном оформлении по аналогии с «государственно-частным партнерством». Взаимодействие государственных структур, организаций гражданского общества и бизнеса при реализации арктических проектов становится основной парадигмой в деятельности АСРР. Такой подход актуален не только для Арктики.

В-третьих, *культура*. Актуально продвижение гуманитарных проектов в сфере культуры, включая науку, образование, традиционную культуру коренных народов. С 2012 г. центр «Арктические партнёрства» САФУ с партнёрами из Ненецкого автономного округа (М.Чупров) начал осуществлять культурный проект, имеющий огромный объединительный потенциал. Имеется в виду проведение общего для арктических регионов праздника Дня холода в последний день февраля. Общекультурные мероприятия вообще обладают значительным позитивным потенциалом. Культурные, научные, образовательные проекты имеют сегодня даже больше шансов для интеграции арктических регионов, чем промышленные, не говоря уже о перманентной конфликтности при реализации углеводородных проектов.

Однако, в отличие от добычи нефти и газа в Арктике, гуманитарные проблемы арктических регионов являются априори как бы менее актуальными. Сложившаяся ситуация в

полной мере отражает тренды и кризис в целом гуманитарного образования и науки в России, усилившийся с приходом новой техно-бюрократической команды к управлению. Необходимо заметить, что гуманитарная наука по исследованию Арктики и Севера России переживает сейчас нелегкие времена. В частности, недостаточно исследуются проблематика, связанная с *гуманизацией арктического пространства*, чему был посвящен XVI Соловецкий форум «Гуманитарное измерение Российской Арктики» 20-21 сентября 2013 года [9]. Постоянного внимания и значительных ресурсов требует сохранение культурного наследия в Российской Арктике: артефактов, объектов морского наследия, памятников истории и культуры, памятных мест полярных экспедиций, а также духовного достояния. Продолжение исследований этнокультурного пространства АЗРФ, проблем коренных народов, перспектив сохранения языков, развития позитивных традиций, самоуправления позволяет адекватно реагировать на применение мягкой силы в этих вопросах.

В-четвертых, *арктический туризм*. Это мощный, можно даже сказать, определяющий фактор межрегиональной интеграции. В настоящее время в каждом из арктических регионов ищут свои семь чудес света. Очевидно, что пришло время для создания единого арктического туристического агентства, на сайте которого можно было бы найти информацию о всех туристических маршрутах в Арктике, начиная от путешествия на Северный полюс до поездки на остров Врангеля, священный для ненцев остров Вайгач и др. В числе достопримечательностей можно назвать: Соловецкие острова в Белом море [URL: <http://my-solovki.ru/turism/how-to-get/>]; национальный парк «Русская Арктика» [URL: <http://www.rus-arc.ru/ru/Contact>]; памятники истории и культуры Кольской земли, включая знаменитые сейды [URL: http://www.team51.ru/Kola_Istor.Htm; <http://www.wildfree.ru>]. Заслуживают внимания проект «Всероссийская технотека» по сохранению оборудования кораблей атомного подводного флота различных проектов и поколений в Северодвинске, многие другие местные и региональные культурные инициативы и проекты.

В-пятых, *экономика*. Ведущую роль в вопросах социально-экономической интеграции арктических регионов сегодня играет *транспорт*. Морской и речной транспорт реально обеспечивают регулярное судоходство по студенным северным морям и впадающим в них речным артериям, осуществляя «северный завоз» грузов. Что касается межрегиональных авиационных маршрутов, то из Мурманска и Нарьян-Мара можно долететь до Архангельска, где функционирует авиакомпания «Нордавиа — региональные авиалинии». Однако лететь в Салехард придется пока еще через Москву. Автотранспортное и железнодорожное сообщение между арктическими регионами вообще находится в зачаточном состоянии. Перспек-

тивные инвестиционные проекты развития транспортной инфраструктуры Российской Арктики в XXI в. рассматриваются в статье В. А. Андрианова и в других работах, публикуются соответствующие карты [10]. Актуален в частности и наш проект строительства автодороги Нарьян-Мар – Мезень - Архангельск с выходом на федеральную трассу М-8 Архангельск-Москва. Существует множество других инфраструктурных проектов.

Межрегиональную интеграцию в АЗРФ не имеет смысла начинать сегодня в условиях кризиса с реализации крупных проектов в экономике, требующих значительных инвестиций на уровне регионов. Многострадальный «Белкомур» тому пример. Вопросы финансирования этого проекта обсуждались еще в 1997 г. на заседании совета директоров ОАО «Межрегиональная компания «Белкомур», где присутствовали представители администрации Пермской и Архангельской областей, Республики Коми и Коми-Пермятского автономного округа. В ноябре 1998 г. были начаты строительные работы на участке Карпогоры — Вендинга. Завершение строительства предполагалось в 2013 г. Однако в настоящее время даже уложенные когда-то шпалы и рельсы растащены, а поиск инвесторов продолжается до сих пор.

Практика показывает, что реализация арктических проектов в целом, включая межрегиональную интеграцию, требует огромных инвестиций и адекватных ответов на арктические вызовы для современной России.

Арктические вызовы для современной России

Арктика – это очень дорогостоящее удовольствие. Имеет ли сегодня российское государство, субъекты АЗРФ, а также бизнес инвестиционные возможности вкладываться в реализацию арктических проектов? Государственный бюджет РФ – пока точно нет. Дай Бог, как говорится, выполнить те ФЦП, которые уже запущены, да ещё реализовать без коррупционных потерь двухтриллионную госпрограмму по социально-экономическому развитию АЗРФ до 2020 г. Региональные бюджеты части арктических субъектов не справляются без дотаций федерального центра даже с выполнением социальных обязательств перед населением, строительством жилья, детских садов... Что касается бизнеса, то крупные ОАО «Газпром», «Роснефть», «Новатэк» уже не первый год работают в Арктике (Ямал, Сабетта, Приразломное, Карское море и др.), но и они не могут обойтись без инфраструктурной, налоговой поддержки российского государства и международной интеграции с крупнейшими ТНК.

В связи с рассмотрением проблем межрегиональной интеграции возникает поэтому вполне естественный вопрос о том, сумеет ли вообще Россия ответить на арктические вызовы. Моя авторская формула современных вызовов при этом выглядит следующим образом:

Арктические вызовы = Л + И + Т + Э + АС, где: Л - люди, человеческий капитал; И - инвести-

ции в экономику, инфраструктуру; Т - технологии; Э - экология, сбережение культурной и природной окружающей среды в АЗРФ; АС - арктическая солидарность, интеграция.

Для социально-экономического развития Российской Арктики необходим огромный капитал. В первую очередь, человеческий, сформированный в результате инвестиций, обеспечения высокого качества жизни, накопленного людьми запаса здоровья, знаний, профессиональных компетенций, мотиваций. Анализ документов и литературы, индексов человеческого развития (ИЧР), креативности (таланта, технологий, толерантности), качества жизни коренных народов, личные наблюдения позволяют сделать вывод о крайне неравномерном развитии субъектов АЗРФ, нерешаемых годами социальных проблемах. При геополитическом раскладе Россия имеет самую низкую продолжительность жизни по сравнению с другими арктическими странами.

Во-вторых, инвестиции в инфраструктуру, экономику АЗРФ, затраты на разработку арктической нефти и газа достигают просто космических высот в триллионы рублей. «Роснефть» ещё в 2008 году подсчитала затраты на освоение нефтяных месторождений в Арктике, которые могут составить 61 триллион рублей. Из заявленной суммы 45 трлн. руб. инвестиций требовалось на освоение шельфовых месторождений, 16 трлн. – на геологоразведочные работы⁸. Естественно, что суммы затрат постоянно изменяются, во многом зависят от спроса и цены, складывающейся конъюнктуры рынка. Отложенный до 30-х годов XXI века проект Штокмана, рост добычи сланцевого газа в США являются тому примерами.

Бывший министр регионального развития РФ В. Басаргин в апреле 2012 года сообщил, что по проектным расчетам, на реализацию стратегических приоритетов в Арктике до 2020 года потребуется около 1,3 триллиона рублей. Около 503 миллиардов рублей должен выделить федеральный бюджет, 724 миллиарда - регионы. Еще 80 миллиардов - доля бизнеса [11]. Одна часть арктических проектов касается создания новых транспортных коридоров и освоения новых месторождений углеводородов с учетом обеспечения экологического баланса. Другая, не менее важная, - развитие социальной инфраструктуры, обеспечение доступности социальных услуг и повышение качества жизни населения, сохранение культурного наследия коренных народов. Все эти задачи были якобы учтены при разработке стратегии развития Российской Арктики (февраль 2013 г.).

⁸ Разработка арктической нефти будет стоить России 60 триллионов. 21.04.08. URL: <http://www.nr2.ru/есопому/174858.html> (дата обращения: 21.10. 2013).

Однако разработанный Минрегионом России проект Государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ до 2020 года» потребует финансирования уже около двух триллионов рублей, в том числе из федерального бюджета будет выделено 600 млрд рублей, а за счет внебюджетных источников планируется привлечь более 1 трлн рублей⁹. Уделяется особое внимание развитию экологических видов туризма в Арктике, вахтовой миграции, формированию опорной сети автомобильных дорог общего пользования. К этому времени в зоне экстремально низких температур должна появиться развитая железнодорожная сеть и реализованы крупные инфраструктурные проекты. В качестве безусловного приоритета декларируется повышение качества жизни людей, проживающих на Севере, а также обеспечение эффективного баланса между хозяйственной деятельностью и сохранением окружающей среды, - о чем заявил министр регионального развития РФ И. Слюняев на заседании XI Генеральной ассамблеи Северного форума в октябре 2013 г.[12]. Если такой стратегический курс будет реализован на деле, то открываются возможности и для реальной межрегиональной интеграции субъектов АЗРФ.

Не касаясь проблем использования современных технологий, баланса экономики и экологии в данной статье, отмечу в заключение значимость арктической солидарности и социальной сплочённости. Без геополитического диалога, стратегического партнёрства, концентрации ресурсов, финансов, применения самых современных технологий Арктику просто нельзя освоить в одиночку, одной стране. Арктическая солидарность проявляется именно как интеграция в экономике, политике, культуре, социальной сфере в самых разных проявлениях как на международном, так и на межрегиональном уровнях. Партнёрство глобальных нефтяных корпораций в Арктике нацелено, например, на получение прибыли, в основе своей имеет чисто экономические интересы. Частно-государственное партнёрство представляет собой в определенной степени баланс или компромисс интересов частного бизнеса и государства. Появляются также другие виды арктических партнерств, открывающие новые возможности для межрегиональной интеграции в Российской Арктике. Актуально формирование *социальной сплочённости* как общественного благополучия, стабильных социальных отношений, снижения уровня диспропорций в развитии регионов АЗРФ, обеспечение каждому человеку доступа к рабочим местам, стимулирования активности, толерантности и ответственности людей, их вовлечения в жизнь общества на основе общих ценностей.

⁹ Триллион для Арктики. Разработана госпрограмма развития Севера. URL: http://www.minregion.ru/press_office/publications/3645.html (дата обращения: 23.10. 2013).

Заключение

Общий вывод можно сделать такой, что в системе функционирования российской вертикали управления региональные властные элиты субъектов АЗРФ пока ещё не готовы к горизонтальной интеграции. Об этом свидетельствует практический опыт создания Совета Белого моря, о чем шла речь в статье выше. Пространственная раздробленность РФ на 80 лишним субъектов сама по себе является конфликтогенным фактором, тормозящим развитие межрегиональной интеграции. Руководство каждого субъекта АЗРФ мотивировано, прежде всего, на реализацию своих региональных текущих потребностей и целевых программ. Субъекты АЗРФ входят в состав нескольких федеральных округов, также не особенно мотивированных в углублении межрегиональной интеграции в Арктике.

Причина здесь кроется даже не в человеческом субъективном факторе. Действующая объективно централизованная федеральная система управления и власти, бюджетирования не оставляет места для эффективного интеграционного сближения регионов, создания арктических партнёрств. Существующие проблемы инвестирования дорогостоящих арктических проектов перманентно ограничивают возможности для их своевременной реализации.

В условиях существующих и постоянно изменяющихся природно-климатических, экологических рисков многочисленные современные вызовы в АЗРФ объективно требуют существенно модернизировать основы управления арктическими регионами и муниципальными образованиями России как на федеральном, так на региональном и муниципальном уровнях. Поэтому становится актуальным создание Арктического союза регионов России, как общественно-государственного партнёрства инновационного типа в XXI веке.

Устойчивое развитие Российской Арктики как интегрированного макрорегиона будет определяться качеством человеческого капитала, экономическим потенциалом и инновационностью, социальной сплочённостью и системным характером взаимодействия между субъектами АЗРФ. Развивая интеграцию в Арктике, важно оказывать хозяйствующим субъектам необходимую помощь в установлении деловых связей, поиске инвестиций, создании совместных предприятий и партнёрств. Содействовать в предоставлении информации по правовым, пограничным, миграционным и другим вопросам; в перевозке туристов на арктические острова и побережье северных морей. Формирование единой арктической инфраструктуры (транспорт, энергия, связь, информация) потребует длительного времени и огромных инвестиций, но позволит в конечном итоге обеспечить население и субъекты хозяйственной деятельности теплом и энергией, создать современную индустрию по комплексной добыче, переработке минерально-сырьевых и биологических ресурсов.

Указанными выше концептуальными подходами тема межрегиональной интеграции арктических субъектов безусловно не исчерпывается. Редакция журнала «Арктика и Север» готова и дальше продолжать публикации по этой проблематике, включая арктические проекты в публичном администрировании, промышленности, на транспорте, в культуре, образовании, как намечаемые в будущем, так и уже реализуемые в настоящее время. В результате мы планируем создание информационного банка арктических проектов XXI века.

Литература

1. Морская стратегия России и приоритеты развития Арктики. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2012. 262 с.
2. Ростунова О. С. Правовой режим Арктической зоны Российской Федерации / автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2012.
3. Проект федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации». URL: http://www.minregion.ru/documents/draft_documents/2701.html (дата обращения: 30.01.2013).
4. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. 20.02.2013. URL: <http://www.government.ru/docs/22846/> (дата обращения: 22.02.2013).
5. National strategy for the Arctic region. 10.05.2013. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (дата обращения: 15.05.2013).
6. Обращение IX международного Соловецкого форума // Волна. 1997. 14 октября.
7. Ненашева Л. Четыре региона у Белого моря создали свой союз // Правда Севера. 1999. 10 марта.
8. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.: проект. М.: Минрегион России, 2010. URL: http://www.minregion.ru/upload/02_dtp/101001_str.doc (дата обращения: 12.06.2011).
9. XVI Соловецкий форум 20-21 сентября 2013 года. URL: <http://narfu.ru/aan/SF/2013/> (дата обращения: 24.10.2013).
10. Андриянов В. И. Формирование транспортной инфраструктуры российского сектора Арктики в XXI веке // Арктика и Север. 2012. № 9. С. 118. URL: http://narfu.aan/article_index_years.php
11. Виктор Басаргин: На развитие Российской Арктики понадобится 1,3 триллиона рублей // "Российская газета" - Федеральный выпуск. 05.04.2012. URL: http://www.minregion.ru/press_office/publications/1874.html (дата обращения: 23.10.2013).
12. Триллион для Арктики. Разработана госпрограмма развития Севера. URL: http://www.minregion.ru/press_office/publications/3645.html (дата обращения: 23.10.2013).

*Рецензент — Тоскунина Вера Эдуардовна,
доктор экономических наук*

УДК [321,02+316,42+327,82](470.13)(045).К64

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ АРКТИКИ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIAN AND AMERICAN STRATEGIES OF THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC



© **Морозов** Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры управления социально-политическими процессами АОУ ВПО «Коми республиканской академии государственной службы и управления». E-mail: moroz_03@rambler.ru

© **Morozov** Nikolai Alekseevich, PhD In History, Associate Professor, Professor of the Department of Management of the socio-political processes Komi republic Academy of Public Administration and Management. E-mail: moroz_03@rambler.ru

© **Кондраль** Дмитрий Петрович, кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сыктывкарского филиала Российского университета кооперации. E-mail: lbvf17@rambler.ru

© **Kondral** Dmitry Petrovich, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Humanities and the socio-economic disciplines of Syktivkar Branch of the Russian University of Cooperation. E-mail: lbvf17@rambler.ru



Аннотация. В статье проведено сравнение российской и американской стратегий освоения Арктической зоны и проанализированы ментальные паттерны западного и восточного восприятия пространственного развития.

Abstract. The article is a comparison of Russian and American strategies of the development of the Arctic zone and analyzed the mental patterns of the Western and the Eastern perception of the spacial development.

Ключевые слова: стратегическое планирование, развитие, Арктика, концепции политики

Keywords: strategic planning, development, the Arctic, the concept of the policy

В настоящее время является очевидным важность и необходимость расширения присутствия России в Арктике, что обусловлено стратегическим характером Арктической зоны для перспектив социально-экономического и политического развития страны и ее территорий. Арктика, как подчеркивают исследователи, является «стратегической ресурсной базой РФ, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны» [2]. Арктическая зона должна обеспечить устойчивое развитие страны в долгосрочной перспективе. Именно за счет ресурсов Арктики и предарктической зоны в перспективе будет возможно

поддерживать экономику страны [7]. Это подразумевает поиск оптимальной управленческой политико-административной модели, которая позволила бы адаптировать социально-экономические и политические условия территории к перспективным направлениям развития страны. Как отмечал Саллюстий, «любая позиция силы могла бы утверждаться лишь теми средствами и искусством, благодаря которым она была изначально приобретена» [18, с. 302]. Следовательно, реализация четкой стратегической доктрины должна опираться на достигнутый уровень социально-экономического развития страны, определенную степень зрелости управленческой и организационной культуры. Указанные обстоятельства определяют как сильные, так и слабые стороны политики, направленной на эффективное использование ресурсов Арктики на данный момент.

Следует отметить, что в вопросах развития прослеживается евроориентированность политики РФ в отношении Арктической зоны. Так, основные проекты, реализуемые в регионе, следующие: «Создание североевропейского газопровода для подачи газа из России через страны Северной Европы в континентальную Европу; освоение Штокмановского газоконденсатного месторождения в Баренцевом море (пятое по мощности газовое месторождение в мире); создание Балтийской нефтепроводной системы (BOPS), целью которой является соединение сети нефтепроводов России с рынками ЕС через финский порт Порвоо и российский порт Приморск; строительство Балтийской электропередающей системы (BALTEL) с целью создания единого рынка электроэнергии региона Балтики; среди транспортных проектов приоритетное место занимают проекты: «коридор 9 А» от Хельсинки до Москвы через Санкт-Петербург, «Виа Балтика», призванный связать три государства Балтии, а также Финляндию и Польшу» [8].

Вопрос пространственно-территориального развития Севера России в настоящее время становится не менее значимым, нежели вопрос ресурсного использования данных территорий. Именно за счет развития российских территорий (особенно приарктических) становится возможным полноценное присутствие России в Арктике. При этом ресурсы на развитие данных территорий, как можно предположить, могут быть привлечены в настоящее время лишь в процессе разработки арктических месторождений нефти и газа. Как отмечал Карл Хаусхофер, «державы, владеющие большими пространствами, могут маневрировать, обладая пространством...» [18, с. 307]. Таким образом, можно сделать вывод о возможности и необходимости для полноценного развития современной России применения новой, компенсационной модели развития российских территорий. Данная модель предполагает разработку общей стратегии развития приарктических (и иных) регионов страны с учетом ком-

плекса их коммуникаций и привязку данной стратегии к конкретным региональным стратегиям.

Внутриориентированная компенсаторная модель развития региона и страны в целом может быть выстроена в соответствии с принципом гомеостаза и опираться на сеть специализированных научно-исследовательских центров [11], способных на высоком профессиональном уровне формировать пространственно-временные параметры развития территорий. Главной опорой данных центров сегодня целесообразно считать научно-исследовательский персонал региональных ВУЗов [6]. Данная модель управления позволит отойти от стереотипизации подходов и путей развития Арктической зоны и страны в целом и выстроить перспективных планы развития территорий.

Президент РФ В. В. Путин 13 июня 2013 г. обратил внимание руководителей субъектов на необходимость повышения уровня управленческой культуры [4]. Не секрет, что большинство территорий страны, которые не приносят должной экономической прибыли, остаются вне зоны внимания властей в вопросах их перспективного развития, хотя в настоящее время вопросам стратегического развития территорий, несомненно, уделяется больше внимания, нежели несколько десятилетий назад. В то же время неразвитая инфраструктура гражданского сообщества, которое должно способствовать самостоятельному развитию регионов, приводит к тому, что и самостоятельно территории не способны на сегодняшний день разрабатывать качественные концепции развития, тем более что на их реализацию зачастую у регионов оказываются не запланированы средства. Данные проблемы приводят к «вымиранию» территорий, когда население предпочитает их покинуть в связи с отсутствием перспективных программ развития.

В качестве примера эффективной управленческой модели можно рассмотреть модель Германии. В Германии федеральное правительство обеспечивает ряд мер по развитию территорий. Например, единую схему для проведения реструктуризации и развития всех земель [9]. Это позволяет территориям не быть привязанным к ресурсным запасам и проектировать возможности своего перспективного развития исходя из возможности применения новых техник и технологий. Данная практика может быть полезна стране и регионам в формировании эффективных механизмов государственного и гражданского управления. Таким образом, стратегия развития Арктики должна изначально учитывать перспективы постресурсного использования потенциала территорий и развития прилегающих земель.

Необходимость определения перспектив пространственного развития Арктической зоны России привело к формированию ряда стратегических документов. На сегодняшний

день актуальной является Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. [17]. Стратегия определяет перспективы развития Арктики: «в частности, завершение гидрографических работ, обеспечение оформления, недопущение пространственных потерь и худших по сравнению с другими прибрежными арктическими государствами правовых условий деятельности России в Арктике, а также создание и развитие береговой охраны ФСБ РФ в Арктической зоне, создание комплексной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, развитие системы аварийно-спасательной готовности, разработку единой национальной системы мониторинга состояния и загрязнения окружающей среды» [15].

Таким образом, стратегия учитывает большое количество вопросов, которые находят свое отражение в научной литературе: социально-экономические, правовые, военно-политические, информационные, культурные, этические, экологические и др. [см., например, 19, 13, 4, 14, 12, 10 и др.]. Стратегия отражает перспективы развития не только региона, но и страны в целом, поэтому от ее качества и полноты реализации зависит социально-экономическое и политическое перспективное развитие России.

Наряду с интересами России в Арктике реализуются интересы и других стран. Следует выделить три кластера стран, чьи интересы непосредственно пересекаются в данном регионе (авторская классификация): I кластер — страны бывшего СССР (Россия и Беларусь); II кластер — страны НАТО (Дания, Канада, Норвегия, США); III кластер — нейтральные страны (Исландия, Финляндия, Швеция).

Основные цели и задачи указанных стран в Арктике отмечены в их внешнеполитических концепциях, в которых отражен механизм прогнозирования и планирования пространственно-территориального развития. Ключевым оппонентом России в Арктике на сегодняшний день остаются США, чья концепция развития Арктики изложена в Президентской директиве национальной безопасности 2009 г. [1]. Анализируя вышеупомянутые стратегии России и США по освоению Арктики следует выделить схожие и отличительные стороны, которые определяют, в конечном счете, качество данных стратегий и возможность их реализации на практике (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ стратегий России [17] и США [1] в Арктике (авторский вариант)

№	Позиции	Стратегия России	Стратегия США
1	Персонификация ответственности за исполнение стратегии	Обращена к правительству в целом, конкретные должностные лица не указаны	Конкретизирован круг должностных лиц, ответственных за реализацию стратегии
2	Определен ли срок и	До 2020 г., прописаны два этапа: до	Срок и этапы не прописаны, все ис-

	промежуточные этапы	2015 г. (укрепление системы управления в Арктике, формирование и реализация государственной программы социально-экономического развития Арктики, гидрографические работы, закрепление внешней границы, развитие телекоммуникаций, системы охраны границ, системы охраны природы, науки) и до 2020 г. (развитие пограничных служб и ч/с, информационных систем, Северного морского пути, водных ресурсов)	ходит от целей и результатов
3	Обращение к основным обеспечивающим документам	Ссылается на Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу	Самостоятельная стратегия, отменяет предыдущую директиву
4	Указаны ли риски, угрозы, цель	Указаны ключевые проблемы: экономические, географические, экологические, климатические, социальные, научно-технологические	Указана цель директивы
5	Структура стратегии	Общие проблемы — общие цели — общие инструменты реализации	Конкретное обоснование для каждой группы вопросов — конкретная цель для каждой группы вопросов — конкретные предложения по реализации для каждой группы вопросов
6	Направления развития Арктики и основные мероприятия	Рассматриваются проблемы: социально-экономические, экологические, политические, военные, информационные, транспортные (в том числе законодательного обеспечения), медицинские, образовательные, культурные, научные, международного взаимодействия	Указана политика по группам вопросов: национальные, международные, вопросы шельфа (в том числе расширения континентального шельфа путем ратификации договоров с Канадой и Россией), науки, морского транспорта (в том числе закрепление норм морской транспортировки и доработка морского права), экономическая и энергетическая безопасность (в том числе путем сотрудничества в рамках принципов глобальной энергобезопасности, принятых G8 в 2006 г.), окружающая среда и сохранение природных ресурсов, военные (в том числе обеспечение свободы путей, сохранение глобальной мобильности, международное влияние)
7	Механизмы реализации стратегии	Государственная программа социально-экономического развития Арктической зоны РФ на период до 2020 г. (в стадии разработки), государственная программа вооружение на 2011—2020 гг., концепция устойчивого развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока	Механизмы реализации прописаны для каждой группы целей в отдельности
8	Ресурсы	Предположительно государственные инвестиции, частный капитал и иностранные инвестиции	Ассигнования, предполагающие четкий процесс бюджетирования
9	Институциональное оформление региона	В перспективе законодательное закрепление статуса Арктики как особого объекта государственного регулирования и выделение региона в качестве отдельного объекта исследования и государственного статистиче-	Развитие как составной части государства

		ского наблюдения	
10	Привлечение международных организаций	Не конкретизировано	Арктический совет и международные институты сотрудничества
11	Проведение системных исследований	Мониторинг после законодательного выделения региона в самостоятельный объект наблюдения	Исследования экологических вопросов, специфических подходов для защиты, стремление к лидирующему положению в науке. Решения должны приниматься на надежной научной и социально-экономической информации через систему мониторинга.
12	Определение стран, имеющих права на территории в Арктике	Нет	8 стран (США, Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Россия, Швеция)

Анализ стратегий позволяет определить стратегию США как стратегию с региональным принципом рассмотрения Арктики и формирования политики в данном регионе. Структуризация вопросов перед их фиксацией позволили США четко осознавать значение каждой из групп вопросов для будущего страны. Следует отметить, что стратегия не только определяет ключевые проблемы, оперирует реальными документами, но и ссылается в рамках механизмов реализации на реальные политические институты и механизмы. Стратегию России в Арктике следует определить как стратегию с географическим принципом рассмотрения перспектив развития региона, что нивелирует политико-управленческие механизмы ее реализации и может привести к негативным последствиям.

Более того, очевидно, что в данном случае мы сталкиваемся с двумя способами пространственного структурирования зоны Арктики. Условно можно обозначить их как дивергентное и конвергентное мышление в контексте общей управленческой парадигмы, характерной для западного и восточного менталитетов. По мнению Тима Брауна [3], это различие носит глубокий концептуальный характер и определяет не только тактические, но и стратегические установки руководителей стран Запада и Востока.

Литература

1. National Security Presidential Directive on arctic region policy // The White House. 9 January 2009. URL: <https://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm> (дата обращения: 18.06.2013).
2. Басангова К. М. Арктическая транспортная система как фактор развития северных территорий. Проблемы современной экономики. № 4 (40), 2011. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3841> (дата обращения 20.05.2013).
3. Браун Т. Дизайн-мышление: От разработки новых продуктов до проектирования бизнес-моделей. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2012. 507 с.
4. Верхотуров Д. Н. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня. М.: АСТ; Красноярск: АБУ; Владимир: ВКТ, 2009.

5. Владимир Путин выступил на обучающем семинаре для губернаторов // Центральный информационный ресурс Северо-Кавказского федерального округа. URL: http://skfo.ru/news/2013/06/13/Vladimir_Putin_vystupil_na_obuchayushchem_seminare_dlya_gubernatorov/ (дата обращения: 21.06.2013).
6. Голдин В. И. Роль классического университета в обеспечении устойчивого развития Арктики и Севера. Научно-информационный бюллетень Комитета по делам Севера и малочисленных народов Совета Федерации «Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации». Апрель. 2008 г. С. 11—22.
7. Дарькин С. Мы впервые за 20 лет создаем единую систему государственного управления Арктической зоной / Информационное Агентство «Арктика-Инфо». URL: <http://www.arctic-info.ru/ExpertOpinion/Page/mi-vpervie-za-20-let-sozdaem-edinyu-sistemy-gosudarstvennogo-upravlenia-arkticeskoi-zonoi> (дата обращения 20.05.2013).
8. Дерябин Ю. «Северное измерение» и интересы России. URL: <http://www.ieras.ru/journal/journal2.2000/6.htm> (дата обращения: 05.05.2013).
9. Зарубежный опыт регионального развития: аналитический обзор. URL: http://ifurags.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=176&Itemid=66 (дата обращения 20.05.2013).
10. Иванова Ж. Б. Религиозные и обычно-правовые воззрения на охрану природы Северной России. Монография. Сыктывкар. ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2013 г. 255 с.; и др.
11. Кондраль Д. П., Морозов Н. А. Управление процессами модернизации политической системы современной России (региональный аспект): монография. Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2012. 165 с.
12. Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный ун-т, 2010.
13. Моисеев Р. С. Некоторые вопросы управления развитием северных районов России в конце XX века. Владивосток: Дальнаука, 1998.
14. Николаев М. Е. Арктика. XXI век. М.: Арина, 1999.
15. Путин утвердил стратегию развития Арктической зоны РФ до 2020 г. // Материалы электронного издания «Российская Газета». URL: <http://www.rg.ru/2013/02/20/strategia-anons.html> (дата обращения: 20.05.2013).
16. Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее / Материалы II региональной научно-практической конференции, Магадан, 27—28 ноября 2003 г. Магадан: Кордис, 2004.
17. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. Утверждена президентом РФ В. В. Путиным 20.02.2013, Пр-232 // Консультант Плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=142561> (дата обращения: 17.06.2013).
18. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.
19. Чилингаров А. Н., Кокорев Е. М. Размышления о Российском Севере. М.: Янус-К, 1997.

*Рецензент — Ульяновский Виктор Иванович,
доктор социологических наук, профессор*

УДК 304

ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

THE FEATURES OF HUMAN CAPITAL AND THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC



© **Москаленко** Максим Русланович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории науки и техники Уральского федерального университета. E-mail: max.rus.76@mail.ru

© **Moskalenko** Maxim Ruslanovich. Ph.D. in History, Associate Professor of the History of Science and Technology of Ural Federal University. E-mail: max.rus.76@mail.ru



© **Кропанева** Елена Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры документационного и правового обеспечения управления, Российского государственного профессионально-педагогического университета. E-mail: max.rus.76@mail.ru

© **Kropaneva** Elena Mihailovna, Ph.D in Philosophy, associate professor of documentation and legal control of the Russian State Vocational Pedagogical University. E-mail: max.rus.76@mail.ru

Аннотация. Проводится сравнительный анализ уровня дохода и продолжительности жизни субъектов АЗРФ и других стран Арктики. Выявляются основные проблемы здоровья населения как одного из ключевых аспектов развития человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, здоровье населения

Abstract. Presents a comparative analysis of the level of income and life expectancy the areas of the Arctic region of Russia and other Arctic countries. Health problems are identified as one of the key aspects of the development of human capital

Keywords: human capital, public health

Человеческий капитал в современном обществе приобретает огромное значение для развития экономики и государства. Человеческий капитал – это сформированный или развитый в результате инвестиций и накопленный людьми (человеком) определенный запас здоровья, знаний, привычек, способностей, мотиваций, который целеустремленно используется в той или другой сфере общественного производства. Оказывает содействие росту продуктивности работы и благодаря этому влияет на рост доходов (зарботков) его владельца [1].

В современной России ситуация с человеческим капиталом достаточно неоднозначная. С одной стороны, сегодня большинство россиян, особенно в городах, имеют или получают высшее образование (речь уже начинает идти едва ли не о всеобщем высшем образовании в стране), высокие потребительские запросы и требования к качеству жизни. С другой

стороны, никуда не делись такие вековые черты национального характера, как безответственность и низкая дисциплина при отсутствии контроля, безудержное пьянство с истинно русским размахом, терпимость к произволу руководства и неразвитость чувства собственного достоинства. Высокая степень бюрократизированности и коррумпированности общества дополняет эти негативные качества и создает серьезные препятствия развитию человеческого капитала как основы новой, высокотехнологичной экономики.

В Российской Арктике – от Кольского полуострова до Камчатки – существуют также такие объективные трудности для формирования человеческого капитала, как суровый климат региона и удаленность от баз снабжения. Рассмотрим некоторые факторы, препятствующие его развитию. Прежде всего, это достаточно низкая заработная плата в России в целом и её арктическом макрорегионе в частности по сравнению с другими странами, активно осваивающими Арктику (см. таблицу 1).

Таблица 1

Средняя заработная плата в России и странах мира в 2012 году [2]:

<i>Субъекты РФ и страны мира</i>	<i>Среднемесячная зарплата</i>
Российская Федерация в целом	22,9 тыс. руб.
Республика Карелия	21 тыс. руб.
Мурманская область	30,7 тыс. руб.
Архангельская область	23,8 тыс. руб.
Ненецкий авт. округ	46,2 тыс. руб.
Ямало-Ненецкий авт. округ	58,6 тыс. руб.
Красноярский край	24,6 тыс. руб.
Республика Саха (Якутия)	31,3 тыс. руб.
Чукотский авт. округ	47,8 тыс. руб.
Дания (Гренландия)	2500 евро [3]
Исландия	2431 долл. США [4]
Норвегия	3678 долл. США [4]
США (штат Аляска, 2011 г.)	4078 долл. США [5]
Канада	2724 долл. США [4]

Как видим, зарплата жителя арктического макрорегиона России в 3-4 раза ниже, чем жителя других развитых стран Арктики. Если у россиянина потребности к качеству жизни (потреблению, комфорту, образованию и др.) близкие к тем, что у жителя развитых стран, то, естественно, ему приходится гораздо больше работать, чтоб хотя бы частично обеспечить все возрастающие потребительские запросы.

По статистике, около 80% россиян вынуждены работать сверхурочно. Это не просто обычная задержка в офисе на 5-10 минут после окончания рабочего дня – специалисты остаются в кабинетах до 3-4 часов свыше положенной нормы. Между тем, и уровень оплаты

труда, и отношение руководителя чаще всего остаются неизменными, а многие люди вынуждены соглашаться на подобные условия, чтобы сохранить рабочее место [6]. Из 80% опрошенных россиян 61% составляют специалисты, которые задерживаются на работе сверх установленного графика практически постоянно и даже берут некоторые задания на дом [6].

В итоге, получается невеселая картина: рабочий день россиянина значительно дольше, чем был при СССР. 8-часовой рабочий день был серьезным социальным завоеванием социализма и рассчитывался из особенностей темпоритма и нагрузки индустриальной цивилизации. А сегодня темпоритм значительно вырос, скорость информационных потоков намного возросла (объем информации в мире удваивается каждые 5-7 лет), нервно-психологическая нагрузка также значительно усилилась, а длина рабочего дня увеличилась и стала как в обществах XIX в. – 10-12 ч. Широко распространилась сверхэксплуатация. Естественно, что на здоровье населения это сказывается самым пагубным образом.

Так, например, удручающе выглядят показатели по сердечно-сосудистым заболеваниям (ССЗ), которые являются основными причинами смерти населения экономически развитых стран мира и большинства стран с переходной экономикой. Ежегодно в мире от ССЗ умирает около 17 млн. человек, а в России в 2007 г. от них погибли 1 млн. 232 тыс. 182 человека. ССЗ, обусловленные атеросклерозом являются причиной высокой смертности населения России, значительно превышая показатели смертности от этих болезней, как в восточных, так и, особенно, в западноевропейских странах. При этом наибольшие различия в смертности (от 5 до 20 раз) наблюдаются в наиболее трудоспособном возрасте населения, 25-64 года [7]. Сопоставим эти данные со средней продолжительностью жизни в России и странах Арктики.

Таблица 2

Средняя продолжительность жизни в странах Арктики [8]:

Место в мире	Страна	Средняя продолжительность жизни, лет	муж.	жен.
8	Швеция	80.70	78.4	83.0
9	Исландия	80.45	78.3	82.6
10	Канада	80.45	77.0	83,9
13	Норвегия	79.90	76.5	83.3
27	Финляндия	78.75	75.2	82.3
30	США	78,10	75.2	81.0
32	Дания	78.05	75.7	80.4
113	Россия	69.80	64.0	75.6

Как видим, картина удручающая.

Следует упомянуть еще некоторые показатели состояния здоровья россиян. Так, например, с 1990 по 2005 гг. общее количество инвалидов в России выросло в 3 раза и на 1 января 2009 г., по данным Росстата, общая численность инвалидов в РФ превысила 13 млн. человек – более 9% всего населения страны [9, с. 541]. И это при том, что далеко не всем людям, имеющим тяжелые хронические заболевания, ограничивающие их трудоспособность, дают группу инвалидности. Кроме того, побила все рекорды детская заболеваемость: так, на заседании Правительства России 20.07.2006 М. Фрадков признал, что только 30% новорожденных могут быть признаны здоровыми [9, с. 465].

К этому следует добавить такой серьезный дефект социальной политика Российской Федерации, как платность и высокая стоимость медицинских услуг. Право на медицинское обслуживание, хотя и гарантировано Конституцией РФ, с каждым годом все более становится фиктивным. Даже в муниципальных больницах и поликлиниках практически не осталось услуг, которые можно получить бесплатно. При разнице в заработной плате в несколько раз стоимость лечения и медикаментов в России и развитых странах идентичная, и ситуация трагична: чтобы заработать необходимые средства на лечение и медикаменты, человеку нужно много работать и иметь «железное» здоровье.

Но, допустим, тяжело заболевший человек трудоспособного возраста, накопив нужную сумму и пройдя курс лечения, возвращается к нормальной жизни – на зарплату (760 долл.) при 10-12 часовом рабочем дне. Значительную часть этих средств он должен тратить на семью и детей, предметы первой необходимости, оплату услуг ЖКХ (а чаще еще и на выплату кредита по ипотеке, за автомашину или бытовую технику), образование, досуг. Подсчитав эти расходы даже по самым скромным расценкам, нетрудно сделать вывод, что в этом случае человеку не будет обеспечен даже необходимый рацион питания. А в арктическом регионе России, где долгая суровая зима, необходимо усиленное питание с повышенным содержанием витаминов и аминокислот. То есть, северный человек теоретически при таких условиях жизни уже не сможет стать здоровым!

В итоге получается: чтобы заработать на более или менее сносную жизнь, обеспечить потребительские запросы и стандарты даже не на западном, а на восточноевропейском уровне, большинству россиян нужно работать «на износ», подрабатывая или беря сверхурочные часы на основной работе, при этом во многом себе отказывая и залезая в бесконечные кредиты.

Все это дополняется рядом негативных социально-психологических факторов:

- a) агрессивная информационно-психологическая среда, обилие информации негативного плана, разрушающе действующей на психику;
- b) психологическая напряженность в обществе, множество конфликтных ситуаций в быту, на работе и часто в семьях;
- c) низкая бытовая культура населения;
- d) отчужденность власти от общества, когда большинству людей в критических ситуациях не приходится рассчитывать на помощь властей;
- e) хроническая фрустрация психики из-за очевидных социальных расколов в обществе;
- f) фактическое господство идеологии социал-дарвинизма в обществе, когда люди, имеющие богатство и власть, откровенно издеваются над обездоленными, а роскошная жизнь российских нуворишей и эстрадных звезд остается в центре внимания прессы.

Возникает угроза, что население в России, включая и Арктическую зону РФ, не сможет стать фактором модернизации, и будет неспособно поддерживать инфраструктуру экономики даже на нынешнем, очень невысоком уровне. Диспропорции существующей модели социально-экономического развития создают серьезные препятствия развитию человеческого потенциала в России в целом, и в арктических областях в частности.

Литература

1. URL: http://rabotaesh.net/chelo_kapital.html (дата обращения: 12.09.2013).
2. Средняя зарплата в России и других странах мира в 2012 году. URL: <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/zarplatavmire2012.html> (дата обращения: 12.09.2013).
3. Как выглядит недельный рацион семьи в разных странах мира. URL: <http://russiahousingnews.info/around-the-world/nedelniy-ratsion-raznih-stran-mira> (дата обращения: 12.09.2013).
4. Ваша зарплата в сравнении со среднемировой. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/multimedia/2012/04/120403_world_average_salary.shtml (дата обращения: 12.09.2013).
5. Средняя зарплата в США (по штатам) и количество занятых во втором квартале 2011 года. URL: <http://rusker.ru/1791-srednie-zarplati-usa-po-shtatam-2011.html> (дата обращения: 12.09.2013).
6. Белашова Т. Сверхурочный труд: законно или нет? URL: <http://www.charla.ru/blog/career/5588.html> (дата обращения: 12.09.2013).
7. Новейшая статистика сердечно-сосудистых заболеваний. URL: <http://www.km.ru/zdorove/8D6BE1EF695B4C3487751E61E4846C21> (дата обращения: 12.09.2013).
8. Средняя продолжительность жизни в странах мира. URL: http://ostranah.ru/lists/life_expectancy.php (дата обращения: 12.09.2013).
9. Калабеков И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах. М.: РУСАКИ, 2010.

*Рецензент — Дрегалю Александр Алексеевич,
доктор философских наук, профессор*

УДК 332+334+338

АРКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ**THE ARCTIC STRATEGIC PROJECTS AND THEIR IMPLEMENTATION**

© **Нестеренко** Мария Юрьевна, заместитель директора Арктического центра стратегических исследований САФУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: maria-nesterenko@mail.ru

© **Nesterenko** Maria Yrievna, deputy director of the Arctic strategy research center NArFU named after M. V. Lomonosov. E-mail: maria-nesterenko@mail.ru



© **Иконников** Виктор Михайлович, руководитель агентства по тарифам и ценам Архангельской области. E-mail: ikon.vm@dvinaland.ru

© **Ikonnikov** VictorMihailovich, head of Agency on tariffs and prices of the Arkhangelsk region. E-mail: ikon.vm@dvinaland.ru

Аннотация. Презентация модели кооперационных проектов по освоению ресурсов Российской Арктики, разработанная проектной группой из Архангельска

Abstract. Presentation of the model of the cooperative projects to develop resources in the Arctic, developed by the project team from Arkhangelsk

Ключевые слова: Арктика, Whitefield, управляющая компания, модель, проекты, кооперация, государственная поддержка, опцион, форвардный контракт, эффективность

Keywords: Arctic, Whitefield, the management company, the model, projects, cooperation, specific measures of state support, options, forward contracts, efficiency

Введение

Арктика — особый макрорегион, характеризующийся необычайными природными богатствами. Не случайно сегодня внимание многих стран обращено к ней. И в первую очередь, это Россия. Но при реализации проектов в Российской Арктике возникает большое количество рисков, отличающихся от освоения других территорий сложными природно-климатическими условиями, особым юридическим статусом, высокими финансовыми и технологическими рисками. Поэтому в данной статье предлагается инновационная модель кооперационных проектов по освоению ресурсов Российской Арктики.

Инновационные концептуальные подходы при разработке арктических проектов

Для характеристики подобных территорий можно ввести такое понятие, как **Whitefield** (разработан группой «Модель кооперационных проектов по освоению ресурсов Аркти-

ки», январь-июнь 2013 г., московская школа управления «Сколково»). И для их освоения требуются особые, совершенно иные подходы для успешного запуска проектов и их реализации, так называемые Whitefield-проекты. Решением, отвечающим условиям выполнения таких проектов, будет продвижение комплексных межотраслевых кооперационных проектов. Эффективность от объединения разноотраслевых проектов при обнаружении у них общих связей возрастает в несколько раз. Так, в Архангельской области наиболее возможные проекты — добыча и переработка руд металлов Новой земли, строительство приливной электростанции в Мезени, строительство завода по сжиженному природному газу.

Результаты оценки этих проектов при реализации их по отдельности и при применении комплексного подхода резко отличаются. *Во-первых*, объем вложений в проект во втором случае почти на четверть меньше. *Во-вторых*, сроки окупаемости каждого из проектов в отдельности составляют от 16 до 45 лет. Комплексный проект окупится за 13 лет. А это уже становится привлекательным для инвесторов. И это только экономические плюсы. А в добавок к этому участники разделяют еще и риски на пути реализации проекта. Основной вопрос заключается в том, как же запустить такие сложные арктические проекты?

Решением для запуска является внедрение специального механизма, который позволит это сделать. Правительство Архангельской области и САФУ имени М. В. Ломоносова создают *совместную управляющую компанию* (далее — УК), которая бы осуществляла проработку подобных проектов, подготовку необходимых согласований, занималась поиском возможных участников и документов для проведения переговоров с ними. После этого при содействии правительства области осуществляется привлечение участников проекта. Самое главное — это качественно проработанный и подготовленный пакет документов и материалов по предстоящему проекту, а также разработка предлагаемых стандартов, таких как налоговые, таможенные и подобные льготы, и нестандартных мер господдержки.

Таковыми нестандартными мерами господдержки могли бы стать ранее не используемые **Арктические опционы** (разработан группой «Модель кооперационных проектов по освоению ресурсов Арктики», январь-июнь 2013 г., московская школа управления «Сколково»). Это специфичный финансовый инструмент, позволяющий обеспечить создание общих элементов в проектах. Например, реализация каждого из проектов требует строительства порта. УК заключает с каждым из потенциальных участников соглашения о намерениях реализовать проект. После этого под госгарантии УК выпускает опцион на портовые услуги, имея который появляется возможность привлечения инвестора на строительство порта.

УК заключает с потенциальными участниками **форвардные НИОКР контракты** как гарант создания необходимых технологий в оговоренный срок.

Управляющая компания по предлагаемому нами алгоритму должна формироваться в два этапа. На первом этапе она будет обеспечивать моделирование и обоснование проектов, а также поиск потенциальных участников. Второй этап уже будет дополнительно включать в себя подразделения, отвечающие за обеспечение специфических мер господдержки и управление проектами. При этом УК может управлять проектами не только входящими в реализуемую модель, но и другими. Например, по строительству глубоководного порта в Архангельске. При создании подобной управляющей компании в два этапа бюджетное финансирование УК исключается уже начиная со второго этапа.

После проведения экспертизы внедрения подобной модели в правительстве, САФУ и областном Собрании депутатов, её квалифицированной оценки профессионалами, одобрения, внедрения и перехода к реальной работе разработка и реализация подобных масштабных проектов может начаться уже к концу 2015 г.

Презентация арктических кооперационных проектов





Оценка возможных проектов



№	Мероприятия	Физ. характеристики	Затраты без кооперации млн.руб.	Затраты с кооперацией млн.руб.
1	ТРАНСПОРТ И КОММУНИКАЦИИ: порт на Новой земле, в Мезени ж\д путь Белкомур (Карпогоры-Мезень)	2 200 км	35 000 2400	35 000 2400
2	УГЛЕВОДОРОДЫ: нефте- и газопроводы завод по сжижению природного газа	1 950 км 500т/ч	195 000	175 000
3	ДОБЫЧА цветных металлов: Горный комбинат Горнообогатительный комбинат	270 млн. т 300 тыс.т в год	44 700	6 300
4	ЭНЕРГЕТИКА: Мезенская ПЭС ЛЭП	500 МВт 480 км	50 000 9 000	50 000 9 000
5	СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА	20 000 чел	4 000	4 000
ИТОГО затраты (без соц.)			336 100	277 700
Внутренняя норма доходности (IRR)			12,2%	
Рентабельность инвестиций (PI)			1,25	
Дисконтированный срок окупаемости (DPBP)			16 - 45 лет	13 лет



Оценка комплексного проекта



Механизм запуска комплексных проектов





Специфические меры гос.поддержки

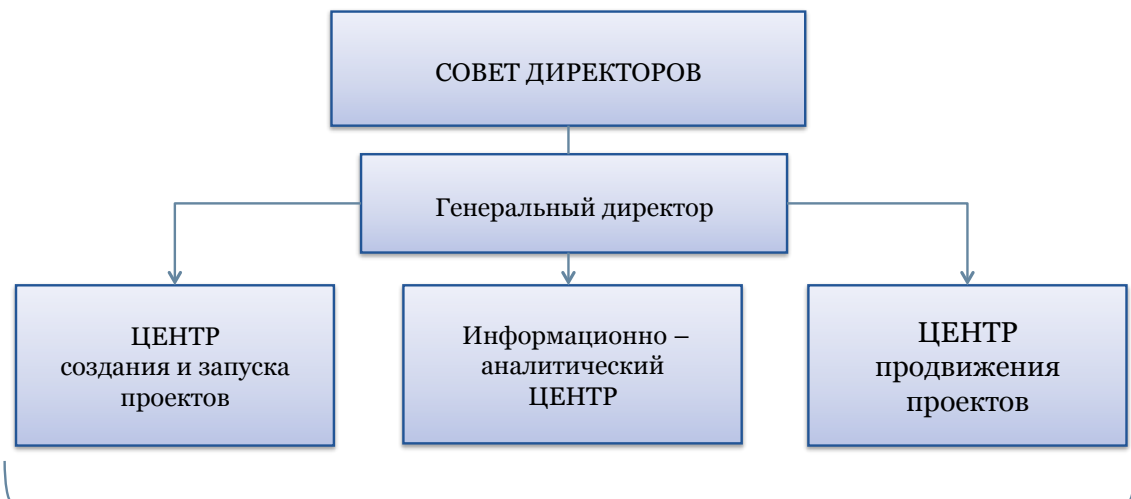
Арктический опцион



Форвардные контракты НИОКР



Структура ОАО УК «Проектный офис». I этап



Годовое финансирование областного бюджета и САФУ
29 млн. руб.



Структура ОАО УК «Проектный офис»



Годовое финансирование

84 млн. руб. (за счет собственных доходов)

Мероприятия	Сроки	Прав-во АО	САФУ	Разработчики идеи	ОАО УК «ПО»	Участники проекта
Разработка эскиза проекта в Сколково	Июнь 2013					
Представление результатов работы губернатору и ректору Принятие решения о работе над проектом	Июнь 2013					
Ведомственная оценка ИОГВ Архангельской области	Июль 2013					
Подготовка пакета документов для федеральных исполнительных органов государственной власти	Август – октябрь 2013					
Подготовка предложений по включению проекта в госпрограмму «Соц.-эконом. развитие АЗРФ»	Сентябрь-октябрь 2013					
Создание ОАО управляющей компании «Проектный офис» (бюджетные решения)	Октябрь 2013					
Привлечение экспертов и подготовка предварительного технико-экономического обоснования	Октябрь 2013 -Июнь 2014					
Поиск партнеров, участников, драйверов проектов, проведение переговоров. Согласование на федеральном уровне	Октябрь 2013 - Март 2015					
Построение итоговой модели, подписание соглашений	Октябрь 2015					
Подготовка пакета документов по внедрению специфических мер государственной поддержки Арктических проектов	Декабрь 2015					
Подготовка технико-экономического обоснования по элементам модели	Март 2016					
Разработка проектно-сметной документации элементов модели	Декабрь 2016					
Реализация проектов	Январь 2017					

«WHITEFIELD»

* **12 млрд.руб.** ежегодных доходов бюджета

* **20 000** новых рабочих мест

* **Объем ВРП**



Заключение

Что даст реализация этих проектов? Для Архангельской области это, в первую очередь, резкий рост ВРП, создание новых рабочих мест, увеличение поступлений в бюджет, а для САФУ это возможность усилить арктический вектор в своем развитии. Но самое главное, что это шанс для региона стать пилотной площадкой по запуску подобных арктических проектов, а для страны — сделать колоссальный и вполне реальный рывок в Арктике.

Представленные в статье проекты разработаны во время обучения в Московской школе управления «Сколково» в 2012-2013 гг. проектной группой в составе: **Акишин** Виталий Сергеевич, начальник отдела развития энергетики Министерства энергетики и связи Архангельской области; **Депутат** Ирина Сергеевна, заведующая лабораторией прикладной психофизиологии института медико-биологических исследований; **Иконников** Виктор Михайлович, руководитель Агентства по тарифам и ценам Архангельской области; **Лапина** Екатерина Александровна, редактор газеты «Арктический вектор»; **Нестеренко** Мария Юрьевна, заместитель директора Арктического центра стратегических исследований САФУ; **Подоплекин** Артем Николаевич, директор ЦКП «АрктикМед»; **Шапошников** Даниил Вадимович, директор ГБУ АО «Региональный центр по энергосбережению».

Рецензент — Тоскунина Вера Эдуардовна,
доктор экономических наук

УДК 332(004)

СИСТЕМНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЗОНЫ

THE SYSTEM FEATURES OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE CIRCUMPOLAR AREA



© **Носкова** Екатерина Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ФГБОУ ВПО «Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д. Н. Прянишникова». E-mail: e.noskova2011@yandex.ru

© **Noskova** Ekaterina Mikhailovna, Ph D. of Economy, Associate Professor of the department of economics theories Perm State Agricultural Academy named after ac. D. N. Pryanishnikov. E-mail: e.noskova2011@yandex.ru

Аннотация. Представлен системный подход по изучению устойчивого развития Арктического региона, его основные признаки как системы, указаны особенности развития языков.

Ключевые слова: Арктический регион, признаки системы, финно-угорские языки

Abstract. The article presents a system approach in the research of the sustainable development in the Arctic region and its basic evidence as a system, the attention is paid to features of the development of the languages

Keywords: the Arctic region, evidence of the system, the Finno-Ugric languages

Арктическая территория планеты представляет собой сложно сплетенную сеть географических, климатических, культурных, политических и экономических особенностей, которые сформировали систему общей циркумполярной цивилизации. В XXI в. территория и акватория Арктики привлекают экономическое и политическое внимание стран мира, готовых к освоению богатств в этом регионе. Такое положение вещей обостряет культурные и социальные аспекты существования циркумполярной цивилизации, так как экономическое восприятие устойчивого развития регионов не совпадает со сложившимся укладом жизни местного населения. Более того, экономическое устойчивое развитие и культурное воспроизводство арктической цивилизации представляются антагонистическими целями в будущем Арктики. Цель рыночной системы экономики заключается в раскрытии возможностей приращения богатства путем создания прибавочной стоимости, что является привлекательным для развития территории. Уклад жизни местного населения является результатом длительной адаптации к природным условиям, формирует историческую традицию и обеспечи-

вает свой вклад в копилку культурного богатства. Поэтому актуальным вопросом является определение баланса развития столь сложного и экологически уязвимого региона планеты.

В случае, когда невозможно продемонстрировать объект, изобразить его, выразить в математической форме, но нужно подчеркнуть, что объект единый и сложный, с неопределенностью, то используется понятие «система» [2, с. 14]. Арктический регион (по-существу это большой макрорегион) соответствует понятию системы, так как есть возможность выделить его основные системные особенности (табл. 1). Это дает возможность рассматривать вопрос устойчивого развития региона в рамках системного подхода.

Таблица 1

Признаки Арктического региона в рамках применения системного подхода

№ п/п	Признак системы	Содержание признака
1	Целостность	Как регион Арктика является единым физико-географическим районом планеты, примыкающим к Северному полюсу
2	Делимость	Регион включает в себя окраины материков Европы, Азии, Северной Америки и Северный Ледовитый океан, который принято делить на следующие акватории: Арктический бассейн, Северо-Европейский бассейн, моря в пределах материковой отмели Северной Америки и Азии. Регион можно поделить по государственным границам, по политическим интересам и по экономическому природопользованию в сложившихся этносах. Возможно деление по культурологическому признаку
3	Структурность	Сложилась определенная и относительно устойчивая упорядоченность Арктического региона между выделенными элементами по территориальному, биологическому, цивилизационному признаку
4	Системность	В регионе присутствует климатическая, культурная, политическая и экономическая зависимость между структурными элементами. Есть возможность выделить системные связи между вариантами природопользования и последствиями в зависимых территориях
5	Обособленность	Арктический регион расположен на территории разных государств, что является причиной разнородной политики в решении будущего развития. Макрорегион включает обособленные структурные элементы, которые вступают в конкурентную гонку благодаря политической воле
6	Взаимодействие	Территориальная общность принуждает страны циркумполярной зоны и экономически состоятельные государства искать возможности взаимодействия друг с другом. Взаимодействие происходит внутри системы и с внешней средой. Поэтому развитие Арктического региона влияет на прилежащие территории (открытая система)
7	Взаимозаменяемость компонентов системы	Предполагает, что один и тот же результат можно получить при различных комбинациях использования ресурсов. Это яв-

	мы	ляется основанием создания коалиций для достижения экономических эффектов. Однако в природной системе данный признак реализуется очень своеобразно, обостряя вопрос уязвимости и хрупкости биологической системы в Арктике
8	Ограниченное сочетание компонентов	Несмотря на множество вариантов использования природных богатств Арктического региона климатические особенности серьезно ограничивают экономические возможности потенциальных природопользователей. Современные технологии не обеспечивают достаточной нормы прибыли для свободной конкуренции
9	Непрерывность развития	Диалектика развития региона и человеческой цивилизации ограничивается познаниями самой человеческой цивилизации
10	Инерционность	Обеспечивается специфическими климатическими условиями, что создает зависимость будущего состояния системы от предшествующего
11	Сложность	Изменения в одной части системы вызывают изменения в других структурных элементах этой системы, что проявляется в Арктическом регионе как «кухне погоды на планете»
12	Вероятностный характер	Проявляется в сложности системы и стохастичности ее поведения. Арктический регион как совокупность нескольких систем проявляет себя не детерминировано, что выражается в вероятностных суждениях

При использовании системного подхода В. Н. Волкова отмечает, что с направлениями науки, применявшими понятие «система», возникали междисциплинарные направления, которые развивались как самостоятельные, но фактически были ориентированы на системные исследования¹. К таковым можно отнести ситуационное моделирование или ситуационное управление (Д. А. Поспелов, Ю. И. Клыков, Л. С. Загадская-Болотова), концептуальное метамоделирование (В. В. Нечаев), системология феноменального (Б. В. Фомин) [2, с. 6]. Многообразие применения понятия «система» методологически затрудняет использование системного подхода в описании крупных и неоднородных объектов, усложняя его. Но возможно использование междисциплинарных достижений в науке для определения направления развития системы, выявления ее особенностей в историческом контексте, что уместно для макрорегиона. Арктический регион можно представить как экономическую систему, но можно воспринимать как культурную систему, ориентированную на сохранение традиций. Моделирование позволяет рассмотреть указанные системы как компоненты единого макрорегиона.

¹ Волкова В. Н. Теория систем: Учеб. Пособие / В. Н. Волкова, А. А. Денисов. М.: Высш. шк., 2006. 511 с.

Особенностью системного подхода является признание аддитивного поведения системы (суммативность), но объясняет более высокую ценность системы как целостности (эмерджентность, от англ. emerge — появляться), чем либо простой совокупности отдельных ее компонентов (частей).

Если рассматривать Арктический регион только с точки зрения экономической эффективности, что является основанием для политических споров вокруг «природной кладовой», то теряется компонент общественно-гуманитарной составляющей системы. Тем не менее, изучение истории цивилизаций показывает, что цивилизация Арктики состоялась и есть опыт выживания в такой природной среде. Устойчивое развитие арктической цивилизации имеет основной целью не извлечение максимальной экономической прибыли, но ресурсосбережение региона. На основании закономерностей взаимодействия части и целого свойство целостности (эмерджентности) имеет следующие особенности:

- a) свойства системы не являются простой суммой свойств составляющих ее компонентов (частей), экономический компонент и культурный компонент не сводятся к сумме;
- b) свойства системы зависят от свойств составляющих ее компонентов (частей), экономический компонент считается гуманитарным, культурный компонент соответствует общественным законам развития;
- c) объединенные в систему компоненты утрачивают часть своих свойств, присущих им вне системы (с одной стороны, система подавляет ряд свойств компонентов, с другой — компоненты в системе приобретают новые свойства), и это является основной системной проблемой, так как ее очень сложно прогнозировать.

На основании приведенных посылок можно прийти к следующим выводам: 1) для эффективного развития региона будут подавляться свойства культурного компонента, что приведет к установлению свойств экономических систем, функционирование которых характеризуется противоречивостью, неопределенностью, асимметрией информации, конфликтностью, экономическим риском рыночных моделей; 2) учитывается опыт выживания циркулярной цивилизации, который подавляет и преобразует экономические цели по увеличению прибавочной стоимости к ресурсосберегающему управлению региона. Системы, построенные на сохранении традиций, являются более устойчивыми в условиях неопределенности, что более соответствует Арктике.

Подобные идеи устойчивого развития проникали и в приарктические территории. В исследованиях профессора Ю. Ф. Лукина отмечается дискуссионность вопроса определения

приарктических регионов². В современную Арктическую зону России входят Архангельская и Мурманская области, Ненецкий автономный округ, Республика Карелия, имеющие прямой выход к Белому, Баренцеву, Карскому морям. В сетке существующих в конце XX — начале XXI в. административно-территориальных координат Республика Коми, Вологодская и Кировская области, Пермский край не имеют непосредственного выхода к побережью северных морей, поэтому не являются приарктическими территориями страны. Хотя историки называли эти земли в XVI—XIX вв. общим, достаточно спорным термином Поморье [3, с. 300—301]. Опыт Поморья в хозяйственном укладе, землепользовании, распространялся вместе с историческим освоением уральского региона и Сибири.

По мнению Н. В. Фёдоровой, все культуры циркумполярной зоны планеты делятся на два массива: 1) североамериканский и сибирский (эскимосский), для которого характерна охотничья система экокультурной адаптации, обширное распространение и относительное единообразие культурных и биологических характеристик, фольклора и языка эскимосов; 2) североевразийский с его этническим и культурным многообразием и оленеводческой системой экокультурной адаптации [6].

Североевразийское многообразие культур выразилось в языковой финно-угорской основе. На примере развития языка можно оценить историю циркумполярной цивилизации и приарктических территорий. Лингвист Бодуэн де Куртенэ тесно связывал изучение языка с изучением общества, его концепция истории языка связана с объективной историей общества³. Используя лингвистический подход, возможно оценить примерный возраст циркумполярной цивилизации для определения ее устойчивости как закономерности развития системы и закономерности осуществимости системы.

Исследователи финно-угорских языков насчитывают до 1200 слов, бытовавших в древнем финно-угорском языке (праязыке) и дошедших до наших дней [5]. Венгерские ученые установили, что если со времени территориального разобщения двух родственных языков друг от друга прошло 1000 лет, то общих корневых слов в эти языках остается 74 %, через 2000 лет остается 55 %, через 3000 лет — 40 %, через 4000 лет — 30 %, через 5000 — 22 %, через 6000 — 16 %, через 7000 лет общих слов остается около 10 %.

Финский ученый А. Раун считает, что в венгерском и финском языках общих корневых слов насчитывается от 21 до 27 %; в мордовском и марийском языках — от 36 до 40 %; в уд-

² Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010.

³ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию, том I. Издательство академии наук СССР, Москва, 1963.

муртском и коми — 70 %; в ненецком и финском — 15 %; ненецкий и венгерский языки дают только 13 % общих корней. То есть со времени территориального разобщения финно-угорских и самодийских языков прошло более 6000 лет, венгерского и финского — около 4500—5000 лет, пермских языков друг от друга — приблизительно 1000 лет.

На основе этих данных можно признать, что уральская языковая общность (или язык-основа) существовала задолго до IV тысячелетия до н. э., а финно-угорский язык-основа функционировал приблизительно до III тысячелетия до н. э., распавшись к концу III тыс. лет до н. э. на промежуточные праязыки. По мнению Е. А. Хелимского, картина развития бывшего непрерывного ареала, от Прибалтики до Урала, выглядит как части сильно растянувшейся и порвавшейся во многих местах полоски [5]. Древний финно-угорский язык характеризовался значительной расчлененностью на диалекты, из которых развились современные языки. Непрерывное расширение территории расселения финно-угров указывает на эффективность их культуры и уклада жизни в арктической зоне и приарктических территориях.

За последние 400 лет в результате освоения Урала Российской империей и изменения культурного состава населения происходят серьезные трансформации в языке. Язык фиксирует особенности истории и культуры живущих в регионе народов, результат взаимодействия различных говоров и языков. Судя по летописям, русские, а именно новгородцы, проникли на Урал уже в XI в. [4]. Первоначальные пути освоения проходили по Верхнему Прикамью. При заселении русские занимали обычно пустующие территории, но нередко проживали рядом с коми-пермяками. Экокультурная адаптация на Урале не предполагает проживания отдельными семьями. Поэтому русские диаспоры входили в тесный контакт с коми-пермяками, возникали смешанные, двуязычные семьи. Перенимался ранее чуждый хозяйственный уклад жизни. В результате в речь коми проникало много русских слов, но и пермские говоры обогатились коми лексикой, особенно в бытовой сфере, как авангардной для целей выживания. В теории систем эта языковая конвергенция соответствует закону «необходимого разнообразия».

Взаимопроникновение культур для достижения общей цели неконфликтного характера (выживание в суровой природной среде) расширило предельные возможности циркумпольной цивилизации. Культурный компонент Арктики как системы можно признать существенным для ее самоорганизации с целью противостоять энтропии (разрушению).

По мнению профессора Ю. Ф. Лукина, устойчивое развитие арктической зоны — это стабильно поступательное развитие, процесс постоянных позитивных изменений в политике и управлении, социально-экономической и духовно-культурной сферах жизнедеятельности

северных региональных социумов и муниципальных образований; реализация комплекса социально-культурных мер, модернизация арктической инфраструктуры, сбережение населения и сохранение окружающей природной и культурной среды [4, с. 27].

Приоритет достижения только экономических выгод от развития Арктики спровоцирует утрату древнейшей циркумполярной цивилизации. А в рамках системного подхода хозяйственную пригодность потеряет не только Арктическая зона России, но и прилегающие регионы Урала и Сибири. На основании теории систем это неизбежно отразится на качестве жизни населения страны и спровоцирует стратегическую невозможность повышения благосостояния государства.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию, том I. Издательство академии наук СССР, Москва, 1963. 383 с.
2. Волкова В. Н. Теория систем: Учеб. Пособие / В. Н. Волкова, А. А. Денисов. М.: Высш. шк., 2006. 511 с.
3. Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. 400 с.
4. Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире (25.12.2012). Архангельск, 2012. URL: <http://narfu.ru/aan/> (дата обращения: 01.06.2013).
5. Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Издательство «Книжный мир», 2005. 462 с.
6. Фёдорова Н. В. Север Западной Сибири в древности и средневековье. Источники и проблематика. Институт истории и археологии УрО РАН, Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского.

*Рецензент — Соколова Флёра Харисовна,
доктор исторических наук, профессор*

УДК (304.444+304.9)+[316.758:316.4.063.34](1-922.1)+(1-191.8)

СОЛОВЕЦКОЕ МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО: САМООРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВ РАЗОБЩЕННОСТИ

THE LOCAL COMMUNITY OF THE SOLOVKY ISLANDS: SELF-ORGANIZATION AGAINST DISSOCIATION



© *Rakhmanova* Лидия Яковлевна, аспирантка кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: muza-spb@yandex.ru

© *Rakhmanova* Lidia Yakovlevna, postgraduate student of the department of cultural anthropology and ethnical sociology, of the faculty of THE sociology of St. Petersburg State University. E-mail: muza-spb@yandex.ru

Аннотация. Анализируются исторические формы кооперации и взаимопомощи на Соловецких островах в целях сопоставления с современной ситуацией в поселке Соловецкий. Предлагаются пути преодоления дезинтеграции местного сообщества за счет изменения структуры занятости населения и разработки новых жизненных стратегий

Ключевые слова: Соловецкие острова, местное сообщество, самоуправление

Abstract. This article analyzes the historical forms of the cooperation and mutual aid typical for Solovky Islands with a view to compare them with the modern situation in Solovetsky settlement. The ways of overcoming of the local community disintegration via restructuring of occupational pattern and elaboration of the new life strategies are proposed

Keywords: Solovky islands, local community, self-government

Соловецкие острова, известные как в России, так и далеко за ее пределами, это не только монастырь с шестисотлетней историей, не только лагерное прошлое архипелага, не только удивительная архитектура и завораживающая природа, но и люди. Люди, дела и судьбы которых сформировали прошлое островов, и люди, поступки и ценности которых строят настоящее. На Большом Соловецком острове в пос. Соловецкий проживает чуть более 1000 жителей, и стоит отметить, что за последние годы возросла рождаемость, все больше заполняются группы детского сада и первые классы школы. С одной стороны, на острове довольно значительную часть населения составляют люди пенсионного возраста, с другой — дети, получившие достойное образование, могут стать основой для обновления того сообщества, которое сейчас находится в совершенно разобщенном состоянии.

Однако здесь перед нами встает два вопроса: захотят ли молодые люди связать свою жизнь с Соловецкими островами, на которых прошло их детство, и будет ли спустя 5—10 лет такая возможность и необходимость в развитии поселка с гражданским населением на архипелаге? Будучи приравнены к районам Крайнего Севера, Соловецкие острова, тем не менее, имеют одно из самых привлекательных климатических условий в АЗРФ, тем более на

данной широте. Немаловажно будет в этом контексте указать на связь между режимом труда и особенностями ресурсобеспечения на локальной территории, которая, в свою очередь, находится в определенных географических и климатических условиях. Исторически сложилось, что формы труда в масштабе монастыря (или скитов) были коллективными (совместные послушания и службы, однако при этом — уединение для молитвенного делания). Это же относится и к лагерному периоду, и к периоду функционирования учебного отряда Северного флота. Режим посещения острова тоже изначально был особым. Паломники могли оставаться на острове не более трех дней, в течение которых обитель давала им кров над головой и кормила. Чтобы остаться дольше, разумеется, только мужчинам, необходимо было серьезное намерение потрудиться на благо Преподобных, и полностью принять и следовать монастырскому уставу во время пребывания на острове.

Таким образом, просто «посетителей» было гораздо меньше, поскольку задерживаться подолгу они не могли. Равновесие между численностью насельников скитов и основного монастырского комплекса создавали гармоничную антропогенную нагрузку на всем архипелаге, которая впоследствии была утрачена. На сегодняшний день жители поселка делают ставку в своей занятости на обеспечение туризма и паломничества, поскольку доход от предпринимательской деятельности в четырехмесячный судоходный сезон порой превышает годовой доход на их основном месте работы. В связи с этим в это время личные служебные обязанности отодвигаются на «второй план».

Экскурсии в полувосстановленные или почти разрушенные нефункционирующие скиты проводятся для посетителей, однако размещение и пункты питания организованы только в поселке, окружающим сам монастырь, что дает невиданную концентрацию жителей и приезжих на одном клочке земли площадью не более десяти квадратных километров из трехсот возможных на архипелаге. Поскольку сфера услуг преобладает над производством, забыты остались такие сферы, как сбор и переработка морских водорослей, животноводство, содержание покосных лугов, рыбная ловля. С утратой этих направлений утрачена и инфраструктура, которая важна не только в производственном, но и в социальном плане. Из всех возможных видов деятельности, население в большинстве своем занято только сферой обслуживания. Данная работа не требует особого мастерства и высокой квалификации. Как следствие люди, не владеющие особыми технологиями и знаниями, становятся легко заменимыми в своей профессиональной нише.

Для наглядности обратимся к положению дел в Соловецком монастыре конца XIX — начала XX в. Четырехклассное училище для трудников было в 1913 г. преобразовано в вось-

миклассное училище, где давались знания не только в сфере богословия, письменности и монастырского устава, но практические навыки, необходимые инженерам, столярам, электрикам, гончарам, строителям, агрономам, кузнецам. Монастырь был уникален тем, что выпускал своих специалистов в мир, при этом часть знатоков оставалась в числе братии и служила общему делу. Не случайно монахов-специалистов пригласили остаться на островах при совхозе после расформирования монастыря в 1920 г., и даже позднее — в лагерный период.

На историческом примере видим, что традиции образования на труднодоступном северном архипелаге создавали на островах культуру проживания, природопользования, хозяйствования; личных и профессиональных взаимоотношений; а также приносили сплоченность коллективу, который прошел одну духовную и интеллектуальную «школу». В лагерный период на Соловках развивалось не образование, но активная научная деятельность в сфере археологии, истории, искусствоведения, архивной работы, ботаники, химии, медицины. Школа юнг, пришедшая на смену СЛОНу, вновь имела образовательную функцию. И даже военные не просто разместили здесь свою базу, но организовали Учебный отряд.

Непрерывное образование, сочетаемое с физическим и интеллектуальным трудом, идеологическая или же духовная атмосфера, разделяемая всеми членами сообщества, проживающего на Соловецких островах — вот формула единства и плодотворной творческой деятельности, которая позволяет не только выживать, но создавать произведения культуры, делать изобретения и открытия. Однако что осуществляется на Соловецких островах из вышеуказанных направлений сегодня? Поселок представляет собой местожительство случайно и целенаправленно приехавших сюда людей со всей страны и ближнего зарубежья, в котором «сложилось более или менее замкнутое сообщество, не имеющее корней и соответствующих традиций, но обладающих общей недолговременной историей и сформированным ею образом жизни» [1, с. 126].

Какие факторы препятствуют кооперации местного населения на сегодняшний день? Прежде всего — это искаженная информация об управленческих решениях, принимаемых на областном и федеральном уровне касательно судьбы поселка и историко-архитектурного наследия Соловецких островов. Собrania собираются не для реального обсуждения вариантов решения насущных проблем, а для формального информирования граждан о принятых ранее за закрытыми дверями решений. В среде местного сообщества нет лидера или же референтной группы из числа соловчан, которые послужили бы катализатором в реализации проектов, и убедили, что инициатива «снизу» не так уж бесплодна, как это видится пессимистически настроенной части сообщества.

Вторая причина дезинтеграции местного населения на Соловках заключается в следующем. Заинтересованность в развитии территории, на которой проживают местные жители, возможна только в случае, если они планируют проживание наследников и родственников на той же территории. Если же они стремятся помочь закрепиться своим детям и внукам крупных городах, за пределами Соловецких островов, то они, по понятным причинам, будут совершенно не заинтересованы в будущем развитии поселка. В связи с этим налицо отсутствия перспективного мышления на несколько лет вперед. Кроме того, отсутствует образ желаемого, образ того архипелага, который хотелось бы видеть в результате преобразований, строительства, реставрации и обновления инфраструктуры.

Третья причина пассивности местного населения и их нежелания кооперироваться самостоятельно, в том, что областные власти приучили жителей к тому, что бытовые проблемы будут решать сами власти, а не местное сообщество. Поэтому соловчане ждут помощи «сверху», не предпринимая никаких шагов даже для решения простых коммунально-бытовых проблем.

Остается открытым вопрос о том, будет ли в ближайшие годы на Соловецких островах цениться человеческое окружение, или же на первый план выйдут историко-архитектурное и духовное наследие, интересы и приоритеты монастыря. Да и будут ли жители поселка, живущие вне стен монастыря, достойны тех социо-экономических инвестиций которые планируются? Сложность в изучении этой проблемы заключается в том, что перед нами предстают особые социальные «образования, идентичность которых еще не успела или в принципе не может состояться, а следовательно, коллективы призрачные, по сути дела «недоколлективы». В такие сообщества людей объединяет не выбор, но опыт, если под ним понимать некие априорно разделяемые аффективные состояния (боль, страдание, радость, удовольствие), причем как предельно интенсивные, так и достаточно стертые» [2, с. 8]. Но нам представляется возможной постепенная самоорганизация населения этого социума на основе исторических примеров трудового и ценностного единства на Соловецких островах.

Литература

1. Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью. Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2006. 312 с.
2. Петровская Е. Безымянные сообщества. М.: Фаланстер, 2012. 384 с.

*Рецензент — Лукин Юрий Фёдорович,
доктор исторических наук, профессор*

УДК 353.1 332.12

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ**THE MAIN PROBLEMS OF THE RUSSIAN ARCTIC**

© **Храмчихин** Александр Анатольевич, заместитель директора Института политического и военного анализа (Москва). Научные интересы: вооруженные силы стран мира, военные конфликты; Кумай; НАТО; Арктика. E:mail: hrmndanot@mail.ru

© **Khramchikhine** Alexander Anatolievich, Deputy Director of the Institute of Political and Military Analysis (Moscow). Scientific interests: Armed forces, wars, China, NATO, Arctic. E:mail: hrmndanot@mail.ru



Аннотация. Коррупция, бюрократия, отсутствие стратегии развития являются общероссийскими проблемами. Главные проблемы собственно Арктики – климат и неразвитость транспортной инфраструктуры. Без развития транспорта говорить о перспективах развития Арктики бессмысленно. Кроме того, необходимо размещение вдоль арктического побережья арктических бригад и сил ПВО ВС РФ.

Ключевые слова: Арктика, коррупция, стратегия, население, транспорт, арктические бригады

Abstract. Corruption, bureaucracy, lack of strategy development are all-Russian problems. The main problems of the Arctic itself are the climate and poor transportation infrastructure. Talks about the perspectives of the development of the Arctic are meaningless without the development of the transport. Quartering along the Arctic coast of the Arctic brigades and air defense forces of the Russian Federation Armed Forces is also need.

Keywords: the Arctic, corruption strategy, population, transportation, the Arctic Brigades

Основными проблемами Российской Арктики на сегодняшний день являются бюрократия и коррупция; отсутствие внятной стратегии развития; климат; крайне низкая плотность населения и почти полное отсутствие транспортной инфраструктуры.

Коррупция и бюрократия

Совершенно очевидно, что это главные проблемы сегодняшней России, всерьез угрожающие ее национальной безопасности. Не менее очевидно и то, что они не могут быть решены на уровне одного региона или группы регионов, а только в масштабе страны в целом. Чрезвычайно затрудняет их решение глубокая укорененность коррупции в национальном менталитете. Надо прямо признать, что в коррупционные схемы так или иначе включено почти все население страны, причем очень значительную его часть это вполне устраивает (даже несмотря на постоянно высказываемое недовольство существующим положением вещей). Кстати, поэтому очевидной иллюзией являются надежды отдельных граждан России решить проблемы коррупции и бюрократии путем сепаратизма. В итоге те же проблемы просто воспроизведутся на более низком, убогом и циничном уровне. Прекрасным примером этого является нынешняя Украина.

Вполне очевидно также и то, что указанные проблемы невозможно решить чисто инструментальными и репрессивными методами, здесь необходимы политические решения общероссийского масштаба. Обсуждение этих решений является отдельной темой и заведомо выходит за рамки Соловецкого форума. Можно отметить лишь то, что, судя по результатам практически всех постсоветских выборов, Север России прогрессивнее и демократичнее Юга России, что, видимо, объясняется историческими традициями. Соответственно, у Севера есть потенциальная возможность стать «авангардом перемен». Впрочем, как показывает вышеупомянутый пример Украины, демократия сама по себе не является панацеей ни от каких отрицательных социально-политических и экономических явлений и даже от полной деградации государства. Демократия является хорошим средством (в первую очередь — средством контроля общества над властью), но она ни в коем случае не должна становиться самоцелью. Как минимум, общество должно иметь желание пользоваться данным инструментом и осознавать, для чего он нужен.

Отсутствие стратегии развития

Как и предыдущая проблема, она носит общенациональный характер. Стратегий развития нет ни у страны в целом, ни у отдельных отраслей, институтов и регионов. Хорошим примером в данном случае является военная реформа Сердюкова. В результате этой реформы ВС РФ претерпели грандиозные изменения (в основном отрицательные, хотя были и положительные моменты), однако до сих пор неизвестны ни ее авторы, ни ее реальные цели, ни критерии, по которым проводились преобразования. За весь постсоветский период так и не стало ясно, как и для чего мы строим ВС, хотя сейчас в их строительство вкладываются весьма значительные средства.

Важнейшей из причин подобной ситуации является, по-видимому, «ненужность» нынешнего Российского государства большинству его населения и элиты. Очень значительная часть населения и элиты являются патриотами СССР, а Россию рассматривают как некую досадную ошибку. Другая, не очень большая, но достаточно влиятельная часть населения и элиты полностью ориентированы на Запад, для них Россия (как и ранее СССР) также является досадной ошибкой, которую желательно вообще устранить без возможности восстановления. Тем более нынешняя Россия не устраивает сторонников разнообразных националистических проектов, как русских, так и антирусских. В итоге в роли формальных патриотов России выступает, в основном, нынешняя бюрократическая верхушка, которая, на самом деле, ориентирована, в первую очередь, на личное обогащение и породившая основные нацио-

нальные проблемы, упомянутые выше. Если страна, по сути, никому не нужна, то некому создавать для нее стратегию развития.

Другой причиной отсутствия стратегии является быстрое падение научно-образовательного уровня в стране, причем оно началось еще в СССР. Примером является российская военная наука, которая сегодня, за редким исключением, не только не способна создавать новые концепции, но практически утратила возможность хотя бы анализировать иностранные. Более того, даже описательная функция военной наукой уже почти не выполняется (за исключением отдельных вопросов технического характера). Фактически, большинство работ в области военной науки в России вообще не имеют отношения к науке, а являются пропагандой достаточно низкого уровня.

Учитывая складывающиеся тенденции в образовании, ситуация в данной сфере будет лишь усугубляться. Впрочем, научные учреждения Севера России могут опровергнуть указанные тенденции, разработав целостную и непротиворечивую стратегию развития Российской Арктики. То, что ее реализация столкнется с главными национальными проблемами (коррупцией и бюрократией), не является основанием для того, чтобы не разрабатывать стратегию.

Что касается документа под названием «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.», появившийся в феврале с. г., его крайне сложно считать стратегией. За последние годы в России появилось множество подобных документов, написанных по принципу «за все хорошее против всего плохого», без выделения реальных приоритетов (если приоритетов два десятка, расположенных в произвольном порядке, значит, приоритетов нет вообще) без механизмов и сроков реализации (формально они есть, фактически — нет из-за крайней общности и размытости всех положений и критериев) и ответственных лиц. Данный документ не может быть руководящим и нормативным. Есть сильнейшие подозрения, что через год о нем просто никто не вспомнит.

Климат

Это уже специфическая региональная проблема, которая, впрочем, касается очень значительной части страны. На самом деле, из-за холодного климата гигантские размеры территории России являются, во многом, виртуальными. Это особенно очевидно в азиатской части страны, где почти все население и почти вся экономика сосредоточены в узкой полосе вдоль границы. Если рассмотреть любимую автором военную тему, то можно отметить, что к востоку от Байкала складывается трагически парадоксальная ситуация. В случае агрессии со стороны Китая формально у российских войск есть огромная стратегическая глубина для от-

ступления (несколько тысяч километров до побережья Северного Ледовитого океана). Фактически же никакой глубины нет из-за почти полного отсутствия к северу от линии БАМа инфраструктуры и исключительно неблагоприятных природно-климатических условий. Соответственно, вся обитаемая территория теряется практически сразу без возможности ее вернуть, а войска обречены на быструю гибель.

С другой стороны, жаловаться на климат достаточно бессмысленно, поскольку человек его не создавал. Возможность человека воздействовать на климат крайне ограничена, причем это воздействие почти всегда крайне отрицательно для самого человека. Именно на примере Арктики это видно особенно хорошо. Происходящие в последние годы изменения климата в Арктике (причем формально в благоприятную сторону) становится не меньшей проблемой, чем «традиционный» климат, имевший место на протяжении нескольких последних веков. В дальнейшем эти изменения могут стать проблемой для всего человечества, учитывая, насколько Арктика влияет на климат в масштабах всей планеты, а климат, в свою очередь, влияет на состояние биосферы.

Таким образом, климат желательно воспринимать как данность и искать возможности использовать его в созидательных целях. В противном случае обсуждение проблем Арктики вообще утрачивает смысл.

Низкая плотность населения

Данная проблема является прямым следствием предыдущей, поэтому ее решение не вполне зависит от человека. Тем более что заселение территорий административно-силовыми методами сейчас не представляется возможным. Более того, вряд ли возможно даже закрепление в Арктике хотя бы того населения, которое там уже проживает.

Достаточно хорошо известно, что в Москве и ряде других крупных городах России имеет место проблема «сибирских квартир». Они покупаются жителями северных и восточных регионов «на перспективу», т. е. для проживания в них на пенсии и/или для детей, начиная с их студенческого возраста. Спрос на эти квартиры повышает цены на недвижимость в крупных городах, причем не только прямо, но и косвенно, поскольку большая их часть стоит пустыми, т. е. выводится из действующего жилого фонда. Как правило, покупателями этих квартир являются жители наиболее богатых и обустроенных северных регионов типа ХМАО и ЯНАО. Таким образом, даже очень высокие по российским меркам зарплаты и весьма хорошие жилищные и социальные условия не могут заставить людей связать свое будущее с Севером. Очевидно, основной, если не единственной причиной этого является климат.

По-видимому, данную ситуацию надо принимать как данность. Необходимо добиваться улучшения условий жизни для экономически активного населения в Арктике, понимая, что ближе к пенсии люди все равно будут переезжать «на материк». Также желательно каким-то образом стимулировать возвращение на Север молодежи, окончившей ВУЗы в остальной России или за рубежом, и укреплять местное высшее образование. В связи с этим иллюзорными представляются проекты создания на Севере неких новых «инновационных городов». Такие искусственно навязанные проекты поглотят гигантские средства, которые заведомо никогда не окупятся и не решат никаких проблем. Гораздо целесообразнее тратить деньги на улучшение условий в уже существующих населенных пунктах.

Транспорт

Данный вопрос является для Арктики ключевым, без его решения никаких перспектив у региона нет, продолжится его вялотекущее умирание, за исключением нефтегазовых районов. Впрочем, даже их перспективы не очевидны, учитывая «сланцевую революцию» в США и ряде других стран-импортеров углеводородов. Сохранение хотя бы нынешних населенных пунктов, не говоря о создании новых городов, эксплуатация нынешних и освоение новых месторождений полезных ископаемых уже невозможно при нынешнем состоянии транспортной инфраструктуры, т. е. при ее фактическом отсутствии.

Кроме того, Россия теоретически обладает огромным транзитным потенциалом, причем для всех видов транспорта (авиационного, морского и речного, железнодорожного, автомобильного). Здесь также должен быть задействован Арктический регион. Некоторые эксперты считают, что Россия уже упустила шанс этот потенциал использовать [1]. Тем не менее, необходимо предпринять попытку изменить ситуацию, тем более что, как было сказано выше, это необходимо, главным образом, для внутренних нужд.

В первую очередь, речь идет о развитии СМП. Он должен быть максимально удобен для коммерческого судоходства (отечественного и иностранного) как в навигационном, так и в экономическом отношении. Видимо, необходим специальный закон или даже серия законов об СМП. Необходимо учесть печальный опыт Транссиба, весь транзитный потенциал которого уничтожен сложностью таможенных процедур.

Гораздо более сложным, но необходимым проектом является строительство железной дороги вдоль арктического побережья, которая могла бы стать «дублером» СМП. В обозримой перспективе (до 2030 г.), за счет использования уже существующих участков, необходимо ориентироваться на постройку дороги Мурманск — Норильск (Дудинка). Довести дорогу до Анадыря вряд ли удастся даже к 2050 г. Тем более что к этой дороге необходимы,

как минимум, четыре отвода на юг — хронически недостроенный Белкомур и даже не начатые трассы от Норильска на Красноярск и от Тикси и от Анадыря (через Магадан) до Якутска. Тем не менее, строительство этих дорог необходимо. Разумеется, это экстремально сложный и сверхзатратный проект, однако без него все разговоры об освоении Арктики и Дальнего Востока остаются не более чем демагогией. Более того, значительно усилятся и ужесточатся притязания на эти территории со стороны США и Китая, поскольку Россия все более явно будет выступать в роли «собаки на сене» в условиях обостряющейся нехватки ресурсов.

Новая транспортная инфраструктура — единственный фактор, позволяющий не только закрепить Арктику за Россией и нынешние города и объекты экономики за Арктикой, но и создать новые «точки роста» в регионе.

Вооруженные силы РФ в Арктике

Вопрос о возможности военного противостояния в Арктике автор уже рассматривал в докладе для Соловецкого форума в 2011 г. [2]. В нем было показано, что вероятность такого противостояния крайне низка, но чтобы она и оставалась столь же низкой, российский военный потенциал в регионе должен поддерживаться хотя бы на нынешнем уровне.

Разумеется, основу данного потенциала составляет Северный флот. Но он, по сути своей, является не столько арктическим, сколько атлантическим. Очевидно, такая ситуация сохранится и в дальнейшем. Кроме того, он выполняет общенациональную функцию ядерного сдерживания, которая напрямую не связана с обороной Арктики. По-видимому, необходимо создание вдоль всего арктического побережья России пунктов базирования ВМФ, однако понятно, что постоянных флотских группировок в них дислоцироваться не будет. На это просто не хватит ресурсов. Тем более что надводные корабли, рассчитанные на действия именно в Арктике, должны иметь усиленные корпуса, что еще больше повысило бы стоимость их строительства. При этом сейчас для России было бы гораздо важнее восстановить хотя бы «традиционный» флот, чем пытаться строить еще и специальный арктический флот.

Поэтому необходимо размещение вдоль всего арктического побережья 5—7 арктических бригад ВС (потенциальные точки их дислокации — Кольский полуостров, район Архангельска — Северодвинска, Салехард, Ямал, район Норильск-Дудинка, Тикси, Чукотка). Формально, этот проект уже озвучен Министерством обороны, однако пока, судя по всему, оно пока само не вполне понимает, что имело в виду. Очевидно, что лишь для бригад на Кольском полуострове и на Чукотке будет существовать хотя бы теоретическая возможность участия в боевых действиях по обороне вверенной территории. Остальные бригады будут выполнять скорее символическую функцию, которая, однако, весьма важна. *Во-первых*, будет

устранена ненормальная ситуация, когда огромное по протяженности арктическое побережье России «открыто настежь». Хотя вероятность высадки на нем вражеского десанта близка к нулю, это не означает, что оно не должно быть защищено. *Во-вторых*, будет сделан важнейший в политическом плане символический жест по закреплению Арктики за Россией. *В-третьих*, воинские части сами по себе могут стать «точками роста», притягивая население, экономику и инфраструктуру.

Кроме арктических бригад в тех же пунктах желательно размещение сил ПВО, не только РТВ, но также ЗРВ и истребительной авиации. Это могли бы быть зенитно-ракетные полки ЗРС С-300П, состоящие из 1—2 дивизионов, а также группы (1—2 звена) истребителей-перехватчиков МиГ-31, развертываемые на арктических аэродромах по принципу ротации. В совокупности с арктическими бригадами сухопутных войск этого было бы вполне достаточно для обеспечения не только военной безопасности Арктического региона, но и его политического «закрепления» за Россией.

Выводы

Нынешнее развитие Российской Арктики де-факто полностью завязано на добыче углеводородов. Однако крайняя техническая сложность данного процесса в местных природно-климатических условиях, жесткие экологические требования и неблагоприятная внешняя конъюнктура делают такую политику весьма сомнительной. Основой российской арктической стратегии должно стать, во-первых, развитие транспортной инфраструктуры, во-вторых, закрепление в регионе экономически активного населения, в-третьих, укрепление военного потенциала в регионе. Тем более что без этих трех вещей, в конце концов, станет невозможной добыча углеводородов.

Литература

1. Иноземцев В. Транзитной страны из России уже не выйдет // Ведомости. 2012. 29 ноября.
2. Храмчихин А. Военно-политическая ситуация в Арктике и сценарии возможных конфликтов // Арктика и Север. 2011. № 2. С. 36—50. URL: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php.

*Рецензент — Лукин Юрий Фёдорович,
доктор исторических наук, профессор*

УДК 332.1:001.895

О МЕТОДИКАХ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ

ABOUT THE METHODOLOGY OF THE INTEGRATED EVALUATION OF INNOVATIVE POTENTIAL AREAS OF THE NORTH REGIONS AND THE ARCTIC



© **Цукерман** Вячеслав Александрович, кандидат технических наук, зав. отделом Института экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН. E-mail: tsukerman@iep.kolasc.net.ru

© **Tsukerman** Vjacheslav Aleksandrovich, PhD (Engineering), head of the department of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Science. E-mail: tsukerman@iep.kolasc.net.ru



© **Горячевская** Елена Сергеевна, научный сотрудник Института экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН. E-mail: tsukerman@iep.kolasc.net.ru

© **Goryachevskaya** Elena Sergeevna. Scientific worker of Lusin Institute of the Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Science. E-mail: tsukerman@iep.kolasc.net.ru

Аннотация. Проведен расчет интегральных показателей инновационного потенциала регионов Севера и Арктики по трем методикам. Уточнены их преимущества и недостатки. Определено, что наличие большого количества различных подходов и показателей оценки уровня инновационного потенциала территорий связано с неоднозначностью трактовки в России понятий, несовершенством системы статистических показателей и отсутствием необходимой информации. Показана необходимость дальнейшего совершенствования методологии интегральной оценки инновационной деятельности стран и регионов

Ключевые слова: инновационный потенциал, регион, Север, Арктика, интегральная оценка

Abstract. The calculation of the integrated indicators of the innovative potential of the regions of the North and the Arctic by three methods. Clarifies the advantages and disadvantages of each method presented. Determined that the presence of a large number of different approaches and indicators to measure the level of innovation potential areas due to the ambiguity in the interpretation of the concepts of Russia, imperfect system of the statistical indicators and the lack of necessary information. The necessity of the further development of the methodology of the integrated assessment of innovation countries and regions

Keywords: innovative potential, the region, the North, the Arctic, the integrated assessment

Оценка состояния инновационного потенциала регионов Севера и Арктики позволит выйти на разработку типовых моделей организационного, правового, технологического

формирования инновационного процесса с учетом отраслевых и региональных особенностей. Объективная оценка инновационного потенциала позволит объединить на инновационном поле возможности предприятий, региональных и федеральных органов, а так же позволит ликвидировать образовавшийся затор в использовании имеющихся научно-технических разработок, изобретений, ноу-хау.

Существует множество определений инновационного потенциала:

- 1) Инновационный потенциал — совокупность различных видов ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности [1]. В данном случае структура инновационного потенциала определяется как единство трех его составляющих: ресурсной, внутренней и результативной, которые сосуществуют взаимно, предполагают и обуславливают друг друга и проявляются при использовании как его триединая сущность.
- 2) Под инновационным потенциалом понимается количество экономических ресурсов, которые в каждый конкретный момент общество может использовать для своего развития. Эти ресурсы распределяются между тремя основными секторами (сегментами, направлениями) макросистемы: научно-техническим, образовательным, инвестиционным. Совокупность названных сегментов и формирует инновационный потенциал макросистемы [2].
- 3) Инновационный потенциал региональной социально-экономической системы – совокупность ресурсных возможностей, технологических, коммерческих, управленческих компетенций для генерации, распространения и использования нововведений в целях модернизации экономики региона [3].

Уровень инновационного потенциала пребывает в постоянной динамике, которая может быть как позитивной, так и негативной, поэтому, оценка инновационного потенциала должна представлять собой систематический анализ его составляющих. Сложность и многообразие характеристик различных аспектов инновационного потенциала региона обуславливает наличие множества показателей, ни один из которых не выполняет роль универсального показателя, по которому однозначно можно было бы судить об инновационном потенциале. Поэтому для его оценки необходимо определить составляющие, измерить их и, таким образом, получить комплексную оценку инновационного потенциала.

Значение Севера и Арктики в экономическом развитии России объясняется, главным образом, разведанными и перспективными минерально-сырьевыми ресурсами, находящимися на его территории. Здесь сосредоточено 2/3 ресурсного потенциала страны, в том чис-

ле более половины леса, рыбы, пушнины; добывается 100 % алмазов, 80 % золота, свыше 90 % природного газа, 75 % нефти, которые дают более 60 % валютных поступлений. Здесь проживает около 8 % населения России, но производится около 20% валового внутреннего продукта [4].

В работе для проведения оценки инновационного потенциала регионов Севера и Арктики были использованы три методики: 1) инновационный профиль; 2) позиционирование региона; 3) кластеризация регионов и рассмотрение трех групп показателей РИС. Методика расчета инновационного профиля разработана О. С. Москвиной [5]. В соответствии с этой методикой были агрегированы оценочные характеристики инновационного потенциала (табл. 1).

Таблица 1

Система обобщающих показателей, характеризующих инновационный потенциал

Группа показателей	Показатель	Условное обозначение показателя	Пограничная характеристика показателя	
			R	Z
Кадровая составляющая	Доля работников с высшим образованием в общей численности занятых, %	K1	0,25	0,8
	Численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования на 10 тыс. человек населения	K2	100	150
Технико-технологическая составляющая	Степень износа основных фондов, %	T1	60	25
	Удельный вес полностью изношенных фондов в % от общего объема основных фондов вида деятельности	T2	12	8
Финансовая составляющая	Внутренние затраты на исследования и разработки к ВРП, %	Ф1	2,5	5
	Инвестиции в основной капитал к ВРП, %	Ф2	12	59
Научная составляющая	Численность персонала, выполняющего ИиР на 10 тыс. чел. населения	H1	13	40
	Численность исследователей с учеными степенями на 10 тыс. чел. населения	H2	0,4	4,0
Результативная компонента	Число патентных заявок в расчете на 10 тыс. чел. населения	P1	2,5	5
	Инновационная активность организаций, %	P2	40	10
	Объем инновационных товаров, выполненных работ, услуг в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	P3	8	15

Полученный обобщающий показатель потенциала графически отображен в виде инновационного профиля регионов Севера и Арктики (рис. 1). Проведенные расчеты позволяют выявить и проранжировать наиболее сложные по проблемности факторы инновационного развития регионов Севера и Арктики.

Положительной является в основном кадровая и научная составляющие, а также технико-технологическая. При этом, несмотря на то, что в последние годы происходит постоянный рост доли инвестиций в основной капитал к ВРП ($\Phi 2$), их научная составляющая ($\Phi 1$) находится в зоне неудовлетворительного состояния. В кадровой сфере заметен постепенный рост образовательного уровня работающих ($K1$), что обусловлено положительной динамикой показателей, характеризующих подготовку специалистов ($K2$).

Показатели результативного блока находятся в зоне неудовлетворительного состояния. То есть инновационный потенциал и по мере способности, и по степени готовности может быть охарактеризован как недостаточный для формирования инновационно активной экономики.

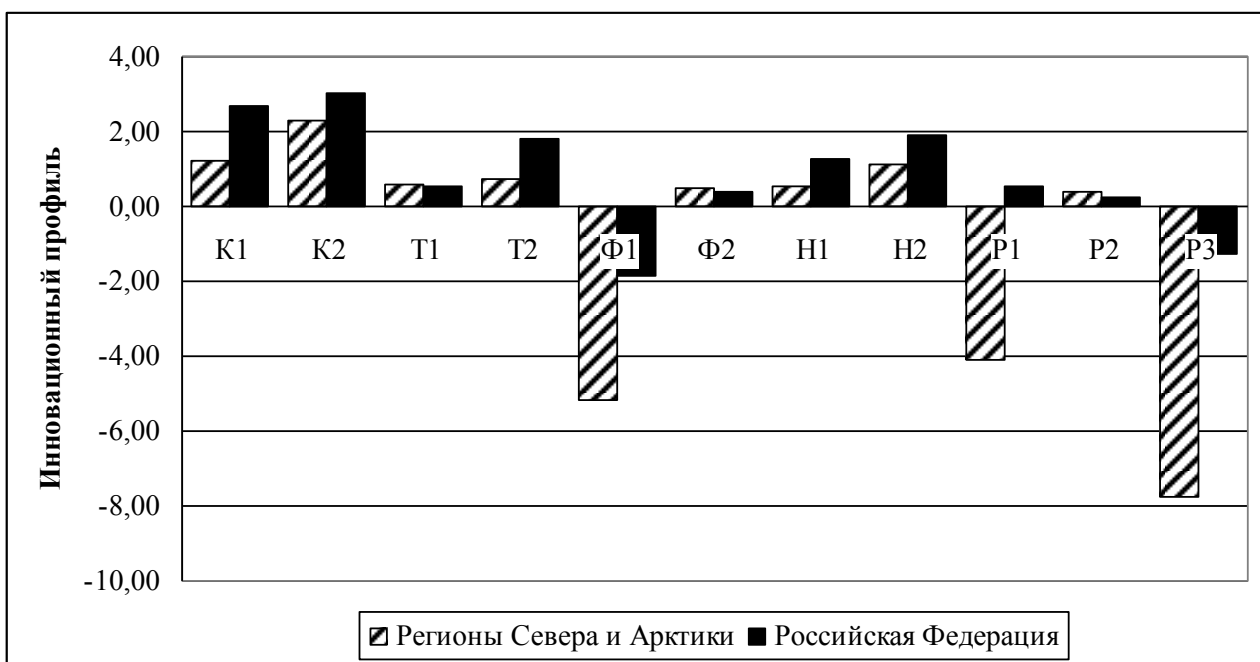


Рис. 1. Инновационный профиль регионов Севера и Арктики

Для реализации этой методики требуется решение ряда проблем, в том числе выбора системы показателей, характеризующих инновационный потенциал; определения пограничных характеристик выбранных индикаторов; проведения анализа рассогласования нормативных и фактических индикаторов. В качестве недостатка следует отметить то, что ее использование ограничено рамками отдельно взятого региона и не позволяет получить сравнительную характеристику относительно других. На основе отчета EIS А. Быковой и М. Молодчик [6] была разработана система показателей, характеризующих состояние развития экономики знаний в регионе в условиях развивающейся экономики знаний в России (табл. 2).

Таблица 2

Шкала для позиционирования регионов Севера и Арктики по инновационному развитию

Индикаторы	Категории	Показатели	
Входящие индикаторы Затраты на инновации	Человеческие ресурсы	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в расчете на 10 тыс. человек населения	
		Численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования в расчете на 10 тыс. человек населения	
		Число исследователей с учеными степенями в расчете на 10 тыс. человек населения региона	
	Создание знаний	Внутренние затраты на исследования и разработки в % от ВРП	
	Передача и применение знаний	Инновационная активность организаций, %	
		Число организаций, выполняющих исследования и разработки в общем числе организаций в %	
		Удельный вес затрат на технологические инновации в объеме инновационных товаров, выполненных работ, услуг, %	
		Удельный вес организации, использовавших информационные и коммуникационные технологии, в общем числе обследованных организаций	
	Исходящие индикаторы Результаты инноваций	Выход продукции на рынке, интеллектуальная собственность, применение знаний	Экспорт технологий региона в % от общего экспорта региона
			Подано патентных заявок к персоналу, занятому исследованиями и разработками, %
Удельный вес организации, имевших веб-сайт, в общем числе обследованных организаций, %			
Объем инновационных товаров, выполненных работ, услуг в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг			

Потенциальное значение каждого из индикаторов (I_i) оценивается по шкале от 0 до единицы для того, чтобы избавиться от размерности, и рассчитывается следующим образом

$$(1): I_i = \frac{x_i - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}} \quad (1), \text{ где } x_i \text{ – фактическое значение индикатора в } i\text{-том году; } x_{\max} \text{ (min)}$$

максимальное (минимальное) значение индикатора в i-том году. Итоговый инновационный индекс региона рассчитывается как средняя оценок всех индикаторов (2):

$$SII = \frac{\sum_{i=1}^n I_i}{n}$$

где n – количество индикаторов, входящих в SII. Таким образом, все показатели входят в индекс с одинаковыми весами.

На рисунке 2 представлены результаты позиционирования регионов Севера и Арктики.

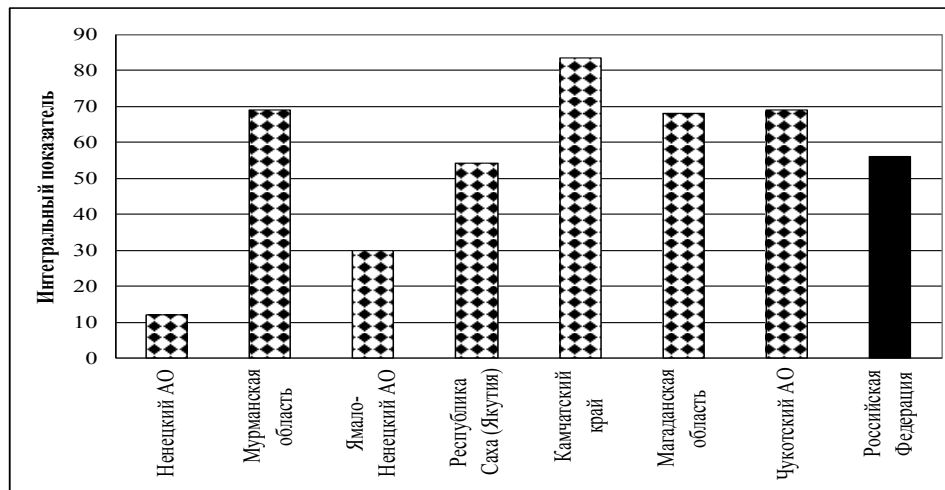


Рис. 2. Интегральные показатели инновационного развития и позиционирования регионов Севера и Арктики

Методика позиционирования на основе индексов, получаемых сверсткой первичных показателей, имеет как свои преимущества, так и недостатки. К плюсам можно отнести относительную простоту расчета: построение индекса инновационного потенциала не требует сложной и длительной работы, а объем необходимых статистических данных ограничен одним годом. Кроме того, инновационный индекс позволяет выявить диспропорции в инновационном развитии территориальных образований, поскольку оценивается набор как входящих, так и исходящих индикаторов.

Вместе с тем методика обладает и определенными недостатками, поскольку ее аналитические возможности ограничены только сопоставлением между регионами в рамках одного года. С помощью индекса сложно выявить долгосрочные тенденции в инновационном развитии или сделать прогноз, а также определить, почему одни регионы более успешны в создании инноваций, нежели другие.

На основании работы [7] была проведена оценка инновационного потенциала и проведена классификация регионов Севера и Арктики России по уровню инновационного потенциала. Для получения интегральной оценки по всем выбранным показателям использовался метод балльных оценок. Вхождение региона в первую группу по конкретному оценочному показателю оценивалось в 3 балла, во вторую – 2, в третью – 1. При расчете интегрального показателя (среднего балла) все оценочные показатели принимались с одинаковыми удельными весами, т.е. предполагалась равнозначность их воздействия на уровень инновационного потенциала региона. В результате получена интегральная оценка инновационного потенциала регионов Севера и Арктики по методике, основанной на кластеризации регионов и рассмотрении трех групп показателей РИС (рис. 3).

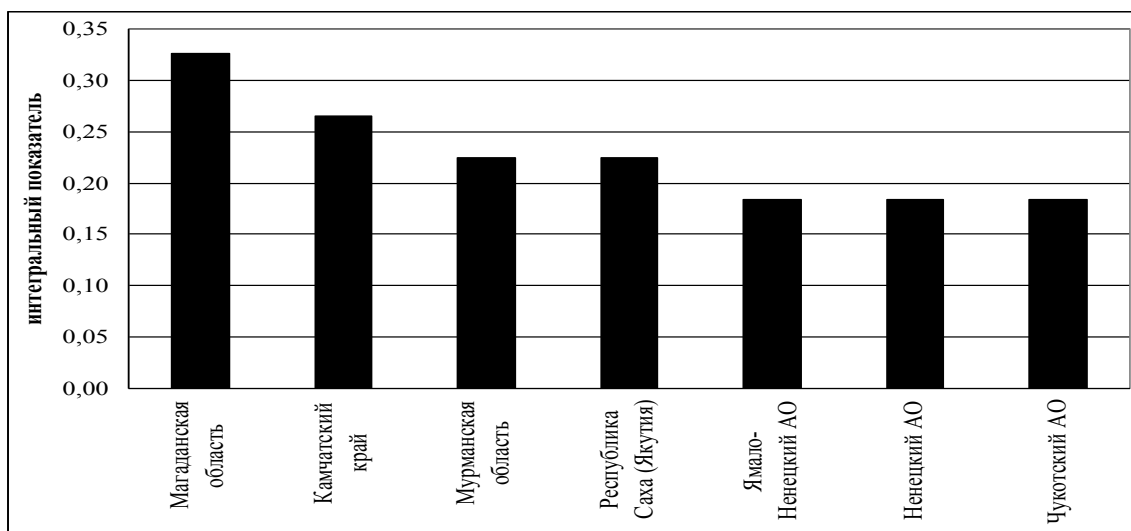


Рис. 3. Интегральная оценка инновационного потенциала регионов Севера и Арктики

Методика кластеризации регионов и рассмотрении трех групп показателей РИС имеет свои преимущества и недостатки. Недостатки методики: 1) ранжирование регионов Севера и Арктики по трем группам проводится на основании оценочных показателей, которые определяются экспертами; 2) при расчете интегрального показателя все оценочные показатели принимаются с одинаковыми удельными весами. Преимущества методики: простота расчетов.

Наличие большого количества различных подходов и показателей оценки уровня инновационного потенциала территорий связано, прежде всего, с неоднозначностью трактовки в России понятий не только «инновационный потенциал», но и «инновации», «инновационная деятельность», «региональная инновационная система» и т.п. Это связано с отсутствием федеральных актов «Об инновациях и инновационной деятельности», «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации», и, следовательно, законодательно закрепленных основных терминов инновационной политики. Необходимо законодательное обобщение и уточнение понятийного аппарата в инновационной сфере и сближения употребительных терминов в России и за рубежом.

Кроме того, измерение уровня инновационного потенциала связано с несовершенством системы статистических показателей и отсутствием необходимой информации. Для объективной оценки уровня инновационного потенциала регионов Севера и Арктики необходимы дальнейшие исследования в направлении совершенствования методологии.

Совершенствование методологии исследования инновационной сферы является стимулом к развитию международных стандартов статистики инноваций. Однако зарубежные

исследователи отмечают недостатки существующей системы сбора статистической информации как на национальном, так и на региональном уровнях [6].

Искажение информации происходит также и на уровне отдельной фирмы вследствие определенных требований к стандартам бухгалтерской отчетности и системе налогообложения, не способствующих отражению нематериальных активов фирмы, их учету и управлению. Несмотря на то, что международные системы бухгалтерской отчетности предоставляют большие возможности по учету нематериальных активов по сравнению с российскими нормами, ведущие финансовые консультанты развитых стран указывают на острую необходимость в пересмотре стандартов предоставления информации о нематериальных активах как внутри фирмы, так и на рынках капитала [8].

Необходимо обеспечить развитие статистики инновационного развития предприятий. Аналогичный вывод делается и в «Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года» [9]. Основные направления обеспечения развития системы статистических показателей в сфере науки и инноваций:

- проведение анализа состояния, уровня реализации приоритетных направлений развития науки, технологий и техники;

- проведения анализа состояния, уровня развития и использования материально-технической и опытно-экспериментальной базы науки, включая оценку наличия и технического уровня дорогостоящих машин и оборудования, возрастной структуры технических средств, состояния и использования опытно-экспериментальных производств, развития форм коллективного пользования научным оборудованием, наличия и использования земельных участков, уникальных научных установок, зданий, сооружений;

- создание системы оценки и организация мониторинга результативности деятельности промышленных предприятий, включая гармонизированную систему статистических показателей, сопоставимых с принятыми в мировой практике, инструментарий статистического наблюдения и рекомендации по внедрению процедур оценки в практику деятельности предприятий и органов государственного управления;

- разработка методологии и организация мониторинга процессов создания и использования критических технологий, включая формирование классификаторов критических технологий и видов продукции (услуг), производимых с их использованием, системы показателей и инструментария обследования;

– формирование системы статистического наблюдения за развитием внутреннего рынка технологий (вовлечением результатов исследований и разработок в экономический оборот, развитием лицензионного обмена и др.);

– актуализация программы статистического обследования инноваций в координации с деятельностью ведущих международных организаций, очередными раундами Европейских обследований инновационной деятельности, что позволит, расширить существующие рамки количественного и качественного измерения инновационных процессов по целому ряду направлений, связанных с охватом более широкого круга инноваций (в том числе маркетинговых и организационных), структуризацией результатов инновационной деятельности предприятий по типам инноваций, исследованием кооперационных связей и т.д.;

– разработка методологии и организация мониторинга инновационной инфраструктуры, включая оценку ее ресурсной базы и эффективности деятельности, связанной с коммерциализацией результатов научно-технических разработок, оказанием иных услуг интеллектуального характера, на основе сочетания статистической отчетности и единовременных обследований (в том числе выборочных);

– разработка методологических подходов к статистическому измерению венчурного капитала с учетом различных форм венчурного финансирования, оценке объема и структуры активов венчурных фондов, направлений использования средств, в том числе в целях поддержки инновационных проектов и фирм на ранних стадиях;

– организация мониторинга малого инновационного бизнеса (на основе создания системы сбора, обработки и представления статистической информации, адекватно отражающей основные тенденции развития инновационной деятельности малых предприятий), в рамках которого следует предусмотреть формирование панелей наиболее активных в инновационном плане малых предприятий с устойчивыми партнерскими связями в данной сфере, используя как статистический, так и социологический инструментарий для углубленного анализа результатов их инновационной деятельности;

– статистический анализ инновационных кластеров, включая как анализ развития существующих кластеров (в частности, особых экономических зон и наукоградов), так и выявление территорий, обладающих существенным научно-техническим и инновационным потенциалом с точки зрения возможностей выхода на мировые рынки наукоемкой продукции;

– разработка методологии и организация статистического наблюдения за производством и реализацией высокотехнологичной продукции (включая экспорт). При этом особое внимание должно быть уделено методам оценки наукоемкости видов экономической деятельности, продукции (услуг) и их группировки по соответствующим категориям (высоко-, средне-, низкотехнологичные).

Литература

1. Кравченко С. И., Кладченко И. С. Исследование сущности инновационного потенциала // Научные труды Донецкого технического университета. Серия: Экономика. Донецк: ДонНГУ. 2003. С. 88—96.
2. Жиц Г. И. Инновационный потенциал и экономический рост. Саратов: Саратовский государственный технический университет. 2000. 164 с.
3. Митрофанова И. В., Бендь А. С. Инновационный потенциал региона: проблемы формирования и использования // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Управление инновациями». Москва: Изд-во «Доброе слово». 2006. С. 186—189.
4. Ларченко Л. В. Государственное регулирование развития ресурсодобывающих регионов российского Севера: дис... доктора эконом.наук: 08.00.05. Санкт-Петербург. 2005. 326 с.
5. Москвина О. С. Инновационный потенциал как фактор устойчивого развития региона [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsca.ac.ru/newsite/jon/30/agt_30_02_plip (дата обращения: 13.01.2010).
6. Быкова А. А., Молодчик М. А. Проблемы позиционирования региона в новой экономике // Инновации. 2007. № 1. С. 66—79.
7. Инновационный путь развития для новой России / Отв. ред. В. П. Горегляд; Центр социально-экономических проблем федерализма Института экономики РАН. М.: Наука, 2005. 343 с.
8. Лев Б. Нематериальные активы: управление, измерение, отчетность / Пер. с англ. Л.И. Лопатникова. М.: Квинто-Консалтинг. 2003. 240 с.
9. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smi-svoi.ru/content/print.asp?sn=1181> (дата обращения: 28.04.2009).

*Рецензент — Залывский Николай Павлович,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист России*

УДК [332.12+338.2+316.647.5](985)(045)

ГУМАНИЗАЦИЯ «РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ» («REGIONAL SCIENCE»): СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ

HUMANISATION OF THE *REGIONAL SCIENCE*: SOCIAL HEALTH OF THE EUROPEAN NORTH



© **Шрага** Моисей Хаимович, доктор медицинских наук, профессор кафедры социальной работы САФУ. Автор более 225 научных публикаций, в том числе 10 монографий, 10 учебных пособий (из них 4 с грифом). E-mail: medstat@atknet.ru

© **Shraga** Moisey Haimovich. PhD in Medical Sciences, professor of the social work faculty of NArFU named after M.V. Lomonosov. Author of over 225 scientific publications, including 10 monographs and 10 textbooks (4 of them with the stamp). E-mail: medstat@atknet.ru



© **Кудря** Людмила Ивановна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры муниципального и государственного управления САФУ. Социальная медицина, социальная экология, социальная безопасность; более 140 публикаций, в т.ч. 5 монографий. E-mail: medstat@atrnet.ru

© **Kudrja** Lyudmila Ivanovna. PhD in Medical Sciences, the senior lecturer of the faculty of the municipal and the government of Institute of economy and management NArFU. Social medicine, social ecology, social safety; more than 140, including 5 monographies. E-mail: medstat@atrnet.ru

Аннотация. Статья является проекцией социально-экологической методологии на изучение социального здоровья городских сообществ на Русском Севере. Регионология Севера понимается авторами как наука изучения городских сообществ Арктики. Ноосферогенез является тем научным подходом, который может положительно решить вопросы освоения Севера.

Ключевые слова: городские сообщества (хабитаты), гуманистическая концепция, регионология, социальная экология, социальное здоровье, экосоциализм

Abstract. Given clause (article) is a projection of the social - ecological methodology to studying of the social health of the city communities in the Russian North. Regional science the North by the author is understood as a science of the studying of the city communities of the Arctic regions. Noospheres are that scientific approach which can positively solve questions of the development of the North.

Keywords: city communities, the humanistic concept, regionology, social ecology, social health, eco-socialism.

За последние 20 лет в результате распада единой страны и последовавших за этим экономических реформ Россия (СССР), по оценкам экспертов, потеряла около 28,3 млн чел. (суммарные демографические потери) [1]. Это превышает потери населения СССР в Великой Отечественной войне (26,6 млн человек) [2, с. 3]. Конечно, все демографические оценки вызывают сомнения, ибо на них лежит печать политических предпочтений и различных идео-

логий. К примеру, и данные генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева подвергаются критике. В настоящей статье нас не интересуют абсолютные значения потерь и мы не намерены устраивать на этот счет дискуссию. Нас интересует причина российской демографической катастрофы.

Неординарный исследователь профессор И. А. Гундаров не разделяет взглядов вульгарного экономического детерминизма и, отмечая традицию современных демографов в России производить прогнозы народонаселения исходя из зависимости здоровья и продолжительности жизни «от экономического благосостояния», находит другую парадигму — «закон духовной детерминации здоровья» [3, с. 123—124]. Он ссылается на исторический факт, когда в СССР в 1943 г. имело место внезапное снижение заболеваемости и смертности населения среди советского народа, сохранившееся до конца войны. Иная тенденция, по мнению ученого, наблюдалась в других воюющих странах, где смертность, в отличие от СССР, повсеместно увеличилась: «...в Нидерландах она выросла на 28 %, во Франции на 15 %, в Бельгии на 14 %, в Англии на 6 %, в Норвегии и Германии на 3 %». И это притом, что в СССР в 1943 г. по сравнению с 1940 г. производство продуктов питания *значительно сократилось*, а товарооборот уменьшился на 68 %. Гундаров считает, что такой «оздоровительной силой стала энергия надежды, рожденная Сталинградской битвой, воля к достижению справедливой победы над страшным врагом, стремление служить Отечеству ради его спасения». С другой стороны, после 1964 г. в СССР наметилась тенденция ухудшения здоровья и роста смертности на «фоне непрерывного улучшения уровня жизни населения». И. А. Гундаров утверждает, что «алкоголизация, табакокурение и экологическое неблагополучие не являются существенными факторами резкого роста смертности» [4]. Решающим фактором, на основании анализа статистики и других данных за последние 100 лет, Гундаров называет *духовное неблагополучие* (ощущение безысходности, ненужности, потерю смысла жизни). За точку отсчета *сегодняшнего* демографического кризиса в России» он взял *благополучные* 60-е годы прошлого века. И. А. Гундаров, как и американский ученый Николас Эберстаedt, последовательно отвергает традиционные факторы риска, а причину сверхсмертности ученый предлагает искать «в нарастании духовного неблагополучия» [5]. Он свидетельствует, что в СССР за 1965—1980 гг. уровни убийств выросли на 80 %, самоубийств на 60 %, разводов на 130 %.

В определенной степени И. А. Гундаров в своих суждениях близок к точке зрения современного русского националиста, неоевразийца С. Кара-Мурзы, который в своей новой книге «Демонтаж народа» пишет: «Граждане, не приемлющие утраты государственной, эко-

номической и культурной независимости России, составляют подавляющее большинство населения. Но оно расколото и не организовано, наш народ был «демонтирован», рассыпан за годы реформы. Однако сообщество граждан, имеющее черты *российского державного народа*, может быть возрождено за короткий срок» [6]. И. А. Гундаров под духовностью в светском понимании подразумевает деятельность сознания, направленную *на поиск смысла жизни и своего места в ней*» [7].

В настоящее время на Западе модна *гипотеза* James Fowler и Nicholas Christakis. Ее суть в том, что *социальные сети* можно использовать для обнаружения распространения любых эпидемий: от новаторских идей до социально опасного поведения или вирусов [8]. Принципиально в теоретическом плане она не содержит ничего свежего, ибо для нас, социал-гигиенистов, нет ничего нового в том, что окружение не только *окружает*, но и *формирует* каждую личность, лепит ее по своему образу и подобию, хотим *мы того или нет*.

Мы непоколебимо уверены, что «наша свобода выбора — это иллюзия», что можно объяснить социальными связями. В этом контексте одним из важнейших современных международных документов, который необходимо учитывать при разработке стратегии социального развития страны и ее регионов, является Стратегия социальной сплоченности [9]. Пересмотренная Стратегия социальной *сплоченности* датируется 2004 г. и, как следует из ее названия, является новой версией первоначальной стратегии, принятой в 2000 г. Авторы концепции исходили из того, что идеи социальной сплоченности сегодня актуальны, и было выведено определение Совета Европы: «Социальная сплоченность — это способность общества обеспечивать благополучие всех своих членов, минимизируя диспропорции в развитии и избегая маргинализации людей». Нам более близка вторая трактовка понятия, когда «социальная сплоченность... создается сильными социальными связями и согласием членов общества со своими совместными обязанностями...» [9]. Идея социальной сплоченности рассматривается как «общий подход, соединяющий социальные факторы с факторами экономики, политики и культуры». Утверждается, что политике нужен такой широкий (но не расплывчатый) социальный подход, который может служить мировоззренческой концепцией или конечной точкой в отношении социальных задач [9].

В этой связи многозначительно о судьбе нашей страны могут свидетельствовать данные о компонентах социального здоровья, в том числе по депопуляции. Соответственно, и наше государство и общество должны поднимать, укреплять «социальную сплоченность» российского социума как стратегию социальной безопасности и повышения качества жизни. В формальном смысле это выход России на стандарты качества жизни, благосостояния раз-

витых стран, где минимальными целевыми ориентирами становятся два показателя. *Во-первых*, обобщающий показатель уровня жизни — ВВП на душу населения по паритету покупательной способности необходимо увеличить с 13,7 тыс. долларов США (2006 г.) до 30 тыс. долларов в 2020 г. и около 50 тыс. долларов в 2030 г. *Во-вторых*, средняя ожидаемая продолжительности жизни (расчетная ОПЖ) к 2020 г. должна возрасти до 75 лет. Любопытно, что в 2010 г. ОПЖ в России имеет тот же уровень отставания в 12—16 лет от США и «старых» стран Европейского Союза (ЕС), как это было в царской России в 1900 году [10]. Замечательно при этом, что в 1965 г. по РСФСР это отставание составляло всего 2—3 года. В период 1991—2010 гг. значение ОПЖ в России, Украине, Белоруссии и Казахстане уменьшались на 3—5 лет. Одновременно, в «новых» странах ЕС в период 1991—2010 гг. величина ОПЖ постоянно росла, достигнув 75 лет, и стала на 4,5 года больше, чем в Белоруссии, и на 6 лет больше, чем в России, Украине, Казахстане. Естественно, смертность в России имеет тенденцию к снижению. Но в сопоставлении с показателями других стран она кратно выше: в России в 2010 г. общий коэффициент смертности (ОКС) составил 1430 на 100 тысяч человек, в Италии — 511,6, в Израиле и Швеции — 533,4, в Норвегии — 549, в Бельгии — 635 и в США — 642 соответственно [11, 12].

Точка зрения о научной самостоятельности регионологии остается дискуссионной и до конца неразрешенной. Наряду с капитальным трудом «Социология региональных трансформаций» [13] очень полезной в познании истории северного сообщества России следует признать книгу Т. И. Трошиной «От Петра до Сталина» [14]. Основным достоинством этой монографии является ее доступность для междисциплинарного обсуждения. Содержание книги свидетельствует о нежелании автора следовать устоявшимся мифам. Закономерно, что этот интересный труд выделяется спорными положениями и выводами.

Проблема «великого передела», безусловно, определяет всплеск нового интереса социологов, социальных философов и регионоведов [15]. Предмет стал арктической, геополитической темой. Очевидно, прав профессор Ю. Ф. Лукин, когда полагает, что проблема научного исследования северных сообществ по-прежнему упирается в понятийный аппарат и позиционирует регионологию как «междисциплинарную меганауку» о регионах [16, 17]. Ученый считает, что регионологический подход необходим, с одной стороны, для получения целостного знания, а с другой, для полноценного моделирования практической деятельности. Так, он отводит регионологии «ключевую роль в разработке арктической социогуманитарной парадигмы знаний» на основе междисциплинарного синтеза всех сфер жизнедеятельности. Единым объектом исследования северной регионологии у него выступает Рос-

сийская Арктика. Неясно, однако, одно, как так называемый регионологический подход методически позволяет «получить целостную систему знаний, полноценную модель для практической деятельности». В другой же работе Ю. Ф. Лукин, стоя на платформе философского осмысления социальных фобий, представляет Арктику «неизведанной землей, мало известной и понятной в полной мере современному человеку» [18]. Чем и как в этом случае поможет регионология? Действительно, основным медико-экологическим стрессором на Севере как по длительности, так и по интенсивности выступает холод. И в этой связи криофобию северян автор закономерно причислил не просто к фобиям, а к социальным проблемам.

В тоже время общеизвестно, что более всего распространены криофобия и медицинские последствия от низких температур жилых помещений среди бедного населения Англии и Израиля, явно не северных стран. Фобии не являются чем-то сугубо региональным — северным феноменом. Так, Э. Гидденс отводил рискам, созданным людьми, значительную роль в конструировании современного мира [19]. Ульрих Бек риск определяет, может быть, как результат систематического взаимодействия общества с угрозами и опасностями [20]. Это мнение принципиально разделяет и отечественный социолог-эколог О. Яницкий, у которого вся современная Россия является обществом всеобщего риска [21].

Научное гигиеническое знание о взаимодействии природных стрессоров, безусловно, свидетельствует только об одном: в техносфере (современных хабитатах) природные факторы, по большей части, не взаимодействуют с человеком непосредственно и изолированно, вне стили их образа жизни, стереотипного порядка жизнедеятельности. Они в совокупности с техногенными и социальными факторами риска стохастически регулируют в человеческих популяциях частоту дисбаланса иммунных механизмов и формирование различных вариаций приобретенных (вторичных) иммунодефицитов [22]. Вторичные иммунодефициты лежат в основе многих болезней человека, как инфекционных, так и неинфекционных, в том числе и онкологических.

На протяжении многих десятилетий нами было установлено тяготение высоких частот (вероятности) первичной заболеваемости детей Архангельской области к Новодвинску, Коряжме, Архангельску и Северодвинску. В большинстве случаев эта закономерность находит подтверждение и в официальных многолетних данных [23]. Это обстоятельство имеет место в отношении большинства классов болезней. Справедливо такое утверждение и в отношении класса патологии беременности, родов и послеродового периода, ибо по данным официальной статистики к территориям риска (за 2003—2007 гг.) были отнесены г. Коряжма — 36,1 на 1000 и г. Новодвинск — 44,0 на 1000.

В статистических исследованиях других авторов и с использованием иной методики было подтверждено, что наиболее низкое здоровье детей опять-таки было обнаружено в монопромышленных городах (Новодвинск, Коржма), в среде обитания которых заключается больше факторов риска (ФР), стрессоров различной природы [24]. Нельзя не учитывать, что «холодовой» причинный фактор выступает здесь достаточной причиной заболеваемости (причина, неизбежно приводящая к заболеваемости населения), которая имеет устранимые компоненты. Социальными мерами следует регулировать сезонные и суточные перепады температур, низкие температуры воздуха ($< 20\text{—}25\text{ }^{\circ}\text{C}$), вертикальные и горизонтальные перепады температур ($> 2\text{ }^{\circ}\text{C}$), холодные полы и стены жилых зданий в детских образовательных учреждениях. В тоже время, действие природных факторов с интенсивностью, превышающей пределы «зоны оптимума», должно рассматриваться как загрязнение окружающей человека среды [25, 26, 27].

Д. С. Павлов и Г. А. Софронов, исследовавшие отдаленные медицинские последствия химического загрязнения территорий (оранжевым агентом) во Вьетнаме, доказали неспецифический и нелинейный характер такого взаимодействия [28]. Ученые сделали вывод, что конечное заключение об опасности тех или иных экологических, токсикологических нагрузок целесообразно формировать с учетом популяционных и индивидуальных изменений в экологических системах. В контексте концепции региональной социальной безопасности важно то, что авторы используют понятие «экотоксикологический фактор», который может быть приравнен к многокомпонентной достаточной причине заболеваемости. В этом проявляется общий смысл социально-экологической методологии и необходимости не линейного, а системного мышления при анализе интегральных индикаторов качества социальной жизни. Это требует «междисциплинарного подхода» в социологии — интегративной социологии.

Северные русские этнические группы исторически были сформированы, по мнению Т. И. Трошиной, потоками южных русских (славянских) колонистов. Русское население Севера России складывалось в весьма специфических условиях, где влияние природно-климатических факторов было особенно заметно. Главной особенностью жизнедеятельности русских на огромных просторах Севера автор считает их изолированность, в том числе и экономическую. Мы сомневаемся в правомочности проведенного ею очень уж широкого обобщения природного фактора при анализе его роли в социальной жизни русского населения Европейского Севера. Специфично, что различия в структуре смертности населения автором объективно объясняются социальными, а не природно-климатическими факторами. И эти положения

вполне закономерно находят дополнительное подтверждение распределением икоты среди женщин Европейского Севера. Явление, которое как утверждает автор, значительно реже встречалось в земледельческих и промысловых районах, чем в полужемледельческих, где на долю женского населения, по мнению автора, доставался тяжелый быт и изнурительный труд. В этой связи трудно согласиться с выводом самой Трошиной, что «в целом русское население Севера было достаточно здоровым в физическом и психическом отношении и имело весьма высокий процент пожилых людей» [14]. Т. И. Трошина отмечала, что в Архангельской губернии средняя продолжительности жизни была очень низкой из-за высокой младенческой и детской смертности». Преобладание женской смертности в возрасте 20—35 лет историк-краевед объясняет частыми беременностями и родами. Повышение уровня мужской смертности в возрасте 30—40 лет она связывает с травмами на промыслах и производстве, а также от запоев, в среде традиционно промыслового населения, переориентированного на фабрично-заводской труд.

Еще в начале прошлого века Д. И. Менделеев писал, что «русские люди начали в большом количестве стремиться в города» [29]. Сегодня в Российской Арктике население проживает преимущественно в урбанизированных поселениях и индустриальных центрах (Архангельск, Мурманск, Норильск Северодвинск и др.). Суть регионологии в этой связи, возможно, следует искать в другом утверждении профессора Ю. Ф. Лукина, что это междисциплинарная наука о региональных социумах [30]. Исходя из этого посыла, в реалиях современного Европейского (Русского) Севера в качестве объекта науки регионологии следует рассматривать городские сообщества, северные хабитаты.

Л. Н. Гумилёв видел проблему этногенеза на стыке наук: истории, ландшафтоведения, биологической экологии и генетики. Он не разделял точку зрения на единого предка этноса и считал, что системный подход позволяет рассматривать этнос как систему: «Этнос — не просто скопище людей..., а система различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающая географическую среду, этническое окружение, а также определенные тенденции, господствующие в развитии системы» [31].

Концепцию этнодемографического равновесия народов Севера с кормящим ландшафтом создали К. П. Иванов и С. А. Хрущёв. Этнос, по их мнению, есть оригинальная форма адаптации различных человеческих сообществ, проявляющаяся как «стереотип поведения, к биоценозу своего «кормящего» ландшафта» [32]. Экосфера в том случае воспринимается как этноценоз, где системообразующим императивом выступает трофическая связь сообщества. Обратим внимание на тот факт, что жители современных северных городов не связаны тро-

фически с техногенным ландшафтом (хабитами) Севера и Арктики и, очевидно, что в этой связи выражение «северный человек (nordmen)» не более чем метафора! Парадоксально, но население Мурманской области в более полной мере обеспечено молочными продуктами, чем жители Архангельской области, где очень низкое подушевое потребление молока может рассматриваться как медико-экологический фактор риска, один из возможных компонент достаточной причины болезней.

Но более вероятно, применительно к нашей теме то, что регионология — это «северология», то есть «экстранаучная мотивация» [33]. Сегодня такая тенденция господствует в российском образовании: «науки-агрегаты» (общая предметная область и методологический арсенал) уступают место «наукам-конгломератам». Сближение обуславливается модой или «социальным заказом». Более того, в центре вопроса северологии Русской Арктики четко определены геополитика и предстоящее освоение углеводородных ресурсов арктических шельфов. Такая парадигма явно ведет в тупик социальное развитие Севера и Арктики. В конце концов, можно согласиться с метафорой профессора Е. В. Кудряшовой [34] и считать Арктику большим общим домом для России и других государств. Но в этом случае термин «дом» позволяет нам свободно перейти к экологической методологии, считая социальную экологию действительной методологией «регионологии».

В. Я. Ельмеев, В. Г. Овсянников разделяют мнение социолога В. А. Ядова, что философские принципы непосредственно включаются как в макро-, так и в микросоциологический анализ социальной действительности [35, с.34-37]. Это может свидетельствовать о том, что методология регионологии должна сохранять подчиненность исходным методологическим основаниям общей социологии. Такой взгляд оппонирует абсолютизации роли частных методов и процедурных инструментов. Фундаментальная методология подменяется совокупностью обычных методических приемов и процедур или выяснению сути терминов и понятий или техники исследования. И в этом случае она превращается в совокупность процедур и приемов, в технику исследования. Речь должна идти об исследовании региональных социумов (общества) как системы и ее целостности в пространственно-временном измерении.

Отмечая, что «экосоциологи» объединяются по всему миру», О. Н. Яницкий одновременно сетует на необходимость в нашей стране «прятать» экосоциальную проблематику в недра другой дисциплины. Чем больше проблемы экологизации образования, производства и культуры страны будет откладываться, тем дороже это обойдется обществу [36, с.21-23]. Следует согласиться с автором о необходимости введения социальной экологии в перечень

основных научных дисциплин (список ВАК), разработки модельных курсов для региональных кузовых университетов, поддержки всех видов общественных образовательных инициатив на местах. О. В. Аксенова идет дальше и считает, что «экосоциализм (неомарксизм)» предполагает антропоцентризм, то есть человек, его благополучие и развитие являются основной целью преобразования среды [37]. Свойственно, но ничем не оправдано то, что в САФУ нет ни соответствующей кафедры, ни даже лаборатории.

В заключение отметим, что последние два десятилетия в РФ наблюдается ухудшение состояния здоровья населения, которое выражается в полуторократном увеличении заболеваемости [38]. Уровень заболеваемости неуклонно растет, несмотря на снижение уровня смертности. Уровень общей заболеваемости российского населения существенно увеличился с 1995 г., но не одинаково у разных возрастных групп: на 70,1 % среди детей, на 51,8 % среди взрослого населения и в 2 раза среди подростков. На фоне чрезвычайно высокого уровня смертности и короткой продолжительности жизни граждан нашей страны этот факт может свидетельствовать о неэффективности социальных вмешательств в социальное здоровье. При этом самым чувствительным показателем, отражающим экологическое и социальное благополучие, является здоровье детей. У детей, длительно проживающих в местностях с экологической напряженностью, достоверно чаще регистрируются три и более хронических заболевания на одного больного. Факторы более высокого суицидального риска в Республике Коми по сравнению со среднероссийским установил В. М. Теребихин [39]. В качестве предиктора суицидального поведения он указывает на более высокий уровень алкоголизации. Степень алкоголизации населения, в первую очередь учащейся молодежи, по видимому, отражает сложные отношения механизмов социокультурного воспроизводства массовой девиантности [40]. Но эта социокультурная особенность остается мало осознанной регионологами, вследствие, возможно их методологической ограниченности.

Литература

1. Гетманов В. Н. Российская демография XIX—XXI вв. как зеркало политики. Выступление на годовом собрании ИО Петровской Академии наук и искусств, г.Новосибирск, 25.11.2007. URL: http://www.otchizna.info/Arhiv2008/Otchizna17/Rossiiskaya_demografiya_19_20_vekov.htm (дата обращения: 27.06.2013).
2. Россия и СССР в войнах XX в. Книга потерь. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под общей редакцией кандидата военных наук, профессора АВН генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева. МОСКВА: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. С. 3.
3. Гундаров И. А. Закон духовной детерминации здоровья. URL: <http://udocs.exdat.com/docs/index-356121.html?page=10> (дата обращения: 18.11.2012).

4. Гундаров И. А. Русский геноцид: «Фактор Икс». URL: <http://doskado.ucoz.ru/blog/2012-07-18-4646> (дата обращения: 07.04.2013).
5. Эберстадт Н. Россия: страна, заражающая людей вирусом несчастья. URL: <http://gusal.livejournal.com/14255.html> (дата обращения: 04.05.2010).
6. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа URL: <http://knigosite.org/library/books/587> (дата обращения: 03.05.2013).
7. Гундаров И. А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М., 2001.
8. Кристакис Н., Фаулер Дж. Связанные одной сетью. Как на нас влияют люди, которых мы никогда не видели. М.: Юнайтед Пресс, 2011. 362 с.
9. Доклад специальной рабочей группы высокого уровня по вопросам социальной сплоченности в XXI в. Страсбург, 26.10.2007. URL: <http://bus.znate.ru/docs/index-21857.html> (дата обращения: 12.07.2013).
10. Улумбекова Г. Э., Нигматулин Б. И. Демография и показатели здоровья населения. Факторы, влияющие на здоровье населения. Состояние и деятельность системы здравоохранения в РФ. Общие положения Стратегии развития здравоохранения России до 2020 г. Москва. Август 2011 г.
11. Росстат. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/> (дата обращения: 05.11.2012).
12. Россия глазами статистики. URL: <http://9e-maya.ru/forum/index.php?topic=70.0>; (дата обращения: 03.07.2013).
13. Дрегало А. А., Ульяновский В. И. Социология региональных трансформаций: в 2-х т. Монография. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010.
14. Трошина Т. И. От Петра I до Сталина: Социальная история Русского Севера (XVIII — первая четверть XX в.): в 2 ч. : монография. Ч. 1. Архангельск : Поморский университет, 2009. 289 с.
15. Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010.
16. Северное регионоведение в современной регионологии: монография / Отв. ред. Ю. Ф. Лукин. Архангельск: Высшая школа делового администрирования ИУППК ПГУ имени М. В. Ломоносова, 2005. 449 с.
17. Лукин Ю. Ф. Концептуальные подходы к определению внутренних границ и развитию Российской Арктики в изменяющемся мире // Арктика и Север. 2012. № 6. URL: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php (дата обращения: 12.07.2013).
18. Лукин Ю. Ф. Арктические социальные фобии // Арктика и Север. 2012. № 5. URL: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php (дата обращения: 12.07.2013).
19. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: PolityPress, 1990. P. 334.
20. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. № 5. С. 124.
21. Яницкий О. Социология и рискология // Россия: риски и опасности «переходного» общества. М.: Инс-т социологии РАН, 1998. С. 246.
22. Свистушкин В. М. Воспалительные заболевания верхних дыхательных путей: чем и как лечить? URL: http://www.pro-medicina.ru/?m=0&page=journal&id_ar (дата обращения: 20.11.2012).

23. О санитарно-эпидемиологической обстановке в Архангельской области в 2007 г. Региональный доклад. Архангельск, 2008.
24. Бузинов Р. В., Зайцева Т. Н., Лазарева Н. К., Гудков А. Б. Социально-гигиенический мониторинг в Архангельской области: достижения и перспективы: Монография / Под общ. ред. А. Б. Гудкова. Архангельск: СГМУ, 2005. 232 с.
25. Сидоренко Г. И., Меркурьева Н. П. // Гиг. и сан. 1983. № 6. С. 4—6.
26. Сидоренко Г. Н., Можаяев Е. А. Санитарное состояние окружающей среды и здоровье населения. М.: Медицина, 1987. 128 с.
27. Сидоренко Г. И., Захарченко М. П., Морозов В. Г. и др. // Гиг. и сан., 1989. № 3. С. 7—11. URL: www.isras.ru/.../Aksenova_Social..._refleksiya.pdf (дата обращения: 04.03.12).
28. Павлов Д. С., Софронов Г. А. Концепция индивидуального риска в экологической токсикологии // Медицинский академический журнал. Т. 3, 2002. № 2. С. 98—109.
29. Менделеев Д. К познанию России. М.: 1906. С. 61—62.
30. Лукин Ю. Ф. Глобальный социум самоуправляемых общин: Монография. Архангельск, 2006. 496 с.
31. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд., стереотипное. Л.: Гидрометтеиздат, 1990. С. 35.
32. Иванов К. П., Хрущёв С. А. Значение теории Л. Н. Гумилёва для изучения малочисленных народов Севера России. URL: <http://www.gumilevica.kulichki.ru/GW/gw228.htm> (дата обращения: 12.05.2010).
33. Черешнев В. А., Расторгуев В. Н. Фундаментальное знание: общие задачи науки и высшей школы, специфика северных регионов России // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. Научно-информационный бюллетень. Вып. 10. Октябрь 2009 г. С. 9—18.
34. Кудряшова Е. В.: Арктика — это большой общий дом для России и других государств // Арктика и Север. 2012. № 6. URL: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php.
35. Ельмеев В. Я., Овсянников В. Г. Прикладная социология. Очерки методологии, 1999.
36. Яницкий О. Н. Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. М.: ИС РАН, 2009.
37. Аксенова О. В. Социально-экологическая рефлексия на Западе. URL: www.isras.ru/.../Aksenova_Social..._refleksiya.pdf (дата обращения: 23.03.2012).
38. Загородникова О. А., Елисеев В. А. Высокая заболеваемость у детей как индикатор экологического неблагополучия региона Сибири // Мать и дитя в Кузбассе. № 1 (44) 2011. URL: http://www.medpressa.kuzdrav.ru/files/MiD/MiD2011_1.pdf (дата обращения: 24.02.2012).
39. Терехин В. М. Флуктуация суицидного поведения населения республики Коми // М.: Социс, 2010. № 10. С. 48—55.
40. Шрага М. Х. и др. Алкоголизация студентов г. Архангельска в начале XXI века // Арктика и Север. 2011. № 4. URL: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php.

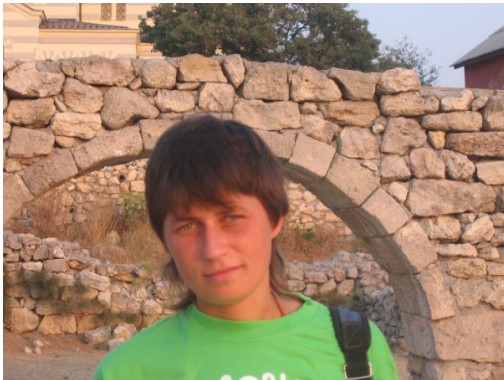
*Рецензент — Дрегалю Александр Алексеевич,
доктор философских наук, профессор*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).041

«ЗЛОХИТРЕВА ЖЕНА» «ОКАЯННАЯ МАРФА»: МИФЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О РОЛИ МАРФЫ БОРЕЦКОЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ МОСКВЫ И НОВГОРОДА И ОСНОВАНИИ СЕВЕРНЫХ МОНАСТЫРЕЙ

'EVIL-CUNNING WIFE', 'DAMNED MARFA': MYTHS AND HISTORICAL SOURCES ABOUT THE ROLE OF MARFA BORETSKAYA IN THE POLITICAL STRUGGLE OF MOSCOW AND NOVGOROD AND IN THE OUTDATING OF THE NORTHERN MONASTERIES



© **Амбросе** Татьяна Витальевна, учитель истории МБОУ «Соловецкая средняя общеобразовательная школа». E-mail: tataynka-is@yandex.ru

© **Ambroche** Tatyana Vitalievna - the teacher of history of the Solovetsky secondary school. E-mail: tataynka-is@yandex.ru



© **Чуракова** Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук САФУ. E-mail: ochurakova@yandex.ru

© **Churakova** Olga Vladimirovna. Ph. D. (History), Associate Professor of the Native History Department of the Institute of Humanities, Social and Political Sciences of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. E-mail: ochurakova@yandex.ru

Аннотация. Обращение к источникам (летописным сводам, устным преданиям) позволяет не только установить степень достоверности исторических текстов, но и актуализировать события прошлого. Имя Марфы Борецкой хорошо известно историкам, но её роль в основании северных монастырей сильно преувеличена

Ключевые слова: Север, политическая борьба, монастырская колонизация, гендерные роли, личность в истории, альтернативы исторического развития

Abstract. Examination of the sources (annalistic codes, verbal folklore) not only allows us to determine the reliability of the historical texts, but also helps us to actualize the events of the past. Marfa Boretskaya's name is well-known by the historians, but as sources indicate, the role in the foundation of the northern monasteries is grossly exaggerated.

Keywords: The North, political struggle, monastic colonisation, gender roles, personality in history, alternatives of historical progress

При формировании информационного пространства Севера в начале XXI в. очень важна точность в передаче исторических фактов. Между тем в краеведческой и популярной исторической литературе, на страницах путеводителей и сайтах турагентств, в экскурсионной практике зачастую звучат легенды и мифы, давно развенчанные научными исследованиями.

Вне сомнения мифологемы в исторической памяти народа играют основополагающую роль; историческая память как вид коллективной (или социальной) памяти и представляет собой передаваемые из поколения в поколение исторические тексты — рефлексию на событиях прошлого, очень часто зафиксированную в виде мифов. Для понимания того, что в действительности происходило с легендарными фигурами прошлого в сакральные для развития государственности периоды, необходимо более критическое отношение к интерпретации таких уникальных источников, как актовый материал, летописные своды и устные предания.

Одним из «узловых моментов» прошлого, осмысление которого очень важно для граждан нынешнего российского общества, является период формирования Московского царства (вторая половина XV в.). Тогда впервые в российской государственной политике «рука Кремля» сурово покарала «непокорников» — северо-западные территории, пытавшиеся вести самостоятельную «европейскую» политику. Интересно, что вопреки сложившемуся стереотипу восприятия средневековой россиянки как «теремной затворницы» в борьбе с диктатом Москвы активное участие принимали женщины. Наиболее знаменитая из них «посадница» Марфа Борецкая, которая известна еще и тем, что с ее именем связывают устройство северных монастырей: Соловецкого, Николо-Корельского и др.

Так ли это на самом деле? Какую роль сыграла мятежная новгородская боярыня в истории монастырского учредительства, в политической борьбе за северные территории? Попробуем еще раз обратиться к историческим источникам и исследованиям.

В истории Севера XV в. ознаменован не только эпохой противостояния Москвы, уже объединившей к тому времени большинство северо-восточных русских княжеств, и «Господина Великого Новгорода». Это еще и период активного «монастырского» освоения окраин континента. Север не напрасно окрестили Русской Фиваидой — православные обители появились в этих местах еще во времена раздробленности русских земель. Изначально монашество приходило на Север двумя путями: из центра России (ростово-суздальских, затем московских земель) и Новгорода Великого. Но если в XII—XIII вв., «не будучи тогда обремененными земельными владениями, не втянутые в торговую и хозяйственную деятельность», северные монастыри «сосредоточились на миссионерской и богослужебной деятельности», [11, с. 51], то в XIV—XV вв. многие обители становятся вотчинниками, центрами экономики и торговли и оказываются втянутыми в политическую борьбу между возвысившейся Москвой и свободолюбивым Новгородом Великим. Тем не менее, как полагают исследователи, неверно было бы видеть в волнах монастырского учредительства аналоги политической борьбы за влияние на местное население. «В исторической литературе нередко можно встретить

утверждение о том, что московские митрополиты в этот период выполняли политические заказы своих князей, а новгородские архиепископы — своих бояр. А потому в устройении монастырей XIV—XV вв. усматриваются прежде всего политические мотивы, а также противоборство двух кафедр в деле распределения «сфер влияния» на Севере», - отмечает Александр Васильевич Камкин. Авторитетный ученый полагает, что «все было намного сложнее. У церкви, как известно, есть свои, отдельные задачи, не связанные напрямую с политическими пристрастиями той или иной эпохи. К тому же в условиях феодальной раздробленности она — в силу канонических и догматических принципов — оставалась в конечном счете единой организацией. Относительная автономия и самостоятельность Новгородской кафедры не отрывала ее от единого организма поместной церкви. А потому и создание монастырей в различных местах Севера, благословляемых разными церковными центрами, означало саморазвитие и дальнейшее утверждение здесь единой православной церкви» [11, с. 52—53]. Вероятно, в XV в. более значимой для монастырей была борьба за экономическое влияние: владение землей, промысловыми угодьями, рабочей силой. И потому наряду с миссионерской деятельностью обителям приходилось вести «дипломатическую», а иногда и вооруженную борьбу с теми, кто ранее владел той территорией, на которой основывались монастыри. Яркий пример такой битвы за выживание представляет собой история учредительства Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря в Белом море.

Вторая половина XV в. — важный этап в судьбе Соловецкого монастыря: в это время один из первых соловецких насельников игумен Зосима получил официальное признание статуса монастыря для основанной ранее на Соловецких островах обители. Давал грамоты монастырю новгородский архиепископ Иона. Но чаще всего обустройство обители связывают с именем вдовы новгородского посадника Марфы Борецкой, якобы уступившей монастырю собственные земли. Верно ли это? Что вообще доподлинно известно об этой женщине? Быть может, имя ее — сплошная историографическая выдумка?

Действительно, незаурядная личность Марфы Посадницы привлекала внимание многочисленных авторов: летописцев, писателей, историков, краеведов. [16, с. 154—174; 30, с. 25]. «Открыл» Марфу российской читающей публике «Колумб российский древностей» (так окрестил придворного историографа А. С. Пушкин) Н. М. Карамзин. Он трижды обращался к образу нижегородской героини: в произведениях «Марфа Посадница, или покорение Новагорода» (1802), «Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития св. Зосимы» (1803) и в монументальном труде «История государства Российского» (том увидел свет в 1818 г.). Н. М. Карамзин признавал, что «в сказках, в песнях и в преданиях осталось более следов ее,

нежели в летописях» [12, с. 229], но, будучи писателем-сентименталистом, он создал настолько яркий образ мятежной посадницы, что в последующей исторической литературе ее образ сделался символом, неразрывно связанным с судьбой обреченного Великого Новгорода. Скучность исторических данных о Марфе компенсировалась у авторов фантазиями, домыслами, и вместо биографии конкретного человека получилась красивая легенда.

Н. М. Карамзин сравнивал Марфу-посадницу с вождем республиканской партии в Древнем Риме Катонем и выражал надежду, что ее имя будет вписано в галерею знаменитых россиянок [13, с. 249]. В XIX в. имя Марфы попало на страницы исторических и литературных изданий. С. М. Соловьёв писал, что «Марфа имела сильную власть над детьми по обычаю и по личному характеру и посредством этой власти пользовалась могущественным влиянием на дела родного города» [30, с. 127]. По мнению историка, именно она на городском вече (куда вообще-то не пускали женщин!) настояла на согласии «отложиться» от Москвы: «Наемники Борецкой являлись на площади, вопили о притеснениях Москвы, о золотой воле под покровительством Казимира литовского, камнями заставляли молчать московских приверженцев...». Интересно, что «западник» Соловьёв осуждал Марфу и противопоставлял ее Ивану III, «окруженному всем величием правды» [31, с. 85—86]. Любопытное мнение высказал в это же время историк Д. И. Иловайский: «Ничто так не свидетельствует о внутреннем упадке Великого Новгорода, как полный недостаток мужей, которые бы выдвинулись в эту эпоху своими талантами и гражданскими доблестями... В самое критическое время его истории на переднем плане является женщина, которая своей энергией и усердием к делу новгородской самобытности затмевает всех современных ей новгородцев» [10, с. 389—390]. Не обошли вниманием образ Марфы и «толстые журналы» — рупоры общественной мысли «золотого века» русской культуры: рассказы, «исторические драмы в стихах» и очерки о ней печатались в «Русской старине», «Отечественных записках», «Журнале министерства народного просвещения», «Московском телеграфе», «Северной пчеле» и др. Особенно популярен был образ мятежной «непокорницы» в период противостояния патриархальной Москвы и столичного Петербурга. Новый виток известности получило имя Борецкой после создания скульптором Михаилом Микешиним монумента «Тысячелетие России». Изображенный на памятнике образ Марфы положил начало визуализации легендарной новгородской посадницы. По мнению советского историка и филолога Я. С. Лурье, «образ Марфы Посадницы стал едва ли не важнейшей политической фигурой Новгорода накануне его падения» [22, с. 628—629].

Советская историография не могла активно разрабатывать темы противостояния Москве окраин и монастырской колонизации, но подкрепила наши знания о Марфе Посаднице архивными источниками. Боярскому землевладению на Севере были посвящены книги и диссертации, в том числе были изучены документы по боярской вотчине Борецких и монастырскому землевладению в новгородских пятинах в домосковский период [32, 34]. Обращались к образу Марфы Посадницы исследователи женской истории, но более всего внимания портрету знаменитой россиянки уделила в своих работах Н. Л. Пушкарёва, ныне признанный лидер историков — исследователей «женской темы» [28, с. 490].

Проявили интерес к женщине-легенде и иностранные гендерологи. Именно они сделали попытку разобраться с тем, где же в легендах о Марфе истинные события, а где вымысел [1]. Но сделать это достаточно сложно. После падения Новгорода архивы многих новгородских бояр, в том числе и Борецких, были уничтожены, а потому неизвестно когда и где родилась Марфа, спорны многие факты ее судьбы. Существует, например, две точки зрения на то, из какого боярского рода происходила легендарная женщина. По мнению большинства исследователей-историков и авторов статей в энциклопедиях и справочниках, Марфа происходила из рода новгородских бояр Лошинских [27, с. 52]. Профессор В. С. Иконников в свое время аргументировал это тем, что в летописи сын Марфы Фёдор Борецкий назван «сестричем» Ивана Ивановича Лошинского [3, с. 214].

Согласно другой версии, предложенной в том же XIX в. архангельским краеведом М. Г. Заринским, Марфа была из рода бояр Виремских, владевших вотчиной, расположенной в 15 верстах от Сумского погоста в сторону города Кеми, где на морском берегу и реке Вирьме стояла деревня Вирьма. В Синодике Соловецкого монастыря «род новгородской Марфы Исаковой дочери и Виремских род» записан под общим заголовком. Если допустить, что Марфа происходила из этого рода, то ее отцом мог быть Михаил Виремский [21]. Принадлежность к боярам Виремским подтверждается вкладом Марфы части своих угодий по реке Суме в Соловецкий монастырь. Что касается именованья в Синодике Марфы дочерью, а не женой Исака Борецкого, то это можно объяснить старинным русским обычаем величать жен и вдов именами своих мужей [14, с. 31].

Спорным остается вопрос и о количестве сыновей у Марфы. Достоверно известно, что у Марфы и Исака Борецкого было двое сыновей: Дмитрий и Фёдор Дурень. Наличие же у Марфы сыновей от первого брака (да и вероятность самого брака) вызывает большие сомнения. Основаны домыслы о «старших» сыновьях Марфы на предании, бытовавшем в Беломорье. По легенде, сыновья Марфы Борецкой Антон и Феликс, отправившиеся в свои вот-

чины в Обонежье, при возвращении утонули во время бури. Их останки были выброшены на берег и погребены в Николо-Корельском монастыре. На поминание своих детей знаменитая новгородская боярыня сделала в обитель щедрый вклад. Сохранилась грамота Николо-Корельскому монастырю, данная на села, ловища и пожни на Кудьме, в Неноксе и на Лавле острове. В этой грамоте упоминается раба Божия Марфа, ее деверь Фёдор Григорьевич, зять Афромей Васильевич, игумен Новгородского Спасо-Хутынского монастыря Василий. Именно по настоятелю документ датируется началом XV в. Имеется также более ранняя купчая Филиппа Григорьевича на угодья, упомянутые в грамоте Марфы [23, с. 18]. На основании этих документов дореволюционные историки отождествляли вкладчицу Марфу с Марфой Посадницей и, соответственно, называли Филиппа Григорьевича первым, а Исака Борецкого вторым мужем Марфы. Однако арифметические подсчеты делают маловероятной данную версию. В 70-х гг. XV в. Марфа Посадница имела двух взрослых сыновей (Дмитрия и Фёдора) и внука Василия Фёдоровича Борецкого. Как могли быть, в таком случае, у нее в начале XV в. взрослые сыновья от другого брака? Следовательно, стоит согласиться с исследователями, доказавшими непричастность Марфы Борецкой к основанию Николо-Корельского монастыря [21, с. 31—32].

Столь же противоречивы сведения об участии Марфы Борецкой в политической активности. Первые сведения о её деятельности историки почерпнули из летописей. Интересно, что в новгородском летописном своде имя Марфы не упоминается. Короткую запись о Борецких можно найти в «Летописи Двинской»: «Новгородцы, посадничьи дети Исака Борецкого, с матерью своею Марфою, умыслиша Новым городом, отказались от великого князя Ивана Васильевича Московского» [33].

Сюжеты, связанные с участием Борецких в политической жизни Новгорода, появляются в летописных списках, уже переработанных в Москве, а потому оценка поступков Марфы и ее сторонников очень тенденциозна [20, с. 115]. Например, московские редакторы «Повести о походе Ивана Васильевича на Новгород» не жалели нелестных эпитетов в адрес Борецкой («окаянная Марфа», «злая змея», «злохитрева жена» и т. п.) [25, с. 376—396]. Поводом для обвинений в адрес вдовы посадника стала ее антимосковская политика, желание сблизиться с западными землями. В источнике идет вымышленное изложение переговоров Марфы Борецкой и «споспешника» ее Пимена (ключника новгородского владыки Ионы и претендента на сан архиепископа) с литовским князем Михаилом (двоюродный брат Ивана III князь Михаил Олелькович подозревался в связях с польско-литовским королем). Автор текста сравнивает «злохитриву жену» «Марфу Исакову Борецкого» с древней Иезаве-

лю, «бесовной Иродиадой», царицей Евдокией, заточившей Иоанна Златоуста, «окаянной» Далилой. Еще более красочно подан данный сюжет во фрагменте московского великокняжеского летописного свода, который может быть рассмотрен как самостоятельный памятник московской публицистики XV в., — «Словеса избранна от святых писаний о правде и смиренномудрии». В источнике Марфа обвиняется в сговоре с князем Михаилом Олельковичем. Ей приписывается желание «отвести» Новгород от великого князя московского, а для этого выйти замуж за литовского вельможу и с его помощью владеть от имени короля Польского и великого князя Литовского Казимира IV Ягайловича «всею Новгородскую землею». «Марфа хотячи поити замуж за литовского пана за королева, да мыслячи приваести его к себе в Великий Новград. Да с ним хотячи владети все Новгородскою землею». Эти домыслы московских летописцев развенчали русские и советские историки (Г. Вернадский, Ю. Г. Алексеев, Р. Г. Скрынников и др.). Георгий Вернадский, например, полагал, что «обвинение звучит абсурдно, поскольку Марфа была уже пожилой женщиной. В это время Марфе было, вероятно, лет 65, если не больше» [6, 2]. Действительно, муж Марфы Исаак Андреевич Борецкий стал важным новгородским официальным лицом уже в 1426 г. и умер до 1459 г.

Кроме того, московский летописец ставит в вину Марфе и ее окружению стремление «порухить греко-православную веру и обратить новгородцев в римский католицизм» [21, с. 27]. Отступникам от истинной веры «Словеса избранна от святых писаний о правде и смиренномудрии» противопоставляют князя Ивана Васильевича - «хранителя, и крепка поборника по православию». Повествование строится на антитезе: Иван III, «глава Русской земли», правдивый держатель земли, пресветлый светильник благочестию, крепкий поборник православия, благородный, благоверный, а против его (и, следовательно, против истинной веры!) выступают новгородские мужи, ослушавшиеся «своего государя», «возгордевшиеся лукавством мысли». Они забыли великую старину, когда их предки ни разу не отступали «от своих господ», имена «великих государей князей держали на себе честно и грозно». Но главная их вина в том, что они намеревались «отступить» к «Латинскому королю», «хотячи лиха всему православию». Иван III, согласно летописи, проявляет кроткое долготерпение, но все его попытки образумить новгородцев не увенчались успехом. Тогда великий князь двинул войска на Новгород и на Двину. Следовательно, документ был отредактирован для того, чтобы оправдать военный поход князя в 1471 г., осознающего, что гражданская война не делала чести её инициаторам, и те жесткие меры, которые последовали вслед за этим.

Чтобы понять, в чем обвинял московский князь новгородцев, следует вспомнить, что в 1456 г. отцом Ивана Васильевича, Василием II Тёмным, великим князем московским и вла-

димирским, и правительством Новгородской республики был подписан Яжелбицкий мирный договор («докончание»). Этот договор положил начало присоединению Новгорода к Москве. Сохранилось две копии договора, одна подписанная Москвой, другая — Новгородом, текст договора на этих копиях не одинаков. Однако, очевидно, что независимость Новгорода была серьезно подорвана (не случайно Иван Васильевич обращается к Новгороду: «моя отчина»; договор 1456 г. заключался от имени Василия II и его сына Ивана III, который был тогда шестнадцатилетним юношей), республика была сильно урезана в правах (например, новгородские печати, заверяющие документы, были заменены на московские). Москва, в свою очередь, обещала сделать некоторые территориальные уступки, но не торопилась с выполнением обязательств. Обе стороны постоянно нарушали условия договора и потому причины для начала вооруженного конфликта найти было легко. Нужен были лишь повод. И повод нашелся.

В ноябре 1470 г. в Новгороде скончался архиепископ Иона, миротворец, умело балансировавший между политикой Москвы и Литвы. Он достаточно долго удерживал новгородцев от «западничества». Но как только святитель Иона отошел в мир иной, в Новгород «на стол», испрошенный новгородцами у короля Казимира, приехал новый князь, Михаил Олелькович. А поскольку князь приехал в Новгород «из королевы руки», то это дало повод Москве обвинить Новгород в склонности к «латинству». Михаил Олелькович, в отличие от своего двоюродного дяди, короля Казимира, был не католик, а православный человек, но дело в том, что Михаил приехал из униатского Киева. После заключения Флорентийской унии 1439 г., признавшей первенство Рима в союзе христианских церквей, русская православная церковь раскололась: Киев унию признал, Москва категорически отказалась. Московские митрополиты удерживали русские земли от связей с униатами, например, диктовали новгородскому архиепископу, дабы тот Киевского митрополита Григория, «отступника, благословения не принимал... и писанием его и поучением не внимал». Церковным властям вторил великий князь Иван Васильевич в своих посланиях новгородскому владыке Ионе. Иона был вполне с этим солидарен, но он умер, и через две недели выборы нового архиепископа привели к очередному конфликту между сторонниками и противниками Москвы. На выборах на пост владыки победил протодьякон Феофил, решительный противник унии, желавший получить рукоположение в сан от московского митрополита. Но «умеренная партия» Феофила не имела силы в Новгороде, а проигравшего выборы Пимена поддерживали местные «олигархи» во главе с Марфой Борецкой, сторонники сближения с Литвой. Их «неполиткорректное» поведение и привело к очередному московско-новгородскому конфликту.

Вероятно, не без происков «партии» Марфы в марте 1471 г. «князь из королевы руки» Михаил Олелькович покинул Новгород (он был решительный противник униатов) и отправился в родной Киев. Новгородцам содержание князя со свитой «было истомно сильно: кормом... и великими дарами» оно удручало горожан. Не случайно, о Михаиле осталась нелестная память: «То не князь — грязь!» Справедливости ради стоит заметить, что Михаил Олелькович станет жертвой борьбы за «чистоту православия»: обвиненный в заговоре в пользу Москвы и за попытку свергнуть Казимира, он будет казнен в 1481 или 1482 г. А в 1471 г. его отъезд из Новгорода даст повод к новому импульсу московской политики вседержавности. Великий князь и митрополит снова обратились с посланиями к новгородцам через своего посла Ивана Федоровича Товаркова-Пушкина, потомка героя Невской битвы и предка великого поэта. Князь Иван Васильевич увещевал новгородцев: «Отчина есте моя...Мы владели вами и жалует вас и бороним от всем. А и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрети начнете. А за королем ни за которым, ни за великим князем Литовским не бывали есте, как и земля ваша стала» . Масла в огонь подлили церковные дела: в 1471 г. патриарх Дионисий I признает Григория митрополитом Литовским и Всея Руси и отправляет в Москву и Новгород своего посла с требованием принять Григория как законного митрополита. Этим воспользовалась партия «западной ориентации», в частности Борецкие. «Господа» на этот раз твердо решила ориентироваться на Казимира.

В «Словесах избранных» сообщается, что И. В. Замятня привез Ивану III договорную грамоту новгородцев с литовским князем Казимиром, найденную у Дмитрия Борецкого. Копия договора с Казимиром хранится в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. По договору роль новгородского князя «отбиралась» от великого князя Московского («показаша путь» — такими словами «спроваживали» князя из Новгорода) и передавалась великому князю Литовскому. При этом оговаривалось условие, чтобы новгородская «старина и пошлина» не нарушалась, а главное — содержались требования «веры греческой и православной не отнимать» и «римских церквей... не строить». Казимир обязывался в случае любой военной угрозы Новгороду «сесть на коня за Великий Новгород со всею своей радюю». Кроме того, не исключалось посредничество литовского князя в примирении Новгорода и Москвы [26, с. 165]. Договор заключался королем с послами «от нареченного на владычество Феофила, и от посадника степенного Василья Максимовича, и от всего Великого Новагорода мужей волных». Вся новгородская «старина» и пошлина, веками служившая основой договоров с великими князьями всея Руси, вся она теперь переадресовывается «честному королю» и великому князю Литовскому. Следовательно, Новгород выходил из состава Руси и становился про-

тивников Москвы. Историк Ю. Г. Алексеев полагает: «Позиция новгородского боярства, его разрыв с политической системой русской земли могли сыграть роль факела, брошенного в бочку с порохом. К тому времени союз Новгорода с Казимиром, а Казимира с Ахматом мог стать реальностью» [1]. Стоит довериться авторитетному мнению ученого, эта альтернатива развития русских северо-западных земель вполне была бы возможна.

Если доверять московским летописям, то в 1471 г. именно Марфа Борецкая с сыновьями выступила на вече против подчинения Новгорода Ивану III: «Тою отчаянною мыслью нача прельщати весь народ православия, Великий Новгород». «Партия» Борецких пересилила приверженцев великого князя московского: послы новгородского боярства отправились с дарами к литовскому (польскому) королю. Узнав об этом, Иван III 20 июня 1471 г. выступил с войском из Москвы [27, с. 54—55].

Летопись описывает, как перед походом великий князь молится; причем, это не просто молитва, ее содержание — явная конъюнктура, подчеркивающая важность исторического момента: «Веси, господи владыко..., яко не своим хотением, ниже своею волею на се державю, еже бы прольятися мнозей крови хрестьянстей на земли, но стою о божественнем ти, богоустановнем законе святых апостол и святых отец, даже и о истинном православии Руския земли, а о их, своею отчины, отступленьи к латыньству, что же они, людие наши, истинныя веры благочестия отступаютъ, а к латинюм ся отдавають». Таким образом, великий князь оказывается единственным хранителем истинной христианской веры, а обвинения Новгорода в приверженстве к латинству и в сговоре с Литовским княжеством должны были оправдать действия московского великого князя, который выступил против новгородцев, «яко на иноязычник и на отступник православия».

Поход начался. По мнению летописца, «лукавые» новгородцы понадеялись на свои непроходимые болота, но «на их пагубу» с мая по сентябрь не выпало ни капли дождя: земля, болота «от солнечного зноя пресхоша». Летом 1471 г. новгородцы выстроились на Шелони «в числе тридцати тысяч»; москвичей оказалось значительно меньше, но княжеские воеводы призывали: «Братие, нам мера послужити своему государю великому князю..., а рати их, братие, хотя бы триста тысяч было, а нам одинаково свой живот положить за своего государя за великого князя, а с ними битися за государеву правду». В результате битвы новгородцы не выдержали столкновения, «зело возмятошася от напрязанья луков стрел» москвичей, «вдаша своя плеща лукавого ополчения и побегоша вспять»; посрамленные, сбрасывая доспехи, они разбредались «как скот по лесу». Москвичи гнали их верст двадцать [15, с. 331—336].

Вне сомнения, автор летописного свода нарочно сгущает краски, но действительно 14 июля 1471 г. в битве на реке Шелони новгородское ополчение, возглавляемое сыном Марфы Дмитрием Исаковичем Борецким, было разбито московским войском под командованием князя Д. Д. Холмского и боярина Ф. Д. Хромого. Мятежные новгородцы были взяты в плен. Иван III не пожалел пленных новгородцев. Летописец сообщает: «Посадников привадоша к великому князю, он же разъярився за их измену и повеле казнить их: кнутъем бити и главы отсеци» [20, с. 116].

Более подробный рассказ о суде над пленниками содержится в Софийской второй летописи (свод 1518 г. отражает московское митрополичье летописание первой четверти XVI в.): «И прииде в Русу месяца июля 24 и ту повеле казнити главною казнью крамольников Новгородцев, их же живых изымаша: начало крамоле том замыслиша и за короля от всего сердца хотеша, тем же повеле главы отсеци Дмитрею Борецкому Исаковичу Марфину и Василию Губе Селезневу и Еремею Сухошоку, Купреану Арбузьеву и их товарищом; прочих же посадников Василия Казимира и его товарищов 50 лутших отобрав повеле вести к Москве к Коломне и в тюрьму всадити» [20, с. 116].

В том же году был заключен Коростынский договор: Новгород признал Великого князя Московского своим господином, а себя его отчиной и обязался порвать с Литвой. В договоре содержался очень важный пункт: выбранного на вече владыку «кроме московского митрополита нигде не ставить». Усиливалась также судебная власть великого князя в Новгороде. С «людей добрых новгородцев» был взят откуп, а «мелких людей» московский князь велел «отпущати к Новгороду». Для «замирения» с великим князем новый посадник Фома Андреевич поднес ему 1000 серебряных рублей [27, с. 55]. Казалось бы, рядовое для русского средневековья «докончавни», но главный знаток этой эпохи Юрий Алексеев настаивает, что «не похоже Коростынское докончание ни на Яжелбицкий мир, ни на другие, более ранние новгородско-княжеские договоры. На этот раз господа не отделались ни легким испугом, ни тяжелой (16 000 рублей, вдвое больше, чем в Яжелбицах) контрибуцией. Впервые в традиционную, из века в век повторяющуюся мелодию новгородско-княжеских докончаний решительно и властно вторгся новый мотив, подчиняющий себе всю мелодию. Коростынский договор подчеркнул не только полную ликвидацию внешнеполитической независимости боярской республики. Он подчеркнул судебно-административное подчинение Великого Новгорода власти государя всея Руси» [1].

После подписания мирного договора владыка Феофил восстановил традиционный порядок утверждения новгородских архиепископов московским «митрополитом всея Руси».

Ориентация оппозиционной части новгородского духовенства на Киев и Литву стала невозможной. В Москве на церемонии рукоположения Феофила присутствовали архиепископы ростовский, епископы суздальский, коломенский, сарский, пермский, рязанский, архимандриты и игумены крупнейших монастырей, весь «освященный собор славного града Москвы». По случаю такого торжественного акта восстановления Новгорода в составе русского государства новоявленный новгородский владыка выпросил у Великого князя амнистию для пленных земляков. Князь Иван Васильевич принял челобитье и «тех всех отпусти с честью». «Тех всех» было 30 человек. Вымоленные из неволи архиепископом, они вместе с ним отправились в Новгород. Казалась бы, инцидент был исчерпан.

Но уже через несколько лет сторонники независимости Новгорода от Москвы опять стали самой влиятельной силой на берегах Волхова. Возобновила свою деятельность и «партия» Марфы. В 1475 г. ее младший сын Фёдор Исакович Борецкий по прозвищу Дурень вместе со степенным посадником Василием Ананьиным, Иваном Лошинским, Богданом Есиповым, Григорием Тучиным, Матвеем и Яковом Селезнёвыми, Андреем Телятевым, Лукой и Семёном Афансьевыми и другими участвовал в наезде, разбое и грабеже дворов своих противников на Славковой и Микитиной улицах на Торговой стороне [26, с. 166]. Вероятно, к этому же времени относятся и события, описанные в одном из источников агиографического жанра — «Житие Варлаама Важского». Чаще всего этот фрагмент звучит «глухо», редакторы «Жития» сообщают, что боярин Василий Своеземцев, известный на Севере как месточтимый подвижник Важской земли Валаам, был вынужден бежать с семьей из Новгорода в свое имение на Ваге, спасаясь от интриг Марфы [7].

Сведения о Василии Своеземцеве были собраны в середине XIX в. уроженцем Шенкурска, знатоком агиографической литературы М. Г. Заринским, который много лет работал в Важском крае. С 1845 г. Заринский — редактор «Архангельских губернских ведомостей», где он и публикует материалы о жизни Своеземцевых. В его описании судьбы Варлаама Важского значится, что преподобный «был современник посадницы Марфы Борецкой, владелицы больших имений по Двине, от интриг которой удалился с семейством из Новгорода в свое имение, опасаясь, чтобы не подпасть такой же участи, какой подпал его товарищ Мирословский или Милославский, бесследно потерявшийся тогда; но впоследствии оказалось, что она держала его в подземном заключении» [9, с. 4]. Как видим, эти сведения подтверждают «неистовый» характер Марфы, обозначенный в московских летописях скорее символами, нежели фактическим материалом. По поводу притеснений Борецкими своих противников великому князю были поданы жалобы. В ноябре 1475 г. Иван III приехал для суда в Новго-

род. 26 ноября состоялся суд, на котором претензии к Борецким были признаны обоснованными. Виновных приговорили к различным наказаниям. Фёдор Борецкий по распоряжению московского князя Ивана III в оковах был сослан в Муром, где его постригли монахи, а 9 мая следующего (1476) года он умер [3, с. 223; 14 с. 55].

Подкрепили великодержавность Москвы и духовные власти: в 1476 г. Церковный собор в Москве постановил не принимать на Московскую митрополию лиц, присланных из Константинополя и из Рима. Этот и другие проявления диктата Москвы привел к новым всплескам недовольства в бывшем «вольном городе» и в 1477 г. состоялся новый поход княжеских войск на Новгород. В 1478 г. Новгород был «навек замирен» и окончательно утратил свои былые права и привилегии. В Московском летописном своде записаны условия Ивана III: «Государство наше таково: вечевому колоколу в Новгороде не быть; посаднику не быть; а государство все нам держать; волостями, селами нам владеть, как владеем в Низовой земле, чтоб было на чем нам быть в нашей отчине, а которые земли наши за вами, и вы их нам отдайте; вывода не бойтесь, в боярские вотчины не вступаемся, а суду быть по старине, как в земле суд стоит» [20, с. 116]. Тем не менее, «вывод» (в сталинские времена это называлось депортацией) все же состоялся и боярские вотчины отошли к московским властям.

Не осталась выборной и церковная власть Новгорода. В 1480 г. владыка Феофил уличенный в сношениях с королем Казимиром был схвачен и заточен в Чудов монастырь. Это дало повод для отмены права горожанам избирать себе владык, и все последующие архиепископы новгородские поставляются московскими митрополитами.

Что касается «выводов», «мятежная Марфа» лишилась своих владений и была репрессирована одной из первых. Вне сомнения, Марфа Борецкая была одной из самых влиятельных женщин Новгорода. Н. Л. Пушкарёва полагает, что именно «благодаря огромным богатствам Марфа Борецкая обрела значительный политический вес. По величине собственности Марфа к концу XV в. была третьей после новгородского владыки и монастырей» [27, с. 53]. По подсчетам Ю. Г. Алексеева, «около 1200 крестьянских хозяйств принадлежало Марфе Борецкой» [1]. Но были ли среди владений Марфы Борецкой Соловецкие острова? Верно ли то, что она в свое время передала эти земли обосновавшимся там монахам? Для ответа на этот вопрос необходимо проследить этапы владения этой землей за столетие.

До начала XV в. земли, составившие впоследствии территорию Карельского берега Поморья (и близлежащие к территории острова), принадлежали карельской родовой знати из пяти родов «детей карельских». В первой половине XV в. часть земель переходит к новго-

родским боярам. Так, новгородским посадником Дмитрием Васильевичем Глуховым были получены по купчей грамоте от представительницы одного из пяти родов «детей карельских» (в данном случае Куролчи) Ховры Тойвutowой огромные владения (250 км с востока на запад, 150 км с севера на юг по современным меркам). Необходимо отметить, что покупка обошлась очень недорого: «пол-четверта рубля», то есть за три рубля с половиною [23, с. 24], что наводит на мысль о недобровольности сделки. Дмитрий Глухов получил «отчину и дедину на море на Выгу, и в Шуе реке, и в Килбоострове, и по морскому берегу, и Поньгами река, по обе стороны, и по лешим озером ее отчина, и в лешей Лопи ее участок, и в Куттоозере ее отчина, и Кемь река с верховьем, куды володел ее отец Василий Кокуй, и в Соловках на море в островах ее отчина, и в Кузовах в островах» [18, с. 291]. Купчая датируется 1447—1458 гг. [17, с. 2].

Никаких актовых записей о переходе земель боярина Глухова к Марфе Борецкой, ее мужу или детям не сохранилось. Возможно, это связано с тем, что после подчинения Новгорода Москве многие боярские архивы были уничтожены, но, вроятнее всего, и не была Марфа владелицей этих земель. Актовые записи того периода свидетельствуют, что земли заволочских погостов в XV в. принадлежали разным владельцам и участки их нередко переходили по купчим, закладным и кабалам от одного лица к другому [9, с. 3].

Хронологически первым правовым документом, обосновавшим права Соловецкого монастыря на какие-либо земли, стала грамота игумену Ионе от новгородских посадников, по которой Соловецкий архипелаг полностью закрепляется за монахами. Грамота приведена в книге «Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря», составленной настоятелем Досифеем в 1836 г. Согласно документу, только монахи имели исключительное право владения «Соловки и Анзеры островом, и Муксалма островом и Заяцким островом и малыми островами». Грамота датируется не позднее 1470 г. Марфа или Борецкие в данном документе не упоминаются.

Следует отметить, что механизм передачи прав на землю осуществлялся достаточно просто, если земли оставались «внутри» новгородской общины. Это была рядовая нотариальная сделка по современным понятиям. Но все значительно усложнялось, если земли в результате сделки выходили из юрисдикции Новгорода. А здесь именно такой случай: монастыри обладали определенным суверенитетом, то есть подчинялись не архиепископам, а напрямую вышестоящим духовным инстанциям. По существующим тогда в Новгороде правовым нормам акт передачи земли в таком случае должны подписать владыка, степенный

посадник, тысяцкий и «золотые пояса». Именно такую грамоту Зосима и получил, этот процесс описан в его житии.

В соловецких патериках историки находят и множество других подробностей о событиях тех лет. «Житие преподобных Зосимы, Савватия и Германа, Соловецкой обители первоначальников» повествует о поездке в Новгород игумена Зосимы, ходатайствовавшим о передаче во владение Соловецкому монастырю островов Обонежья. Насельник Соловецкий жаловался, кроме того, на притеснения «детей боярских и корельских»: «Рабы боярские» приходят и «многие пакости творяще, не дают нам (монахам) округ острова рыб ловити и ина многа насильствующе, хотяше место разорити и нас изгнати» [7, с. 124—126]. В источнике содержится рассказ о том, как Марфа не пустила старца на свой двор, но затем, уступая настойчивой просьбе владыки и бояр, дала согласие на передачу островов монастырю. Кроме того, Марфа якобы подарила обители земли на реке Суме и даже пригласила соловецкого настоятеля на пир, где Зосиме было видение. Привиделось старцу, что сотрапезники Марфы лишены голов и Зосима предрек им страшную кончину. Действительно, бояре Новгородские, сочувствовавшие Борецким, были репрессированы князем Иваном Васильевичем в ходе междоусобной борьбы.

Легенда о поездке Зосимы в Новгород «попала» из житийной в краеведческую литературу. Например, «Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря» было написано соловецким архимандритом Досифеем в начале XIX в. на основании агиографических источников, хранившихся в монастырской библиотеке. Вероятно там же, в хранилище Соловецкого монастыря, находились и вкладные грамоты — еще один вид исторических источников (актовый материал). Это вкладные грамоты в Соловецкий монастырь, они достаточно хорошо изучены и описаны специалистами [9, с. 4; 32].

Нас интересуют, прежде всего, вкладные грамоты монастырю, данные «лично Марфой Борецкой». Их две. Первая дарственная грамота, по которой монастырю якобы передают рыболовные тони на Варзуге, датируется 1469—1470 гг. В ней дарительница названа «Марфа Исаковская великого новгорода посадница» [21]. Именование Марфы посадницей в данной вкладной грамоте дало основание некоторым литераторам предположить, будто бы Марфа Борецкая была даже избрана новгородским вече в достоинство посадницы. Однако так она могла называться потому, что имела в своем владении посад, свою вотчину или боярщину. К тому же Марфа была женой, а затем вдовой новгородского посадника Исака Борецкого, а также матерью степенного посадника Дмитрия Борецкого, и уже только поэтому

могла величаться посадницей. Известный историк В. Л. Янин считает, что эта данная Марфой Борецкой Соловецкому монастырю грамота не является подлинной, в содержании которой «имеется целый ряд элементов, указывающих на ее подложность» [35, с. 357—358]. Исследователь В. А. Буров также приводит ряд аргументов, доказывающих, что это подделка, изготовленная между 1575 и 1633 гг. [5, с. 193—196]

Другую грамоту, судя по тексту, можно датировать между 1471 г. (в ней Марфа велит поминать Дмитрия Исаковича, а его казнь состоялась в 1471 г.) и 1475 г. (так как Фёдор Исакович является «содарителем» матери). В агиографии получение этой грамоты связывают со вторым посещением Зосимой дома Марфы. На сей раз она обошлась с ним более чем благосклонно — пригласила за обеденный стол и дала монастырю грамоту на земли по р. Суме. «Се яз Марфа, Исака Андреевича жена, и сын мой, Федор Исаков, дали есьмя в дом Святому спасу и Пречистой Его Матери и Святого Николы на Соловки игумену Ионе и старцом, на море; в Суме реке у часовни два лука земли, где Парфенка да Першица живут, и на той земли деревни стародомьи, и пожни и лесе полешей, и ловища водные и лешие озера; тыи два лука в дом Святого Спаса и Пречистые Его Матери и Святого Николы по сей данной моей грамоте володети игумену и старцом вовеки; а поминати им мужа моего Исака, и родителей моих, да и детей моих, а ставити им обед на Дмитриев день» [29, с. 12]. Два лука земли (небольшая деревня) для соловецкой хозяйства той поры были не такой уж большой прибавкой, но имя Марфы все же осталось в памяти местных жителей и насельников соловецкой обители.

Очевидно, роль Марфы Борецкой в устройтельстве и развитии Соловецкого монастыря явно преувеличена в житийной и краеведческой литературе. Но как личность и политический деятель, исполнявшая к тому же различные гендерные роли (дочери, жены, вдовы, матери, главы партии, правительницы вотчин, благотворительницы) и ломавшей стереотипы поведения средневековой россиянки, она вполне достойна изучения.

Относительно смерти легендарной Марфы существует две версии. Согласно первой версии, по указу Ивана III Марфа Борецкая вместе со своим малолетним внуком Василием Фёдоровичем была арестована и в феврале 1479 г. отправлена в Москву, затем в Нижний Новгород. Там она была пострижена под именем Марии в Зачатьевском монастыре, где, вероятно, вскоре и умерла [4, с. 397]. По второй, Иван III в феврале 1488 г. распорядился схватить Марфу с внуком Василием Фёдоровичем, отослать их в заточение и «тако конечно укроти Великий Новгород». Огромные владения Борецкой были отписаны на Ивана III. Марфа была казнена, не доехав до Москвы, в селе Млеве Тверского княжества [27, с. 55]. Это мне-

ние основывается также на найденной в селе Млеве Вышневолоцкого уезда Тверской губернии близ церкви Спаса Нерукотворного надгробной каменной плите с надписью: «Лета 3... (следующие далее числительные буквы стерты) положенася, представися раба Божия Марфа на па...» [24, с. 36—40; 19, с. 446—451; 14, с. 57].

Остается дискуссионным вопрос: каковы могли быть альтернативы развития северных территорий в случае победы «западной партии» Марфы Борецкой? Критическое переосмысление исторических мифов и легенд, исторических документальных источников могло бы «прочитать» события пятисотлетней давности, исходя из актуальности социокультурных факторов нашего века. Ибо «проблемные поля» в российском социуме начала XXI в. остаются теми же: это вопросы соотношения тоталитаризма и гражданского общества, роли «олигархов» и «народа» в жизни страны и выборе исторического пути нации, взаимоотношения церкви и государства, «центра» и периферии. Вероятно, следует обращаться к опыту прошлого, особенно «судьбоносным» его моментам и маргинальным периодам, каким был, например, век Марфы Борецкой.

Литература

1. Lenhoff G., Martin J. Marfa Boretskaia, Posadnitsa of Novgorod: A Reconsideration of Her Legend and Her life // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59 (2). P. 343–368.
2. Алексеев Ю. Г. Закат боярской республики в Новгороде. К Москве хотим. Л.: Лениздат, 1991. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusNovgResp/4.htm> (дата обращения: 21.08.2012).
3. Борецкая Мария Ивановна (Марфа Посадница) // *Русский биографический словарь: В 25 т. / А. А. Половцов. М., 1896—1918. Т. «Бетанкур — Бякстер»*. С. 214.
4. Борецкие. Энциклопедический словарь. Репринт. воспроизведение изд. Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон. 1890 г. М.: Изд. центр «Терра», 1990. Т. 7: Битбург – Босха. С. 397.
5. Буров В. А. О печати «Марфы-посадницы» (из истории фальсификаций) // *Российская археология*. 1999. № 1. С. 193—196.
6. Вернадский Г. Россия в средние века. М., 1997. 352 с. URL: <http://zvukobook.ru/audiobook/georgiy-vernadskiy-istoriya-rossii-drevnyaya-rus>(дата обращения: 13.08. 2012)
7. Житие преподобного Варлаама Важеского: Изд. древн. рукоп. жития с предисл. А. Григоровича. Санкт-Петербург: тип. В. Ерофеева, 1893.
8. Житие преподобных Зосимы, Савватия и Германа, Соловецкой обители первоначальников. Издание Соловецкой обители, 2001. С. 124—131.
9. Заринский М. Борецкие // *Архангельские губернские ведомости*. 1884. № 34. С. 3—4.
10. Иловайский Д. И. Собиратели Руси. М., 1996. С. 389—390.
11. Камкин А. В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года. Вологда: ВГПИ, 1992.
12. Карамзин Н. М. Избранные сочинения. В 2-х томах. Т. 2. М., 1964.
13. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. VI. М.: Олма-Пресс, 2004.

14. Климов А. И., Лизунов П. В. Небесные покровители города. Архангельск, Издательство ПГУ им. М. В. Ломоносова, 1998.
15. Комарович В. Л. Московское летописание и исторические повести конца XV — первой половины XVI в. // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1956. Т. II. Ч. 1. Литература 1220—1580-х гг. 1945.
16. Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. I. СПб, 1886.
17. Критский Ю. М. Земельные владения Соловецкого монастыря в XV в. Соловки, 1983.
18. Купчая новгородского посадника Дмитрия Васильевича у Ховры Васильевны дочери Тойвутовой на участки в реках Выге, Шуе, Кеми и на Кильбострове // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. — Л., 1949.
19. Лазарев И. Нечто о Марфе Посаднице и Вечевом новгородском колоколе // Московский телеграф, 1833, ч. 52. С. 446—451.
20. Лизунов П. В. Марфа Посадница: Исторический портрет литературного персонажа // ResPhilologica: Выпуск I. Архангельск, 1999.
21. Лизунов П. Предания старины. Николо-Корельская обитель и Марфа-Посадница // Духовная пристань поморов. История Николо-Корельского монастыря: Статьи, очерки, исследования. Архангельск: Изд. «Правда Севера», 2003.
22. Лурье Я. С. Комментарии // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982.
23. Морозов С. На Белом море, на Соловецких островах. Соловки: Товарищество северного мореходства. Иноческие древности, 1998.
24. Надгробный камень Марфы, может быть посадницы // Русский зритель. 1826. № 1. С. 36—40.
25. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982.
26. Петров А. В. Марфа Борецкая // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 165.
27. Пушкарёва Л. Н. Женщины Древней Руси. М., Мысль, 1989.
28. Пушкарёва Л. Н. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800—2000: Материалы к библиографии. М., Ладомир, 2002.
29. Соловки: монастырь на островах. Сост. А. Андреев, С. Шумов. М.: Издательство «Эксмо», Издательство «Алгоритм», 2004.
30. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. Кн. III. М., 1989.
31. Соловьёв С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846.
32. Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939.
33. Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889.
34. Шурыгина А. П. Новгородская боярская вотчина XV в.: Боярская вотчина Борецких: автореферат диссертации ... канд. ист. наук. Л., 1948.
35. Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

*Рецензент — Голдин Владислав Иванович,
доктор исторических наук, профессор*

УДК 94

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ НОРВЕГИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ БИПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЫ МИРА (В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ)¹

THE TRANSFORMATION OF THE NORWEGIAN FOREIGN POLICY STRATEGY IN THE FORMATION OF THE BIPOLAR WORLD (AFTER THE WAR)



© **Зарецкая** Оксана Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, заместитель директора по международному сотрудничеству института социально-гуманитарных и политических наук САФУ. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: внешняя политика скандинавских стран в XX в., политика регионализма, международные отношения в Арктике. E:mail: f.history@pomorsu.ru

© **Zaretskaya** Oxana Valerievna, Ph.D. (Candidate) in History, Associate Professor of World History Department, Deputy Director for International Cooperation of the Institute of Humanities, Social and Political Sciences of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. The author of more than 40 scientific publications. Research interests: Foreign policy of Scandinavian countries in the XXth century, regionalism policy, international relations in the Arctic region. E:mail: f.history@pomorsu.ru

Аннотация. Изменения внешнеполитического курса Норвегии после Второй мировой войны были продиктованы комплексом проблем, с которыми страна сталкивается в 1940-х гг. Формирование биполярной системы мира заставляет норвежское правительство по-другому взглянуть на свою внешнеполитическую стратегию.

Ключевые слова: история внешней политики, скандинавские страны, Арктика, международные конфликты, нейтралитет

Abstract. After the Second World War changes in the foreign policy of Norway became a consequence of the problems that the country faced in 1940. The growing confrontation between the East and the West led to the formation of the bipolar world and made the Norwegian government change the foreign policy

Keywords: history of the foreign policy, Scandinavian countries, the Arctic, international conflicts neutrality

В условиях нарастающего противостояния Востока и Запада, эволюции роли и места Арктики в системе геополитических интересов и внешнеполитической деятельности СССР и США, Норвегия сталкивается с необходимостью изменения курса своей внешней политики в первые годы после Второй мировой войны. Министр иностранных дел Норвегии Трюгве Ли в своем обращении к стортингу (норвежскому парламенту) 19 июня 1945 г. заявил, что политика нейтралитета больше не сможет быть гарантией безопасности для страны в силу различных причин. Во-первых, опыт Второй мировой войны доказал, что Норвегия нуждалась в усилении обороны в воздухе и на море (так как именно с воздуха и моря она была завоевана

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства Архангельской области (проект № 13-11-29002 а/р).

фашистскими войсками), но своими усилиями создать новую систему обороны страна не сможет [13, с. 24—27]. Во-вторых, важное стратегическое положение Норвегии стало причиной ее уязвимости, так, с ее нейтралитетом не считались бы воюющие державы и в новом возможном военном конфликте. Что же касается сотрудничества со скандинавскими странами, то оно возможно в социальной, культурной и экономической сферах, но не в области безопасности. Продолжение речь Т. Ли получила в инаугурационном заявлении правительства Эйнара Герхардсена (в котором Т. Ли занял пост министра иностранных дел) стортингу от 28 июня 1945 г. В нем говорилось, что цель норвежской внешней политики заключается в активном участии в ООН и в продолжении сотрудничества с союзниками и северными соседями [13, с. 37].

По причине того, что в первые послевоенные годы восстановление экономики стало наиболее актуальной проблемой для Норвегии, она возобновляет социально-экономическое сотрудничество со своими скандинавскими соседями. Начало такому сотрудничеству было положено уже в мае 1945 г., когда лидеры социал-демократического движения Норвегии, Швеции и Дании встретились в Стокгольме и решили рекомендовать своим партиям и профсоюзам возобновить сотрудничество в экономической, культурной и социальной сферах и рассмотреть вопрос о возможности создания таможенного союза [4]. Но невозможность оставаться в стороне от рассмотрения вопросов безопасности приводит к тому, что уже 13 и 14 июля 1945 г. на встрече Комитета по сотрудничеству рабочего движения в Стокгольме началось обсуждение внешнеполитической стратегии скандинавских стран. Шведская делегация указала на то, что северные страны не могут и не хотят придерживаться политики изоляции и должны присоединиться к универсальной, глобальной международной организации (ООН), но с определенными оговорками. Под последними подразумевалось, что северные страны не будут предоставлять свои войска для каких-либо военных действий вне своего региона [5]. Они предложили также, что внутри международной организации может быть основана и региональная – Северная оборонительная лига. Но на тот момент норвежское правительство придерживалось мнения о том, что северные страны должны строить дружественные отношения с западными и восточными государствами и быть своеобразным «мостом» между Востоком и Западом для того, чтобы поддерживать гармонию на международной арене и предотвратить мировую войну [5]. Выступая 2 мая 1945 г. на VIII пленарном заседании конференции Объединенных Наций, Т. Ли заявил: «... приближающаяся победа оказалась возможной лишь благодаря искреннему сотрудничеству

и взаимопониманию великих держав, и... необходимо, чтобы будущий мир и будущая безопасность покоились на таком же фундаменте» [1, с. 259—261].

Официально «политика наведения мостов» была провозглашена норвежским министром иностранных дел Т. Ли 6 ноября 1945г. Она заключалась в том, что Норвегия не будет вступать ни в какие военные и политические блоки, не будет выступать раньше великих держав с предложениями созданию международных организаций и участия в рамках ООН в решение проблем коллективной безопасности. Наиболее краткую и емкую характеристику норвежской политике «наведения мостов» ал американский посол в Норвегии Вейн Коул: «1. Проангло-американская, насколько она осмеливается. 2. Просоветская, насколько она возможна. 3. Проооновская, насколько она должна» [6, с. 121]. Основное содержание норвежской политике «наведения мостов» в первые послевоенные годы заключалось в том, чтобы как можно реже заявлять о своей позиции в вопросах, вызывавших серьезные споры между Советским Союзом и западными великими державами. Очевидно также, что внешнеполитический курс был призван удовлетворить внешнеполитическим интересам самых разных общественных групп – сторонников прозападной ориентации, приверженцев сотрудничества с СССР, апологетов «скандинавской интеграции» и нейтралистов. Несмотря на наличие позитивных принципов в основаниях политики, в своем практическом воплощении «наведение мостов» являлось в большой степени пассивным курсом.

Таким образом, в первые послевоенные годы Норвегия старалась в своей внешней политике не примыкать ни к одной из сторон и придерживаться максимально непровокационного поведения в отношении, в первую очередь, СССР. «Мосты» не были построены [3, с. 193]. Связано это было с тем, что и Советский Союз, и западные великие державы рассматривали Норвегию как прозападную страну и понимали, что в случае военного конфликта она, так или иначе, примкнет к англо-американской группировке. Это был лишь вопрос времени, когда Норвегия четко проявит свою позицию и откажется «сидеть на двух стульях» [1, с. 259—261].

В первом публичном политическом заявлении Хальварда Ланге, сделанном в феврале 1946 г. после назначения его министром иностранных дел, недвусмысленно подчеркивалась избранная Норвегией позиция неучастия в блоках: «В качестве лояльного члена Объединенных Наций мы должны делать все, что в наших силах, для укрепления взаимного доверия между странами, от которого зависит деятельность этой организации, а значит — сотрудничать со всеми, не участвуя в создании каких-либо блоков» [1, с. 260]. Но и в этом случае из-за нарастающего ухудшения отношений между Востоком и Западом Норвегия риско-

вала оказаться в положении «сидящего на двух стульях», так как и Москва, и Запад с нетерпением ждали, когда же она определит свою позицию.

Явные нотки раздражения прорвались у английского посла сэра Лоуренса Колльера (в целом настроенного пронорвежски), отметившего в апреле 1947 г., что и у норвежского правительства, и у всего народа «все больше проявляется тенденция зарывать голову в снег в надежде избежать вовлечения в борьбу между великими державами» [1, с. 261]. Подобная тактика балансирования впервые подверглась серьезному испытанию на прочность в июне 1947 г., когда госсекретарь США Джордж К. Маршалл объявил о своем плане американской помощи в экономическом возрождении разоренной войной Европы.

Норвежский историк, профессор М. Скодвин датирует первые проявления в изменении норвежской политики нейтралитета октябрём 1947 г. [12, с. 62], так как именно в это время Х. Ланге положительно отреагировал на речь Э. Бевина (британского министра иностранных дел), который рекомендовал правительству поддерживать и координировать создание оборонной системы Норвегии, Швеции и Дании. Очевидно, что подобная инициатива проводилась и с той целью, что Скандинавия примкнет в дальнейшем к военному союзу Западной Европы.

Для скандинавских историков, таких как Б. Гаскел, Г. Лундестада, У. Ристе, Н. Андрен и др. [1, 2, 8, 11], выступление британского министра иностранных дел Эрнеста Бевина в Палате представителей 22 января 1948 г. является отправной точкой поиска путей проведения нового курса внешней политики. В ней он пропагандирует создание в Западной Европе союза против «советской угрозы». Ничего конкретного о роли скандинавских стран в его речи не говорится, но, по мнению Г. Лундестада, «было очевидно, что скандинавские страны включены в его речь о Западной Европе» [11, с. 46].

Норвежский министр Х. Ланге в обращении к стортингу 12 февраля 1948 г. подчеркнул, что Норвегия скорее всего должна будет пересмотреть направление своей внешней политики [14, с. 43], то есть были все основания полагать, что если внешнеполитическая ситуация изменится к худшему, то Королевство пересмотрит «рабочую гипотезу», на которой была основана политика «наведения мостов» [10, с. 55].

Основным проблемами на тот момент являлись потребность в эффективной системе обороны, стабильность на международной арене и, как считает Джон Кирби, нежелание быть вовлеченными в западный военный альянс, который начинал формироваться еще к 1947 г. [9, с. 373]. Соглашаясь с такой точкой зрения, подчеркнем также, что это нежелание было вызвано отнюдь не симпатией к Советскому Союзу, а напротив, страхом перед ним,

который формируется у Норвегии стран к концу Второй мировой войны. Одной причин страха, была близость границ СССР и Норвегии. Например, по мнению Б. Хаскел, «общие границы ... близость норвежских территорий к Мурманску... делает Норвегию особой территорией для СССР» [8, с. 56].

Не только опасения перед могущественным соседом – СССР – заставляли норвежские власти пересматривать принципы своей внешней политики. Внешняя политика США в истории XX в. получила название экспансионизма. Американские интересы так же, как и влияние на дела других стран, расширялись. В последние годы Второй мировой войны Норвегия попадает в поле зрения США. Экс-президент Соединенных Штатов Г. Трумэн напишет в своей книге «Годы решений»: «Норвегия относится к первоначальным задачам Союзников...» [15, с. 112].

Итак, оказавшись между двумя соперничающими системами, норвежские власти встали перед необходимостью поиска новых линий внешней политики. Прошедшая война с очевидностью дала им понять всю их военную уязвимость и показала иллюзорность представлений о том, что Северный регион мог бы остаться в обозримом историческом будущем вне конфликтов между сверхдержавами. Заметим также, что еще в последние годы Второй мировой войны эти иллюзии были достаточно распространены, скандинавы еще не пытались думать и действовать так, будто серьезного политического и силового противостояния в их регионе можно избежать с помощью строгого нейтралитета. В конце войны даже появляется идея возрождения нейтралитета — в форме отказа от принятия позиций любой из стран, которые могут потенциально начать враждовать в Северной Европе и Арктике. Но послевоенные политические события развивались так стремительно, что через несколько лет заставили Норвегию отказаться от нейтралитета [7, с. 60].

Из всех скандинавских стран, Швеция наиболее упорно продолжала придерживаться традиционной позиции нейтралитета, «персональный» опыт Второй мировой войны убеждал страну в правильности сделанного выбора. Это можно объяснить и тем, что Швеция потенциально менее уязвима, чем, скажем, Финляндия или Норвегия, и стратегически менее важна для США, чем Дания. Хотя та же Швеция могла столкнуться с возрастающим давлением СССР на Балтике, в Финляндии или Арктике. Все же приоритетной для Швеции была идея распространения «вооруженного» нейтралитета на весь Северный регион посредством создания Северного оборонительного союза. Такой подход находился не только в согласии с ее традиционной политикой, но помогал избежать конфликта с Советским Союзом.

Норвегия, надеясь избежать поляризации сил в регионе, в целом соглашалась со шведскими доводами [7, с. 61]. Но, в отличие от Швеции и Финляндии, нуждаясь в быстром восстановлении экономики, приняла американскую помощь по «плану Маршалла» и была немало связаны этим обстоятельством. Что касается геополитических особенностей северной Норвегии, то они заключались в наличии общей границы с СССР и близком расположении к базам советского Северного Флота. Поэтому для Норвегии была естественной потребностью комбинировать устойчивую политику с непровокационным поведением. Ее опыт Второй мировой войны был в какой-то мере сходен с датским. Это итоговый общий скептицизм в отношении эффективности нейтралитета. Кроме того, Норвегия извлекла урок из того, что ее важное стратегическое расположение послужило причиной потери независимости (в апреле-мае 1940 г.) из-за захватчиков, с которыми страна справились только после прибытия внешнего подкрепления. По мнению американского историка Д. Фитцмариуса, эти печальные уроки и формировали норвежскую внешнеполитическую позицию, начиная с весны 1944 г. [7, с. 118].

Проследив изменения во внешнеполитической стратегии Норвегии после войны можно заключить, что политика «наведения мостов» закончилась провалом, причиной которого было нарастание противоречий между великими державами, начало блокового противостояния и формирования биполярной системы. Этому послужили трехсторонние советско-норвежско-американские отношения, повлиявшие на изменение внешнеполитического курса Норвегии. Советско-норвежские дружественное взаимодействие трансформировались в недоверительное. Принятие Норвегией «плана Маршалла» и «плана Бевина» стало причиной смены внешнеполитической ориентации Норвегии и трансформацию ее внешнеполитической стратегии.

Литература

1. Ристе У. История внешней политики Норвегии. М., 2003.
2. Aalders. G. The Failure of the Scandinavian Defence Union, 1948-1949 // Scandinavian journal of history. 15/1990
3. Andren N. Power-Balance and Non-Alignment. Stockholm, 1967.
4. Arbeiderbladet. Oslo, 1945. 23 mai.
5. Arbeiderbladet: Det norske Arbeiderpartie, Landsmøtet. 31 august- 2 september 1945. Oslo, 1947.
6. Cole W.S. Norway and the United States 1905-1955. London, 1985.
7. Fitzmaurice J. The Baltic: A regional Future? London, 1992.
8. Haskel B.G. The Scandinavian Option. Oslo, 1976.

9. Kirby D. The Baltic World 1772-1993: Europe's Northern Periphery in an Age of Change. London and New York, 1995..
10. Lange H. Norsk Utenrikspolitikk siden 1945. Oslo, 1952.
11. Lundrestad G. America, Scandinavia and The Cold War, 1945-1949. Oslo, 1980.
12. Skodvin M. Norden eller NATO. Oslo, 1971.
13. Stortingstidende, 1945. S. 24-27.
14. Stortingsstidende, 8/1948.
15. Truman H.S. Years of Decisions. New York, 1955. P. 106-112.

*Рецензент — Голдин Владислав Иванович,
доктор исторических наук, профессор*

УДК 910.4

ТАЙНА ПРОЛИВА НЕЙМАЙЕРА

THE MYSTERY OF THE NEUMAYERS STRAIT



© **Зобнин** Андрей Николаевич, историк-краевед. Область исследований: история Русского Севера, история освоения Арктики. Член Русского географического общества E-mail: zobninandr@mail.ru

© **Zobnin** Andrei Nikolaevich, historian and ethnographer. Area of the Research: History of the Russian North, the history of the Arctic exploration. Member of the Russian Geographical Society. E-mail: zobninandr@mail.ru

Аннотация. В статье сделан анализ всех имеющихся на сегодняшний день сведений о последних днях Г. Я. Седова, его кончины и захоронения. Указаны направления для дальнейших поисков могилы начальника первой русской полярной экспедиции

Ключевые слова: экспедиция, Седов, святой Фока, матросы, Линник, Пустошный, ЗФИ, Рудольфа, нарты, лед, арктический, Новая Земля, пролив, мыс, Аук, маршрут, путь, стоянка, остров, геология, гидрология

Abstract. In the article made an analysis of all the currently available information about the last days of G. Y. Sedov, his death and burial. On the basis of these materials are given the direction of the further search for the tomb of the first initial Russian polar expedition.

Keywords: The expedition, Sedov, Holy Fock, sailors, Linnik, Pustoshny, Franz Josef Land, Rudolph, sleds, ice, Arctic, A New Earth, Strait, Cape, Auk, route, path, one-Janka, island, geology, hydrology

Почти сто лет отделяет нас от тех трагических февральских дней 1914 г., когда во льдах северных островов Земли Франца Иосифа умирал старший лейтенант русского императорского флота Георгий Яковлевич Седов. Став символом твердости духа, самоотверженности и в то же время примером наивности и в какой-то степени самонадеянности, Г. Седов навсегда останется одной из центральных фигур в истории освоения Арктики. Беспремер-

ным стремлением к цели, своей трагической смертью Седов поднял на небывалую высоту интерес к высоким широтам, исполнив, тем самым, свое главное предназначение.



Множество публикаций, особенно последнего времени, обвиняющих Г. Я. Седова в крайне плохой организации экспедиции, навеяны в большей степени временем, пересмотром почти всех восторженных эпитетов ушедшей эпохи. Нельзя забывать, что при всех известных недостатках, которых не могло не быть в условиях крайней ограниченности в средствах и времени, из трех экспедиций, вышедших в Арктику летом 1912 г., вернулась только экспедиция Г. Седова. Более популярный ныне В. Русанов, обвинявший начальника полюсной экспедиции в неподготовленности проекта, сам вскоре пошел на совершенно неоправданный риск, заведомо обрекая доверившихся ему людей на тяжелейшие испытания и трагическую гибель всей экспедиции, тогда как Г. Седов принес в жертву своих устремлений только себя. Что же касается механика судна И. Зандера, умершего от цинги на острове Гукера, то мало какой экспедиции удалось избежать смертельных случаев после двух арктических зимовок.

Еще в 1915 г. Л. Брейтфус писал: «...признавая за нашими исследователями отвагу, редкую настойчивость и фанатичную энергию, с какими они, несмотря на все препятствия, шли к цели, будем желать и надеяться, чтобы тот взрыв интереса к северу в широких кругах общества, какой вызвала особенно экспедиция Седова, не пропал бесследно и чтобы в будущем широкое и планомерное изучение арктической области было поддержано общественным сочувствием» [1].

Мало кто из первопроходцев удостоился такой известности и славы, как Г. Я. Седов. И, казалось бы, за последние 100 лет сказано все, что могло быть связано с первой русской полярной экспедицией. Но обстоятельства кончины и погребения ее начальника до сих пор вызывают массу споров, догадок и предположений. Причиной тому стал многолетний, но, к сожалению, безуспешный поиск могилы Седова.

Летом 1937 г. на береговом склоне возле мыса Аук зимовщиками группы Я. Либина были найдены предметы, которые, судя по показаниям матросов Линника и Пустошного, должны были находиться в захоронении: флажок полярного флага с медной втулкой, на которой сохранилась гравировка «Expedition leit. Sedov'a 1912—1914 гг.», ржавый топорик, обрывки русского национального флага, фрагменты меховой одежды, куски веревки и парусиновой ткани. Нарты, останки под каменной насыпью и сама каменная насыпь бесследно исчезли.

Начиная с высокоширотной экспедиции О. Шмидта на ледокольном пароходе «Георгий Седов» летом 1929 г. и до поисковых работ экипажа яхты «Апостол Андрей» клуба «Приключение» в 2011 г., поиском следов захоронения занимались многие поколения исследователей Арктики. Но безуспешно. Вопрос, поставленный еще в 1914 г. экипажем «Святого Фокки», «Где находится могила Г. Седова?», вот уже 100 лет остается без ответа.

Причин тому не так уж много. Логичным было бы отметить две: каменная насыпь с останками была уничтожена или ее там никогда не было. Эти выводы и стали основными направлениями настоящего расследования, цель которого не вынести окончательное решение, а на основании фактов и документов рассмотреть все возможные версии, которые могли бы максимально приблизить к пониманию того, что на самом деле произошло на льду пролива Неймайера в феврале 1914 г.

В первую очередь необходимо проследить путь экспедиции от о. Джексона и до выхода матросов к Ледяному мысу, потому как именно эти дни надо считать трагическим финалом всей полярной экспедиции. Сведения дневников Г. Седова, Г. Линника и А. Пустошного позволяют сделать параллельную прокладку пути на современной карте и карте Г. Седова.

Такое сравнение даст возможность увидеть особенности маршрута экспедиции, мало представленные в предыдущих исследованиях.

Небольшой проблемой здесь стал поиск карты, которая могла быть у Г. Седова во время полюсной экспедиции. Пересмотрев несколько вариантов, в том числе рисунок Нансена, который помог штурману «Святой Анны» В. Альбанову выйти к мысу Флора, естественным было остановиться на более полной из них — карте экспедиции герцога Аbruццкого (Principe Luigi Amedeo di Savoia, Duca degli Abruzzi) [2] на барке «Стелла Поларе» (1899—1900) (рис. 1). При первом же сравнении ее с дневниковыми записями Г. Седова отпали всякие сомнения, что он пользовался подобной картой, только в английском варианте. Составленная по материалам экспедиций Пайера (1872—1874), Ли Смита (1880—1881), Джексона (1894—1897), Нансена (1895—1896), к 1912 г. это была наиболее достоверная карта ЗФИ. Как будет видно дальше, ориентиры ее в точности совпали с указанным маршрутом экспедиции.

В понедельник 10 февраля полюсная экспедиция Г. Седова вышла к мысу Климентса острова Джексона. С этого места и начинается путаница с проливами и островами. Читая имеющуюся карту, Седов не сомневался, что на другой стороне залива Де Лонга видна Земля Карла Александра. На самом деле это была северо-восточная часть острова Джексона (рис. 1, 2).

Вечером следующего дня, приняв мыс Хелланд за мыс Бреггера, он записал в дневнике: «...В 4 ч. встали на ночевку, пройдя около 15 верст, у Земли Александра. Сегодня была такая заря, что в ней казалось почти солнце. Виден уже Теплиц-бай. Я лучше чувствую себя, ибо был тепло одет и все время сидел на нарте спокойно» [3]. На самом деле он видел не бухту Теплиц острова Рудольфа, а западный берег острова Александра, по очертаниям береговой линии действительно похожий на Теплиц-бай.

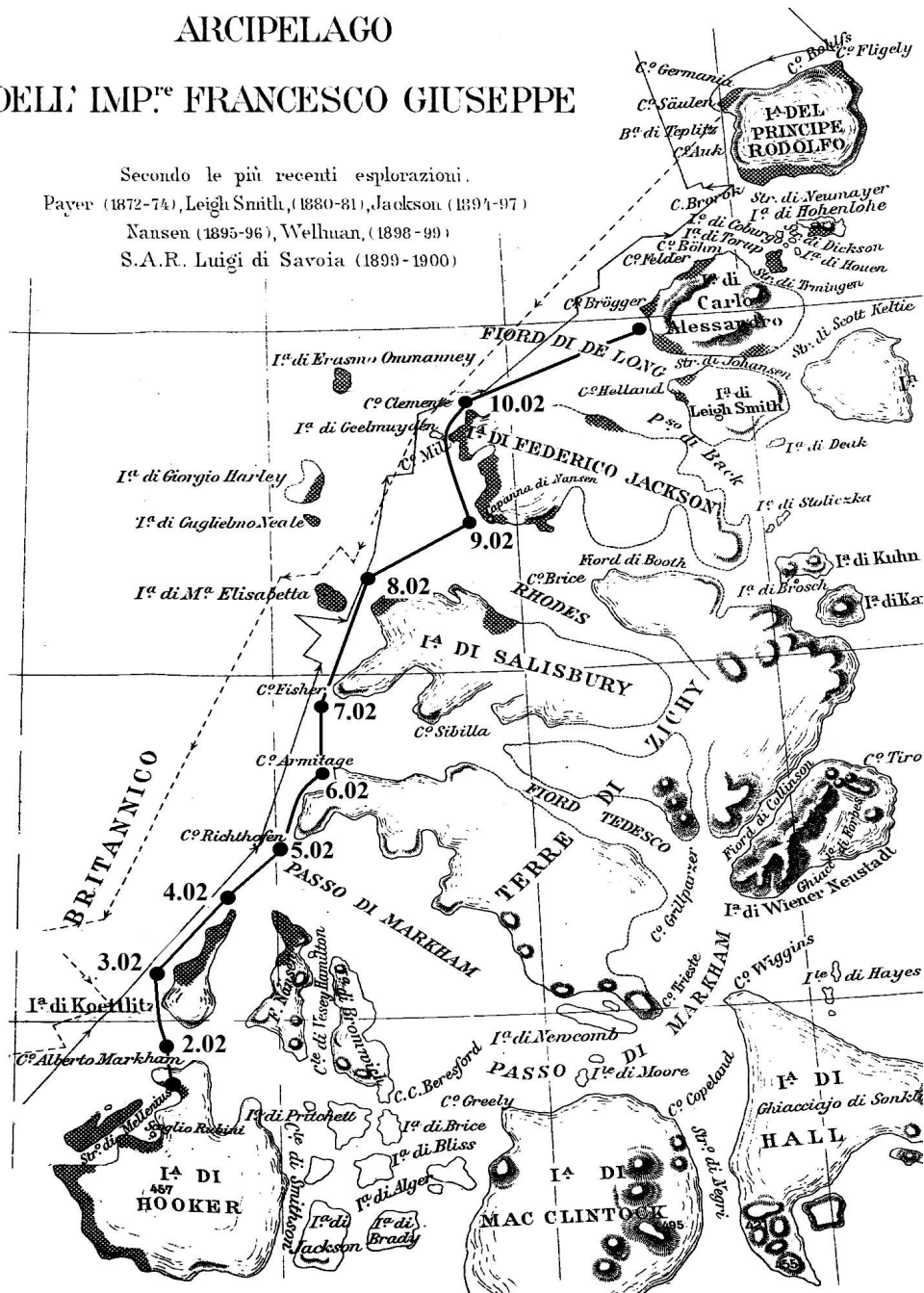
На следующий день, 12 февраля группа пересекла пролив Бака и только теперь вышла к острову Карла-Александра. Карта Седова показывала иное. «...Прошли около 15 верст, — писал Георгий Яковлевич, — и остановились в 4 ч. ночевать уже у Земли Рудольфа. Сегодня был минимум -42° . Сейчас дует балла на 4 Ost. Палатку изрядно треплет, мы же, как цыгане, сидим вокруг примуса» [3].

13 февраля в 9 часов утра экспедиция двинулась к западному побережью острова Александра и через пять верст вышла к маленьким островкам у мыса Бреггера (острова Понтремоли). В уверенности, что они находятся на юго-западном берегу острова Рудольфа, «весь день, — запишет Пустошный, — искали Теплиц-бай». Седов также был в недоумении: «...Забрели в какой-то пролив, между островками, но только не в Теплиц-бай, хотя он уже

чувствуется близко. После 2-х разъяснено, сделался чудный, теплый день, но дорога тяжелая: снег и ропаки, тащимся дальше по курсу. В океане, видно, воды много, ибо видать черное небо. Встретили зайца у лунки, не подпустил на выстрел, сполз. В 5 ч. остановились ночевать, кажется, у Земли Рудольфа, трудно с уверенностью судить, так как в этом месте карта страшно не верна. Посмотрим, что покажет завтрашний день...» [3].

ARCIPELAGO DELL' IMP.^{re} FRANCESCO GIUSEPPE

Secondo le più recenti esplorazioni.
Payer (1872-74), Leigh Smith, (1880-81), Jackson (1894-97)
Nansen (1895-96), Wellman, (1898-99)
S.A.R. Luigi di Savoia (1899-1900)



●— Маршрут Г. Седова (февраль 1914 г.),

Рис. 1. Карта экспедиции герцога А. Абрुццкого

Утром следующего дня Пустошный забрался на один из островков и на северо-востоке увидел землю. Без сомнения, это был остров Рудольфа. Из всех трех дневников видно, что к северу и западу была открытая вода, но это никак не мешало двигаться на северо-восток.

В 9 часов утра группа двинулась, как писал Пустошный, «от берега в море по направлению к земле, куда лежал наш путь». Т. е. надо понимать прямо в пролив Трининген к острову Рудольфа. Это же подтверждает и запись Седова: «Суббота, 15 февраля. В 10 ч. утра ясно, морозу 30 градусов. Пошли через проливы к Земле Рудольфа, которая ясно была видна, пройдя около 12 верст, наткнулись на сплошной, тонкий (1 вер.) солончак» [3]. По поводу пройденного расстояния в дневниках есть существенные расхождения, которые сложно объяснить простой опиской. Пустошный отмечает «11/2 версты», тогда как Линник вполне определенно указывает, что, «пройдя не более одной версты, увидели со всех впереди сторон совсем свежий лед». Наверно, логичным было бы довериться двум, почти одинаковым показаниям Седова и Пустошного и определить, что 15 февраля лагерь был разбит на льду пролива Трининген приблизительно в 7 милях к северу от мыса Бэма (рис. 3).

Воскресенье 16 февраля, Масленица. Пустошный записал в дневнике: «Сегодня вдали от родины под 82° северной широты на 4-х дюймовом солончаке мы празднуем масленицу и вспоминаем каждый, как гуляют наши товарищи, а мы сидим у моря и ждем хорошего мороза, чтоб скрепил солончак, чтобы нам двинуться на север» [4]. Больной Седов, глядя на трапезу матросов, помимо всего прочего, записал: «...Конечно, съел бы яичко, сметанки, жареного цыпленка, даже чашку кислой капусты. Но где все это?...» Как подарок к празднику вышло солнце. «Увидели выше гор впервые милое, родное солнце, — радовался Георгий Яковлевич. — Ах, как оно красиво и хорошо! При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы! Посвети нашим близким на родине, как мы ютимся в палатке, как больные, удрученные, под 82 ° северной широты» [3].

После праздничного обеда матросы ушли осматривать дорогу. Пройдя на восток около семи верст, они поняли, что «прямо идти невозможно, а нужно идти на восток, а там переправляться к нашей земле». Из опасения, что штормовой ветер разломает тонкий лед, на котором стоял лагерь, было решено продолжить путь к острову Рудольфа, взяв к Ost.

17 февраля, к вечеру, путешественники были у южной оконечности острова, неподалеку от берегового припая. Сильная буря на три дня остановила продвижение. Самочувствие начальника экспедиции быстро ухудшалось, и он уже не мог писать. Последние строчки в

дневнике: «Понедельник, 17 февраля». Через три дня, 20 февраля 1914 г., в 2 часа 40 минут дня Г. Я. Седов скончался.

Руководство дальнейшими действиями взял на себя матрос Г. Линник. «В Теплиц-бае или где-либо на острове, — писал он, — оставим половину всего груза, и если не найдем керосина, то придется хоронить и своего начальника. Завтра думаю идти дальше. И если это окажется место зимовки Абруццкого, то будет сносно, а если же нет, то с телом начальника придется расстаться». К тому же у Пустошного появились признаки цинги. Здесь нужно отметить, что уверенности в том, что они находятся на острове Рудольфа и бухта Теплиц-бай совсем рядом, у них было мало. Недавняя путаница с островами и проливами значительно подорвала их доверие к карте.

Через два дня после смерти начальника, 22 февраля, матросы направились вдоль западного побережья острова. «К трем часам дня, — писал Линник, — еле дотащились до Ледяного мыса и саженьях в 300 или 400 от берега стали лагерем, так как, во-первых, старый лед кончается и начинается совершенно свежий солончак, а во-вторых, ничего не везут собаки» [5].

Единственным мысом на их пути, который можно назвать Ледяным, был, без сомнения, язык ледника перед мысом Аук (рис. 3). Для более полного подтверждения того, что матросы вышли именно к мысу Аук, необходимо обратить внимание на все детали, указанные в дневниках, и рассмотреть некоторые варианты развития событий, начиная с 15 февраля. В этот день Пустошный впервые увидел остров Рудольфа (землю на северо-востоке), естественным было бы в этом случае матросу находиться на юго-западе, то есть у мыса Фельдера. С этого места ничего, кроме острова Рудольф, не видно. И на следующий день уже с траверса мыса Бэма принять какой-либо другой остров, к примеру, Гогенлоэ, за остров Рудольфа, тем более за единое целое, совершенно невозможно. Пролив Неймайера здесь хорошо просматривается. Вероятность такой ошибки могла быть, если смотреть на указанные острова с юго-восточной части Земли Александра. Но сомнений в том, что Седов обходил этот остров с запада, нет никаких.

Кроме того, дальнейший их путь точно указан в записях Линника. 17 февраля, помимо всего прочего, он отметил, что «к счастью, дорога очень хорошая, и мы быстро продвигались вперед. Но, не дойдя до острова кронпринца Рудольфа версты три, я, как шедший впереди, стал сворачивать со свежего льда на старый, направляясь к острову, и на самом стыке свежего льда со старым ...» [5]. Здесь видно, что еще 17 февраля экспедиция была в трех верстах от острова Рудольфа на стыке свежего льда пролива Неймайера и берегового припая острова.

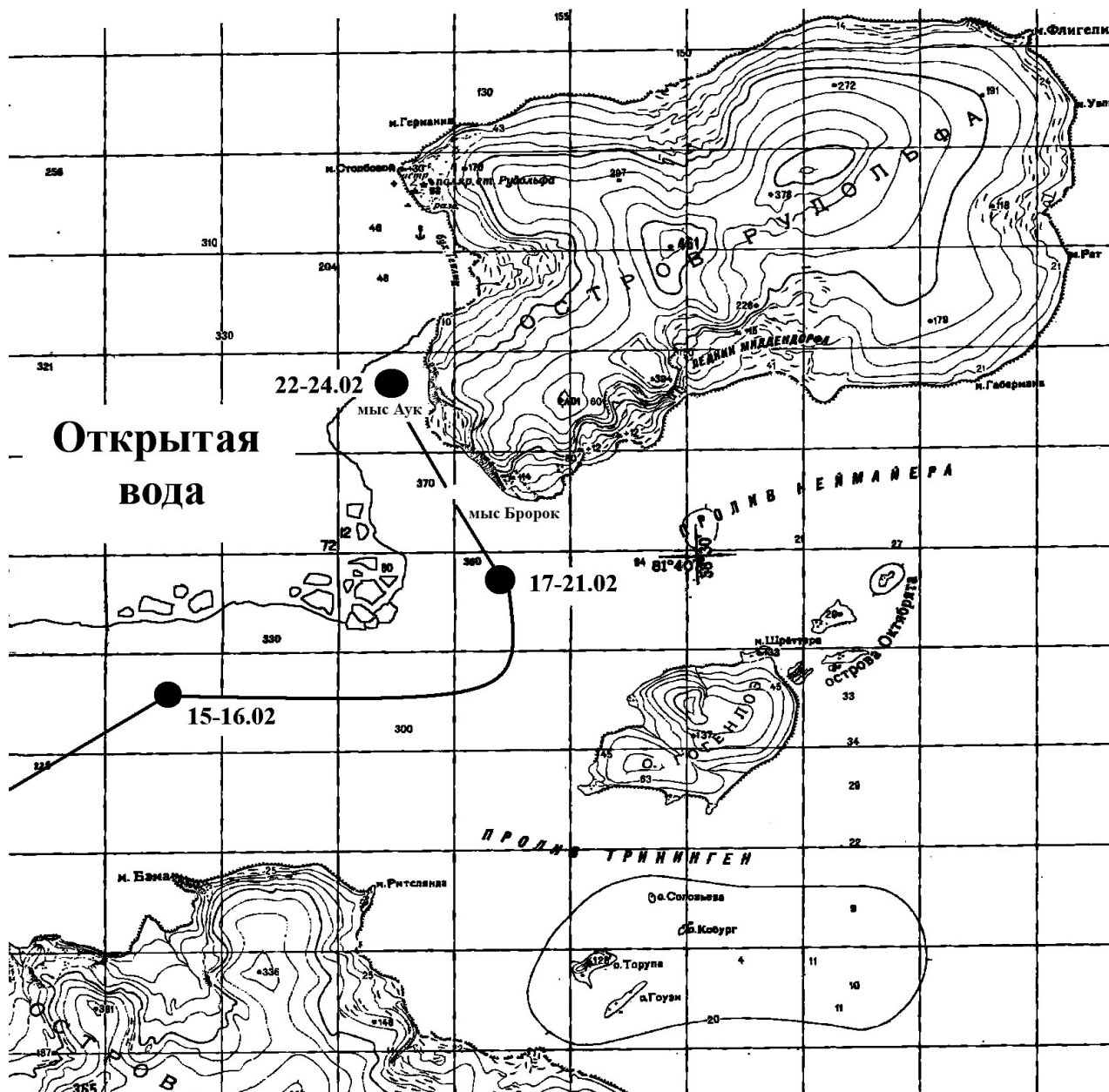


Рис. 3. Остров Рудольфа

Если предположить, что в этот день, обходя солончак (тонкий свежий лед), они вынужденно отклонилась на восток к острову Гогенлоэ, то это, несомненно, нашло бы свое отражение в дневниках. Мы же знаем, что остров там ни разу не упоминается, хотя он достаточно точно обозначен на картах экспедиций Фиала-Циглера, Абруццкого и, соответственно, Седова. Поэтому сомнений в том, что 17 февраля лагерь был развернут на траверзе мыса Бророк, не много. А если это так, то шестичасовой переход с телом начальника экспедиции 22 февраля мог быть только вдоль западного побережья острова Рудольфа, то есть к мысу Аук (рис.3). Пустошный точно указывает: «Двигались мы медленно и, пройдя верст 7 от места стоянки, мы снова разбили палатку на старом глетчерном льду в 300 сажнях от высокого

берега, на котором видно много камней. Когда мы разбили палатку, то ходили далее на север, смотреть дорогу и место, тот мыс, до которого мы шли и, по-нашему, он же и Теплицбай».



Рис. 4. Мыс Аук

С мыса Бророк матросы никак не могли увидеть бухту Теплиц. Впервые это отметил Герой Советского Союза, академик Е. К. Фёдоров. В своих «Полярных дневниках» он вспоминал: «Согласно описанию матросов, считалось, что могила Седова находится у подножия мыса Бророк. Я тщательно осматривал каждый квадратный метр берега, но могилы не обнаружил. Я не знал тогда, что она была в нескольких километрах севернее — под обрывом мыса Аук. Летом 1937 г. полярники станции на острове Рудольфа нашли там древко с обрывком русского флага и несколько вещей, несомненно, принадлежащих Г. Я. Седову. Линник и Пустошный немного ошиблись в описании места. Это можно было понять. Можно было и мне сообразить, что только от мыса Аук, но не от Бророка, открывается вид на бухту Теплиц, только здесь Линник и Пустошный могли увидеть, что ледяного покрова в бухте нет» [6].

На самом же деле матросы не ошибались и в своих дневниках достаточно точно описали свой путь к конечной точке путешествия и, что еще более удивительно, дали подробное описание места, где был похоронен начальник экспедиции. С их слов художник экспедиции Н. Пинегин сделал рисунок (рис. 4).

Летом 2011 г. экипаж яхты «Апостол Андрей» клуба «Приключение» во главе с капитаном Н. Н. Литая подходила к западным берегам острова Рудольфа с целью сравнить рисунок Н. Пинегина с реальным видом на мыс Аук. «Яхта отошла к кромке редких льдов, — писал в своем дневнике капитан, — и из точки, с которой открылся весь берег от мыса Аук до Столбового, стало очевидно, насколько эта картина похожа на архивный рисунок. Они, конечно, не совпадали абсолютно. Так, седло на мысе Аук не такое глубокое, как на картинке, а мыс Столбовой имел две вершины, но плоские, а не остроконечные, как изобразил худож-

ник. Это, пожалуй, было главным отличием. В остальном все было на месте: справа — седловатый мыс Аук, слева — двуглавый Столбовой, между ними спускался к воде глетчер» [7].

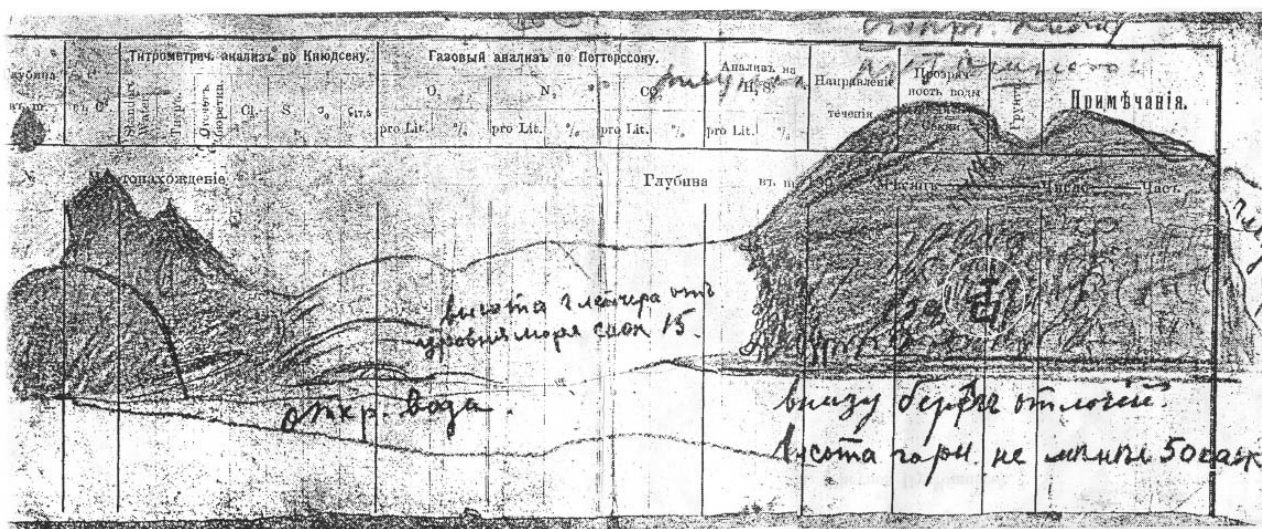


Рис. 5. Рисунок Н. Пинегина. Место захоронения Г. Седова

Таким образом, надо считать доказанным, что местом последней стоянки матросов Линника и Пустошного был мыс Аук. На этом основании, если верить матросам, естественным было бы полагать, что и могила Г. Седова находится под обрывом этого мыса, «на косогоре высотой до шести сажен от уровня моря», как указано на рисунке Пинегина. Но ее там нет, если не считать нескольких предметов, в том числе флагштока с медной втулкой, на которой сохранилась гравировка «Expedition leit. Sedov'a 1912—1914 гг.». Принадлежность ее не вызывает сомнений.

* * *

Наиболее распространенным предположением в среде историков о причинах исчезновения могилы Седова стал ледник, который мог унести в море каменный холм с его останками, оставив на поверхности часть предметов. Эта версия более всего могла бы прояснить ситуацию, если бы не возражения специалистов другого профиля — гляциологов. Остров Рудольфа на 98 % покрыт ледником. В центральной части ледникового купола поверхность сравнительно плоская, но к периферии она приобретает все больший уклон и переходит в истоки долинных ледников, которые обрываются в море, образуя айсберги. Интересующая нас западная часть острова Рудольфа, по мнению специалистов, имеет более сложный расчлененный рельеф, чем восточная, и представляет собой «вытянутые депрессии в коренном рельефе острова, которые в большинстве случаев являются продолжением морских заливов». Это и есть так называемые выводные ледники, за счет которых растущая масса льда

отводится в море. Выводные ледники, расположенные с обеих сторон мыса Аук острова Рудольфа, короткие, но с широким фронтом на выходе. Гляциологи утверждают, что вероятность сползания ледника с вершины мыса Аук настолько мала, что рассматривать ее вряд ли есть необходимость. Это могло бы иметь место только в случае увеличения центральной части ледового купола почти вдвое, а это уже глобальное оледенение.

Также следует отметить, что сход снежной лавины, нежели сползание ледника, таких разрушений принести не мог по причине малой высоты мыса. Это подтверждают и памятные знаки, установленные в разное время на мысе Бророк и мысе Аук. Знаки простояли там гораздо дольше предполагаемого захоронения Седова, но не исчезли бесследно. Данный аргумент более других опровергает версии природной причины разрушения.

Кроме того, можно было бы обратить внимание на возможность уничтожения могилы белым медведем. Есть масса свидетельств, когда эти животные с легкостью ворочали крупные камни. Данная версия проста и имеет наибольшее число сторонников. Можно было бы принять ее за основу и поставить точку, если бы не обстоятельства, которые заставляют максимально осторожно подойти к анализу материалов этого непростого дела.

* * *

Сразу же по прибытии «Св. Муч. Фоки» («Михаила Суворина») в Архангельск, Комитет по снаряжению экспедиции к Северному Полюсу и по исследованию русских полярных стран тут же подал ходатайство о проведении расследования причин смерти старшего лейтенанта Г. Седова «для того только, чтобы снять всякую с себя ответственность и возможные нарекания».

Секретарь комитета капитан 2-го ранга П. И. Белавенец в своих показаниях Петроградской прокуратуре 5 декабря 1914 г. писал: «У меня лично, а равно и у других членов Комитета, по прочтении первых известий о кончине старшего лейтенанта Георгия Яковлевича Седова, явилось подозрение в естественности его смерти. По прибытии в Петроград участников экспедиции Седова это подозрение не рассеялось, а после разговоров с прибывшим в Петроград ветеринарным врачом Кушаковым, участником той же экспедиции, подозрение это еще более окрепло. Кушаков, будучи ближайшим сотрудником Седова и единственным, по моему мнению, «солидным человеком» из всех служивших на судне, в беседе со мной сообщил мне целый ряд ненормальных явлений в жизни экипажа судна: особенно обратила внимание Кушакова повышенная требовательность со стороны матросов Линника и Пустошного, которые несколько раз была Седовым удовлетворена, по-видимому, в виду лишь крайней необходимости в участии названных матросов в переходах к Северному По-

люсу. Достигнуть полюса было мечтой Седова, и он во что бы то ни стало решил осуществить ее, несмотря на безусловно установленное болезненное состояние свое перед уходом. Зная эту «idéefixe» Седова, матросы, которые должны были его сопровождать к полюсу, эксплуатировали Седова, когда же он отказывал им в удовлетворении их чрезмерных требований, угрожали с ним «расправиться» дорогой к Полюсу» [8].

Здесь же П. Белавенец указывал, что документы экспедиции, в том числе дневники Седова, книга приказов и бортовой журнал, находятся у него, но свидетельств отношения начальника экспедиции к матросами, то есть приказов о наказании Линника и Пустошного, не обнаружено. Последний дневник Седова (февраль 1914 г.) был выслан прокурору Архангельского окружного суда, все остальные дневники переданы вдове Седова, Вере Валериановне, проживавшей в то время в Петрограде. «Тех дневников я не читал и содержания их не знаю, — писал П. Белавенец. — Последний же дневник покойного я просматривал, в нем были указания на болезненное состояние его здоровья и выражались даже опасения, что он не дойдет к Полюсу. Меня поразила твердость почерка покойного в записях его даже за последние дни жизни. Удивляет меня так же, почему Линник и Пустошный не доставили труп покойного к месту стоянки судна, так как это сняло бы с них всякие подозрения» [8].

Таким образом, Комитет по снаряжению экспедиции к Северному Полюсу и по исследованию русских полярных стран», руководствуясь показаниями П. Кушакова и своими собственными соображениями, был склонен предполагать, что преступление могло иметь место.

Конечно же, подозрения в естественности смерти Седова возникли в большей степени со слов Кушакова, который не раз выражал свое недовольствие поведением матросов.

Вот один из его рапортов, поданных начальнику экспедиции незадолго до выхода полярной группы: «Сего числа во время дежурства я услышал сильный шум и крик в командной столовой. Подходя к последней, я услышал голос матроса Линника, ругавшегося бранными и непристойными словами, кричавшего: „Я иду к полюсу, рискую жизнью, а потому не буду есть всякой дряни“. ...Несмотря на вторичное приказание замолчать, матрос Линник в присутствии всей команды, все больше и больше повышая голос, начал наносить мне оскорбления словами, упрекая в том, что я являюсь злом экспедиции, мешаюсь не в свое дело, обманываю всех и т. д. ...Находя настоящий поступок матроса Линника, а также и ряд других его поступков, с тенденцией возмутить всю команду, постоянные порицания и сквернословие по адресу всех начальствующих лиц экспедиции, не исключая и Вас, а также полное нежелание подчиняться не только основным требованиям закона, но и требованиям

Ваших приказов, — в высшей степени недисциплинарными, губящими дело экспедиции, связанное с достоинством всей страны, честью русского имени и русского флага, — прошу Вас о предании матроса Линника суду. Дежурный вахтенный начальник П. Кушаков».

* * *

12 сентября 1914 г. товарищ прокурора Архангельского окружного суда Таратин допрашивал матросов Линника и Пустошного. Показания их мало чем отличались от дневниковых записей.

Из протокола допроса Г. В. Линника, 26 лет, мещанина г. Градишска, Полтавской губернии, православного, грамотного: «...20 февраля днем Седов сам попросил есть и я сварил ему бульон, но Седов не успел его съесть, так как с Седовым случился припадок — стал жаловаться, что разрывается грудь, что не может согреться, несмотря на все принимаемые нами меры, впал в забытие, шла изо рта пена. Мне показалось, что Седову стало легче, так как он затих. Я в продолжении всего этого припадка находился около него, поддерживая ему голову, что Седов требовал. Последние слова Седова были: «Боже мой, Линник, поддержи». Седов затих, и когда спустя минут 15 держа его голову, я заглянул ему в лицо, отодвинув опустившуюся на глаза меховую шапку, то обнаружил, что Седов мертв. Это было в 2 часа 40 минут дня 20 февраля сего года. С большим трудом добрались до близ расположенной земли и с Пустошным похоронили Седова, сделав крест из двух сколоченных лыж. Могилы мы не могли вырыть, а обложили замерзший труп камнями, положив с правой стороны трупа флаг. Место нахождения могилы на юго-западной стороне острова кронпринца Рудольфа верст 12 от зимовки герцога Абруццкого, саженьях в 5 от уровня океана на берегу под скалою. С трупа мы сняли только карманный хронометр, вся же одежда, которая была на нем, не тронута».

Показания А. М. Пустошного, «23 года, крестьянина деревни Пустоши, Пустошинско-Амосовской волости, Архангельского уезда Архангельской губернии, православного, грамотного», так же не привнесли ничего нового. «Похоронили мы его на южной оконечности острова кронпринца Рудольфа, — вспоминал он последний день у острова Рудольфа, — верстах в 12—15 от зимовки герцога Абруццкого на берегу на откосе саженьях в 20 от воды и на 5 сажень от уровня океана, причем в могилу положили флаг с надписью на древке на английском языке: «экспедиция Седова, 1912 г.» [9].

Понятно, что за отсутствием улики прокурору Архангельского окружного суда ничего не оставалось, как закрыть дело за отсутствием состава преступления. Никто тогда и предполо-

жить не мог, что могилы на острове Рудольфа нет. Этот факт без сомнения стал бы важным обстоятельством в расследовании причин смерти Седова.

Летом 1929 г. экипаж ледокольного парохода «Георгий Седов» тщетно пытался искать могилу на мысе Бророк. Но и тогда ни у кого не возникло сомнений в правдивости показаний Пустошного и Линника. Все объяснялось причинами естественными. «Ледяные потоки мчащейся с глетчеров талой воды, размывающей каменные глыбы, наносящей кучи песка и глины, — писал один из участников экспедиции, — видимо, не пожалели и последнего приюта Георгия Седова. Наскоро сколоченный деревянный крест смыло ручьями, набросанные на его тело камни разворачивали в изобилии водящиеся здесь медведи, а пятнадцать лет диких буранов, бешеных ветров наверняка снесли и утопили в океане останки героя» [10]. Участники поисков водрузили на холме красную доску с надписью на русском и английском языках «Советская экспедиция ледокол «Седов». 1929 г.».

Возникает вопрос, почему до 1937 г., до момента обнаружения предметов, принадлежащих Седову, местом погребения считался мыс Бророк? Ответом на него могли бы стать протоколы дознания В. Визе. Еще в марте 1914 г. по прибытии на судно матросы рассказали обо всем, что с ними произошло, и в качестве доказательств предоставили свои дневники и дневник Г. Седова. Исполняющий обязанности начальника экспедиции П. Кушаков поручил географу В. Визе провести своего рода дознание. После непродолжительных расспросов и прочтения дневников, у руководящего состава экспедиции сложилось устойчивое мнение, что могила расположена на мысе Бророк.

Спустя более полугодя капитан 2 ранга П. Белавенец писал петроградскому прокурору: «Протоколы опроса находятся у Визе, что не отрицает и он сам, но на предложение мое передать эти показания Комитету, ответил лишь «хорошо, хорошо», однако документов этих до сих пор мне не передал» [8].

Даже без этих протоколов не трудно понять, что все строилось на устных показаниях матросов, которые указывали на мыс Бророк. Позже Н. Пинегин, задаваясь вопросом «Где могила Седова?», писал: «Линник и Пустошный плохо читали карту с непонятными им английскими надписями. Со слов вернувшихся можно предположить: на мысе Бророк Земли Кронпринца Рудольфа, у подножия обрывистого берега, на высоте от моря метров десять, в том месте, где кончается восточная часть ледника и начинается каменистый берег» [11].

Здесь прослеживаются явные несоответствия, которые отнести к простой безграмотности матросов никак нельзя. Ведь никто даже не обратил внимания, как разнятся сведения дневников матросов с их рассказами по прибытии на судно. Первое, что бросается в глаза —

почему матросы акцентировали внимание именно на мысе Бророк, как конечной точке своего путешествия? Даже с учетом известной магнитной аномалии в проливе Неймайера, надо сильно постараться, чтобы не опознать выдвинутый к югу мыс, точно обозначенный на карте (рис. 5). К тому же матросам не надо было «читать» карту, как считал Пинегин, и до сих пор многие исследователи считают, что они могли просто сличить увиденное с картой, что не составило бы большого труда. Их дневники говорят о достаточном для этого образовании. Большой ошибкой было бы все объяснять малограмотностью матросов. В своих дневниках они пишут и при показаниях точно читают надпись на английском языке, выгравированную на флагштоке, «Expedition leit. Sedov'a 1912—1914 г.», и при этом не могут отличить «Auk» от «Brogok», что, по меньшей мере, удивительно.

Мало веры и тому, что матрос Линник не мог показать на карте свои остановки у острова Рудольфа и при этом благополучно, всего за десять дней, вернулся назад к судну.

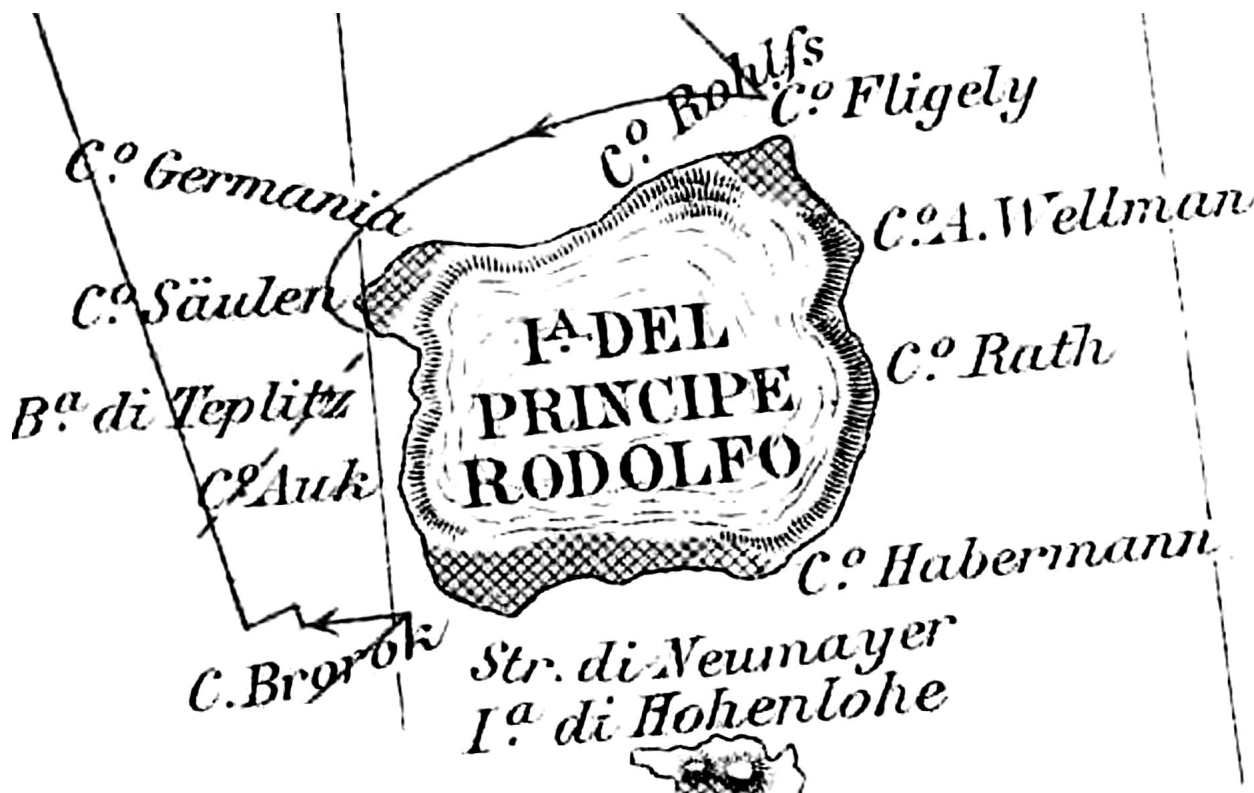


Рис. 6. Мыс Бророк

В 2010 г. шквал негодования исследователей биографии Г. Седова вызвала версия Г. П. Попова, заведующего музеем истории Арктического морского института имени В. И. Воронина в Архангельске. В своей статье «Тайна могилы Седова. Чем закончилась легендарная полярная экспедиция» он рассказал о давней встрече с известным архангельским ученым, крупным специалистом по истории освоения Севера К. П. Гемп. Ксения Петровна, лично знавшая Г. Седова, высказывала сомнение в естественности его смерти. Она и поведала По-

пову леденящую душу историю, согласно которой матросы Линник и Пустошный по прибытии в Архангельск признались ее отцу, что после смерти своего начальника они расчленили его труп и разбросали по острову, имитировав, таким образом, уничтожение могилы белым медведем. Отец Ксении, Петр Минейко, в ту пору инженер Архангельского порта, был дружен с Седовым и принимал некоторое участие в подготовке экспедиции. По всей видимости, матросы хорошо знали и доверяли инженеру, иначе эти сенсационные сведения неизбежно попали бы в материалы следствия.

Такое развитие событий, более похожее на сценарий малобюджетного триллера, можно было бы даже не рассматривать, если бы эта информация поступила от людей посторонних. В порядочности же К. Гемп и Г. Попова сомневаться не приходится, поэтому, делая непростой выбор между возможностью принять их свидетельство как факт и обвинением их во лжи, предпочтение, несомненно, первому. При поверхностном взгляде можно подумать, что мотивом такого поступка может быть только попытка скрыть следы преступления, то есть убийства Седова. Но при некотором анализе можно найти этому и другое объяснение. Дело в том, что дневники матросов и их показания дают полную картину смерти их руководителя, причем с множеством деталей, которые невозможно было бы придумать в сложных условиях написания дневников. Во всяком случае, ни одна строчка не вызывает сомнений в естественности происходящего. Для совершения такого преступления и умелого его сокрытия необходимы дерзость и крайняя степень цинизма. Такие черты характера не могли быть незамеченными на протяжении двух зимовок, где каждый человек раскрывается сообразно своим наклонностям. Линник, более всего вызывающий подозрения своим недовольством действиями офицерского состава, в целом характеризовался участниками экспедиции В. Визе и Н. Пинегиным положительно. Поэтому в силу превышения аргументов за отсутствие здесь состава преступления надо принять как факт естественность смерти Седова, тем более что доказать обратное уже совершенно невозможно.

Что же касается места захоронения, то взаимосвязь показаний К. Гемп со сведениями дневников матросов могли бы дать вполне правдоподобные версии. В этом случае основную причину отсутствия могилы, скорее всего, надо искать в действиях матросов уже после смерти Седова. Первоначально, еще 20 февраля, они «обоюдно» решают вести тело Седова на судно. «Тело же своего начальника, — писал Линник 21 февраля, — изо всех сил стараемся доставить на судно, так как дорог он был всем нам одинаково». Но к вечеру того же дня решение их меняется: «...если не найдем керосина, то придется хоронить и своего начальника». Чем же была вызвана такая перемена?

Конечно, можно было бы предположить, что спустя сутки, когда понемногу улеглись переживания, матросы уже трезво оценили свое положение и поняли, что нехватка топлива в случае непредвиденных обстоятельств на обратном пути грозит гибелью, и потому решились на захоронение. Но если весь вопрос был в недостатке керосина, как поясняли матросы, то почему они даже не попытались взять его на базе Абруццкого? Ведь проплыть бухту на одном пустом каяке было бы делом нескольких часов. Тут есть над чем подумать.

Интересным в этом отношении может быть один эпизод, происшедший на станции острова Рудольфа. Известный полярный штурман В. Аккуратов вспоминал, как в 1937—1938 гг. они с летчиком И. Мазуруком после высадки папанинцев на Северном полюсе были оставлены для страховки дрейфа СП-1 и исследовали развалины итальянской и американской экспедиций Абруццкого и Фиалы. «Однажды, — вспоминал Валентин Иванович, — нам попалась неожиданная и странная находка. Очистив ото льда одну из комнат жилого дома американской экспедиции, на столике около койки мы нашли... дамскую туфельку! Лакированная, небольшого размера, немного поношенная и отлично сохранившаяся. На ее внутренней стороне, на белой лайковой подкладке стояло золотое клеймо с надписью: «Поставщик двора его императорского величества. Санкт-Петербург». Ошеломленные, мы передавали из рук в руки это изящное изделие, ломая голову, как оно могло попасть сюда, на край земли. Одно было ясно: в экспедициях Седова и американцев женщины не участвовали. Значит, эта туфелька была сувениром... Но чьим? Видимо, Георгия Седова, женившегося перед самым походом на известной балерине Май-Маевской. Ее-то туфельку он и увез, наверное, с собой, как память о жене. Скрупулезно, как самые дотошные археологи и детективы, мы продолжали поиски. Но, увы, никаких других находок не последовало...» [12].

Учитывая тот факт, что в бухту Теплиц до 1936 г. заходила только одна русская экспедиция на ледокольном пароходе «Седов» (1929 г.) и зимовала полярная станция Ф. И. Балабина (1932—1933 гг.), которые ничего подобного здесь оставить не могли, можно было бы предположить, что туфелька куплена в Архангельске и доставлена сюда одним из участников итальянской или американской экспедиций 1899—1905 гг. Но, по утверждению летчиков, туфелька была слегка поношена, что в значительной степени опровергает эту версию. Упаковки крахмальных воротничков и шелковых сорочек, обнаруженные экспедицией О. Шмидта в 1929 г. на базе бухты Теплиц, особенного удивления не вызывают. Но дамская туфелька, тем более российского производства, вряд ли могла принадлежать иностранцам.

Предполагаемое посещение бухты Теплиц экипажем «Святой Анны» имеет здесь еще меньшую вероятность. Предположение Аккуратова о принадлежности туфельки Седову, ко-

торую он мог взять для того, чтобы оставить символический след на Северном Полюсе, так же не находит документального подтверждения. Единственными достоверными свидетелями здесь могут быть Линник, Пустошный и жена Седова Вера Валерьяновна. Кому как не им были известны тайные намерения Седова.

Штурман Аккуратов в свое время мог разрешить этот вопрос очень легко. Ему нужно было только встретиться с Верой Валерьяновной, которая жила в Ленинграде, и рассказать ей о своей находке. И если бы по описанию она опознала свою туфельку, то это свидетельство стало бы настолько громким, что, несомненно, привело к пересмотру всех событий полюсного похода, а матросы еще в 30-х гг. прошлого столетия были уличены во лжи и, скорее всего, обвинены в преступлении. Но этого не произошло. Летчики в пылу дел государственной важности, по всей видимости, забыли о находке в бухте Теплиц, и туфелька на много лет осталась без внимания. К тому же на мысе Аук вскоре были найдены фрагменты вещей Седова.

Что же касается матросов, то они в своих дневниках отмечали все достойные внимания моменты путешествия, но ни кто из них ни разу не упомянул об этом необычном обстоятельстве. После смерти начальника, пересмотрев все, что находилось на трех нартах, они решили часть снаряжения оставить, а наиболее ценное взять с собой. «Все же инструменты, приборы ввиду их ценности, — писал Линник 22 февраля, — а главное, быть может, надобности на судне, взять обратно, но до первого критического момента». Более того, матросы указывали и на «хронометрические часы», которые они сняли с тела своего начальника, и на отколотые кусочки могильного камня для жены Седова. О туфельке ни строчки. Таким образом, соотношение вероятностей складывается не в пользу принадлежности туфельки Седову, а значит, и рассматривать ее в качестве доказательства пребывания матросов на базе Аbruццкого нельзя.

Из всего этого следует, что на сегодняшний день нет никаких реальных доказательств, которые могли бы поставить под сомнение показания матросов. Есть только версии, гипотезы и предположения, которые строятся на одном единственном факте — могилы Седова на мысе Аук нет! Все попытки продвинутся в понимании того, что же все-таки произошло у острова Рудольфа, вряд ли будут иметь успех без проведения там комплексных исследований, которые должны включать в себя водолазные работы в прибрежной полосе мыса Аук, работы по определению вероятности схода ледников, снежных лавин и влияния этих факторов на рельеф подножия скалы мыса Аук. Параллельно с этим необходимо провести ряд криминалистических экспертиз фрагментов одежды и парусиновых мешков, которые являются экс-

понатами музея Арктики и Антарктики в Санкт Петербурге, на наличие следов рубленной ткани и возможных биологических остатков. Только результаты этих исследований могли бы дать ответы на многие вопросы, связанные с местом действительного захоронения руководителя первой русской плюсной экспедиции.

Кроме того, занимаясь расследованием этого дела, нельзя быть уверенным в непогрешимости одних, равно как нельзя обвинять других, не имея на то достаточных оснований.



Литература

1. Брейтфус Л. Л. Северные полярные экспедиции 1912 г. и их поиски. Петроград, 1915.
2. Osservazioni scientifiche, eseguite durante la spedizione polare di S. A. R. Luigi Amedeo di Savoia. Милан, 1903.
3. Дневник начальника полярной экспедиции Г. Я. Седова.
4. Дневник матроса шхуны «Св. Муч. Фока» А. Пустошного.
5. Дневник матроса шхуны «Св. Муч. Фока» Г. Линника.
6. Федоров Е. К. Полярные дневники. Гидрометеиздат, 1979. С. 96.
7. URL: <http://litau.ru/expeditions/zfi-2011>.
8. ГААО. Протокол опроса секретаря Седовского комитета капитана 2-го ранга П. И. Белавенца от 5 декабря 1914 г.
9. ГААО. Протокол опроса Г. Линника и А. Пустошного от 12 сентября 1914 г.
10. Громов Б. Поход Седова. Экспедиция Седова на Землю Франца Иосифа в 1929 году. Молодая гвардия, 1930. С. 62.
11. Пинегин Н. В ледяных просторах. Экспедиция Г. Я. Седова к Северному Полюсу. Издательство писателей в Ленинграде, 1933.
12. Аккуратов В. Флаг на лыжной палке. Вокруг Света. 1964. № 4.

*Рецензент — Шубин Сергей Иванович,
доктор исторических наук, профессор*

УДК 35.07. (470.1/2) (045)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

TRANSFORMATION OF THE TERRITORIAL AND SETTLEMENT STRUCTURE AS A FACTOR OF
THE CHANGE OF THE NUMBER OF COUNTRY PEOPLE IN THE ARKHANGELSK REGION



© **Константинов** Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В.Ломоносова. E:mail: alex_s_k@inbox.ru

© **Konstantinov** Aleksandr Sergeevich, Ph.D. in History, associate professor of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. E:mail: alex_s_k@inbox.ru

Аннотация. В статье представлен анализ результатов изучения вопроса о трансформации территориально-поселенческой структуры в Архангельской области как факторе изменения численности сельского населения в период между переписями населения 1926—2010 гг.

Ключевые слова: трансформация территориально-поселенческой структуры в регионе, типы сельских населенных пунктов, динамика изменения численности сельского населения, переписи населения

Abstract. The analysis of the results of studying the question of a role of the transformation of the territorial and settlement structure in the Arkhangelsk region as a factor of the change of number of country people during the period between population censuses of 1926—2010 is presented in the article.

Keywords: transformation of the territorial and settlement structure in the region, types of rural settlements, dynamics of the change of the number of country people, population census

Как влияли трансформационные изменения, происходившие в территориально-поселенческой структуре Архангельской области со времени ее образования в 1937 г., на жизнедеятельность его сельского населения? Как изменялась численность населения в регионе под воздействием процесса реструктуризации сети и типов сельских населенных пунктов? Наконец, как отразились последствия трансформационной политики органов государственной власти на социально-экономическом и демографическом развитии территории региона, которую мы называем сельской местностью?

Все выше поднятые нами вопросы были и остаются предметом научных исследований в северном регионоведении. Мы обратим внимание на несколько основательных, по нашему мнению, работ по данной теме. В первой содержится обстоятельная характеристика проблем экономико-демографического развития Архангельской области в 60-70-х годах

прошлого столетия. Она выполнена коллективом лаборатории населения и трудовых ресурсов НИИ географии Ленинградского госуниверситета и не потеряла своей актуальности в настоящее время[1]. Во второй работе проанализированы вопросы влияния социальных условий в Архангельской области на демографические процессы, на здоровье ее населения[2]. Глубокий анализ социально-экономических и демографических процессов и их влияния на различные сферы жизнедеятельности северного социума в период горбачевской перестройки и проведения рыночных реформ в постсоветском обществе представлен в монографиях профессоров САФУ А.А. Дрегалю, В.И. Ульяновского[3].

В моей статье основной акцент сделан на изучении влияния реструктуризации сети и типов населенных пунктов в сельской местности Архангельской области в 1939-2010 годах на изменение численности сельского населения. Материалы переписей предоставляют возможность составить классификацию типов населенных пунктов в сельской местности Архангельской губернии (области – с сентября 1937 г.). Трансформационные процессы, происшедшие в территориально-поселенческой структуре региона, оказывали существенное влияние на корректировку типов и подтипов населенных пунктов, общее число которых изменялось на протяжении исследуемого нами периода: 1920 г. – 46, 1939 г. – 104, 1959 г. – 70, 1989 г. – 19, 2010 г. – 13².

Одновременно нами был проведен анализ изменений, которые произошли в исследуемый период в двух основных группировках населенных пунктов: городские и сельские поселения. Первая представлена двумя типами населенных пунктов – город и поселок городского типа (ранее - фабрично-заводской, рабочий поселок). Вторая – сельские поселения включает населенные пункты, расположенные в сельской местности (151 типов и подтипов). Она условно подразделена нами на следующие группы:

- a) исторически сложившиеся типы сельских населенных пунктов (деревня, село, хутор, выселок и др.)
- b) населенные пункты сельскохозяйственного назначения;
- c) населенные пункты промышленно-хозяйственного назначения;
- d) населенные пункты транспортного назначения и его инфраструктуры;
- e) другие типы сельских населенных пунктов, включающие в себя подгруппы:
 - населенные пункты и пункты-участки всех типов;
 - населенные пункты социальной сферы;

² Источники: Список населенных мест Архангельской губернии на 1 мая 1922 года. – Архангельск: Типография Архгубсоюза Кооперативов, 1922. 302с.; ГААО, ф.1892, оп.1, д.697; оп.4, д.71; ГААО, ф.1892, оп.25, д.4885; данные территориального органа Госкомстата РФ по Архангельской области (1959, 1989г.); Сельское население Архангельской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Статистический сборник. Т.2. - Архангельск: Архангельскстат, 2012. 128с.

- населенные пункты жилищно-хозяйственного типа;
- населенные пункты барачно-казарменного типа;
- населенные пункты географического назначения;
- населенные пункты религиозного назначения;
- населенные пункты служебного назначения.

В группу *a)* исторически сложившихся типов сельских населенных пунктов по переписи 1920 года вошли 7 типов, в 1939 и 1959 годах их числилось 6, в 1989-2010 годах – 4. Группу *b)* населенные пункты сельскохозяйственного назначения составили 14 типов и подтипов населенных пунктов. Динамика их изменения типов выглядит следующим образом: 1920 г. – 2, 1939 г. – 9, 1959 г. – 6, 1989 и 2010 гг. – ни одного. В группе *c)* населенные пункты несельскохозяйственного назначения насчитывалось 29 типов и подтипов сельских поселений, в том числе: 1) поселки промышленного назначения и строительства – 11; 2) населенные пункты лесной промышленности – 11; 3) населенные пункты местной (кустарной) промышленности – 7. В переписи 1920 года в данной подгруппе зафиксировано 5 типов сельских поселений, 1939 г. – 15, 1959 г. – 17, 1989 г. – 4, которые к 2010 г. прекратили свое существование. В группу *d)* населенных пунктов транспортного назначения и объектов его инфраструктуры в общей сложности включено 24 типа и подтипа сельских поселений, к примеру, станция, порт, пристань. Из них только 5 выступали в качестве объектов переписи 2010 года. Еще одна группа *e)* включает в себя подгруппы других типов сельских населенных пунктов.

Выделение в отдельную подгруппу сельских поселений пунктов и участков обусловлено тем, что в переписи 1939 года они рассматриваются в качестве самостоятельных типов населенных пунктов. Вместе с тем следует учитывать, что слово «пункт» имеет неоднозначное толкование. Под пунктом В.И. Даль понимает под ним «место, в точности означенное (сборный пункт для войск)»³. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова пункт – это место, предназначенное для чего-нибудь и отличающееся чем-нибудь⁴. Нетрудно заметить, что слово «пункт» у В.И. Даля можно рассматривать в узком, а у С.И. Ожегова - в широком смысле. Что касается смыслового значения слова «участок», то под ним понимается часть земельной площади, занятой чем-нибудь или предназначенной для чего-нибудь (лесной участок).

В данном случае мы будем придерживаться взгляда В.И. Даля на сущность слова «пункт», учитывая его довольно широкое использование при проведении переписи 1939 го-

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.3: П. М.: Русс. яз., 1989. С.538.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка/Под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1981.С.562, 572.

да – 20 подтипов (для сравнения: участок – 6 подтипов). Как правило, этим словом обозначалось место, связанное, как правило, с временным пребыванием населения и выполнением им различных видов профессиональной деятельности. Обратим внимание на довольно интересный подтип населенного пункта этой подгруппы – подпункт, который присутствует только в переписи 1939 года. Об его назначении можно высказывать различные предположения, так как в справочных материалах информация о нем практически отсутствует.

В подгруппе населенные пункты социальной сферы в обследование попало 14 типов и подтипов сельских поселений. В переписи 1920 года отмечен один населенный пункт, наибольшее число их зафиксировано в переписи 1939 года – 9, 1959 года – 4, 2010 года – один.

Материалы переписей населения позволяют нам выделить в качестве самостоятельной подгруппы сельских населенных пунктов жилищно-хозяйственного типа. Она довольно плотно коррелирует с подгруппами «пункты и участки». Однако существенная разница между ними состоит в том, что в первом случае речь идет о жилище как условии жизнедеятельности его обитателей, во втором – о месте нахождения этого жилища. 22 типа и подтипа являлись объектами переписей населения. В настоящее время основные типы жилищ – дом, изба, чум – сохранили свои традиционные названия.

Выделение в качестве самостоятельной подгруппы населенных пунктов барачно-казарменного типа обусловлено тем, что она не встречается в качестве отдельного объекта исследования. Само ее название подчеркивает специфический характер этих поселений. Его очень точно выразил писатель В.С. Пикуль в своем романе «Из тупика»: «Свобода кончается там, где человека переселяют в барак»[4,с.100]. Данное высказывание можно полностью отнести и к такому типу населенного пункта как казарма, которая являлась объектом статистического наблюдения во всех переписях населения. К 2010 году остался один тип – это железнодорожная казарма, которая сегодня скорее выступает в качестве исторического реликта бывшего советского общества, чем местом проживания в нем населения.

Последние подгруппы сельских поселений сформированы из 12 типов населенных пунктов, из которых существует в настоящее время всего лишь только один – остров. Все остальные потеряли статус населенных пунктов (мест). К ним относятся населенные пункты религиозного (монастырь, пустынь, скит) и служебного назначения (сельсовет и др.).

В классификации сельских населенных пунктов за период между переписями 1920 и 2010 годов в Архангельской области произошли кардинальные изменения. Из 151 типов и подтипов населенных пунктов в настоящее время функционируют семь основных типов

населенных пунктов: 1) в первой группировке городских поселений - город, поселок городского типа; 2) во второй группировке - деревня, село, поселок, хутор, железнодорожные поселения. Динамика изменения численности населения по основным типам населенных пунктов в Архангельской области характеризуется следующими показателями (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика численности населения Архангельской области
по основным типам населенных пунктов**

Типы населенных пунктов	По данным переписей населения							
	Численность населения в обследованных н/п				В процентах к 1939 г.			
	1939 г.	1959 г.	1989 г.	2010 г.	1939 г.	1959 г.	1989 г.	2010 г.
Городские поселения								
Города ⁵	388625	511572	955381*	823443	100,0	131,6	245,8	211,9
Поселки городского типа (рабочие поселки) ⁶	44530	156615	196760	104241	100,0	351,7	441,9	234,1
Сельские поселения⁷								
Деревни	514048	341999	176812	116347	100,0	66,5	34,4	22,6
Села	39130	49918	71940	55507	100,0	127,6	183,8	141,8
Выселки	5587	314	-	-	100,0	5,6	-	-
Хутора	3448	1047	70	46	100,0	30,4	2,0	1,3
Поселки всех типов	70561	159378	160754	123268	100,0	225,9	227,8	174,7
Железнодорожные	15507	7890	6097	2913	100,0	50,9	39,3	18,8
Другие типы н/п	27866	1639	183	598	100,0	5,9	0,7	2,1
Починки	1901	124	-	-	100,0	6,5	-	-
Подпункты	6881	-	-	-	-	-	-	-
Участки (вкл. лесные)	3228	5878	-	-	100,0	182,1	-	-
Баракы, казармы	2183	262	24	23	100,0	12,0	1,1	1,1
*без города Мирного								

⁵ Источники: 1926 г. – ГАОО, ф.1892, оп.12, д.32, л.3-4; оп.4, д.26, лл. 12,14,16,17,20; 20об.,26,26об.; 1939г. – ГАОО, ф.1892, оп.1, д.697, лл.4а-4аоб.,10,11,38,64,90,93,101,140,173; 1979 г. – ГАОО, ф.1892, оп.25, д.4885, лл.8-22; 1989 г. - ГАОО, ф.1892, оп.27, д.18, лл.3-9; 2002 г. – данные предоставлены отделом населения территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Численность и размещение населения Архангельской области. Стат. сб. Т.1. – Архангельск: Архангельскстат, 2012. С.9-11.

⁶ Источники: ГАОО, ф.1892, оп.12, д.32, л.3-4, оп.4, д.26, лл.10,17; (1926 г.); ГАОО, ф.1892, оп.1, д.697, лл.4а-4аоб.,10,11,38,64,90,93,101,110-121,140,173 (1939г.); ГАОО, ф. 1892, оп.24, д.5703, лл.3об,4,4об. (1959-1979 гг.); ГАОО, ф.1892, оп.25, д.4885, лл.8-22 (1979 г.); ГАОО, ф.1892, оп.27, д.18, лл.3-9 (1989 г.); материалы переписей 1959, 2002 гг., предоставленные автору отделом населения территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Численность и размещение населения Архангельской области. Стат. сб. Т.1. – Архангельск: Архангельскстат, 2012. С.9-11.

⁷ ГАОО, ф.1892, оп.1, д.697; оп.4,д.71,л.1; ГАОО, ф.1892, оп.25, д.4885, л.3об.; данные территориального органа Госкомстата РФ по Архангельской области (1959,1989г.); Сельское население Архангельской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Статистический сборник. Т.2. - Архангельск: Архангельскстат, 2012. 128с. (расчеты автора).

Обратимся к анализу полученных данных по каждой подгруппе обследованных нами сельских поселений в районном разрезе.

Деревни. В 2010 году в них проживало 116772 жителей или 22,7% от уровня 1939 года (5140348 чел.). Ниже среднеобластного показателя ситуация наблюдалась в деревнях Лешуконского (12,2%), Коношского (13,3%), Няндомского (14,4%), Ленского (15,0%), Ненецкого автономного округа (16,5%), Вилегодского (18,3%), Котласского (20,8%) районов показатели снижения численности сельских жителей превышали среднеобластной. Соответствовали региональному уровню показатели Вигоградовского и Мезенского районов. В Пинежском и Приморском районах численность населения в 2010 году составляла соответственно 57,3% и 56,6% от уровня 1939 года, чуть меньше половины в Вельском (49,3%) и Холмогорском районах (49,2%). В остальных районах исследуемый показатель колебался в пределах от 26,0-30,0% (Онежский, Каргопольский, Красноборский районы) до 33,4-37,9% в Устьянском, Верхнетоемском и Шенкурском районах.

Села. Динамика изменения численности населения, проживающего в этой группе сельских поселений, была позитивной в период между переписями 1939 и 1989 годов – с 39130 до 71940 человек, или в 1,8 раза. В Каргопольском, Коношском, Няндомском районах данный тип сельского населенного типа отсутствовал с 1939 года. К 2010 году к ним присоединились еще два района - Вигоградовский и Котласский. Перепись 2010 года зафиксировала снижение численности жителей сел, по сравнению с 1989 году, 16433 чел. Эта негативная тенденция характерна для всех сельских районов, особенно Приморского, Мезенского, Ленского, Лешуконского, Вельского, Холмогорского.

Выселки. Как тип сельского населенного пункта выселок выселки рассматриваются как поселки, новоселки, по(заселение), отделившихся и занявших пустошь или заполье. При этом В.И. Даль уточняет, что речь идет о выселении кого-то, переселении, выводе или переводе с одного места жительства на другое⁸. Уточнение весьма примечательно, особенно для советского государства 30-х годов двадцатого столетия, когда выселение и переселение граждан было нормативным правилом в стране, в которой так вольно дышалось советскому человеку. В Архангельской области в 1939 году насчитывалось 149 выселков, в которых проживало 5587 человек. Этот тип поселений был представлен в Ненецком автономном округе и 11 сельских районах. В Устьянском районе находилось 84 выселков или 56,4% с населением 3332 чел. или 62% от общего числа. Минимальное число жителей составляло четыре че-

⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1: А-З. М.: Русс. яз., 1989. С.312-313.

ловека в одном выселке, максимальное - 524. В 1959 году в пяти районах области осталось 100 жителей, проживавших в 14 выселках.

Починки. В словаре В.И. Даля починок трактуется как почин, начало. При этом смысловое значение данного слова довольно широкое: начало или закладка новой пашни в лесу, а с него, и заселения. При этом синонимом слова «починок» выступают слова «выселок», новоселок, выселки⁹. Данный тип сельского поселения находился в 1939 году в двух районах Архангельской области: Черевковский - 63 починок с населением 1901 чел., Устьянский - 2 починок с 419 жителями. К переписи 1959 года починок существовал в двух районах - Устьянском (2 н/п -41 чел.) и Красноборском (2 н/п - 83 чел.). Черевковский район к этому времени был расформирован, а часть его территории отошла к двум вышеназванным районам. В переписях населения 1989-2010 годов этот тип сельского населенного пункта не встречается.

Хутора. Под хутором понимался обособленный земельный участок с усадьбой владельца. На Украине, Дону и Кубани – это небольшой крестьянский поселок.¹⁰ По переписи 1939 году в Архангельской области насчитывалось 260 хуторов с общей численностью 3448 человек. Данный тип населенного сельского пункта встречается во всех районах, кроме Карпогорского, Ленского, Лешуконского, Мезенского, Пинежского, и в Ненецком автономном округе (1 хутор с восемью жителями). Можно выделить несколько групп сельских районов с учетом расположенных в них числа хуторов и населения в них. В первую группу вошли четыре района с численностью населения хуторов от 201 до 700 чел. В ней выделим Устьянский и Вельский районы, имевших соответственно 43 хутора с 646 жителями и 33 хутора с 473 жителями. Вторую группу составили семь районов с численностью населения в хуторах от 101 до 200 человек. В третьей группе оказалось девять районов, в которых в хуторских хозяйствах насчитывалось до 100 чел. В среднем по сельским районам на один хутор приходилось 12,8 жителей: минимальное число – 9 чел., максимальное - 88чел. В последующие десятилетия численность жителей хуторов сокращалась: 1959 год – 1047 чел., 1989 год – 70 чел., 2010 год – 46 чел. К уровню 1939 года это соотношение составляло 30,4%, 2,0% и 1,3%.

Поселки. По данным переписи 1959 года, численность населения поселков возросла до 159378 чел., или в 2,2 раза по сравнению с 1939 годом. Она практически не изменилась к 1989 году, так как увеличение составило 1376 чел. В период между переписями 1989 и 2010 годов население поселков сократилось со 160754 чел. до 123268 чел. или на 23,3%. Ситуация

⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.3: П. М.: Русс. яз., 1990. С.370.

¹⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка...С.774.

могла быть еще хуже, если бы часть поселков городского типа не перевели в статус сельских поселений. В разрезе районов прослеживается несколько тенденций, как позитивного, так и негативного характера. Первая позитивная тенденция отражает рост численности жителей поселков в 1939-1959 гг. Однако в период между переписями 1959 и 1989 годов она сохранилась только в Ненецком автономном округе, в Виноградовском, Коношском, Онежском, Пинежском и Плесецком районах. В условиях перехода к рыночным отношениям перепись 2010 года зафиксировала негативную тенденцию снижения численности населения поселков в НАО и во всех сельских районах, исключая Приморский район.

Железнодорожные населенные пункты. В течение всего исследуемого периода население в данной группе сельских поселений неуклонно убывало: с 15507 чел. в 1939 году до 2913 чел. в 2010 году. Новые железнодорожные пункты появились в 1939-1989 годах в Вилегодском и Устьянском, Холмогорском районах. Рост численности населения наблюдался в 1959-1989 годах в Устьянском и Онежском районах. В последующие два десятилетия тенденция сокращения жителей в железнодорожных поселениях характерна для всех десяти сельских районов, в которых они располагались.

Другие типы сельских населенных пунктов. Наибольшее число сельских поселений в этой группе насчитывалось в 1939 году – 800, из них 379 или 51,9% приходились на Ненецкий автономный округ. На территории сельских районов располагалось соответственно 350 или 47,3% от общего числа. На территории бывшего Черевковского района находился 91 сельский населенный пункт (11,4%), в четырех районах – от 21 до 30 населенных пунктов (Приморский – 27, Верхнетоемский и бывший Емецкий – по 24, Плесецкий – 22). В восьми районах их число колебалось от 11 до 20, в остальных – менее 10. В данной группе населенных пунктов проживало, по данным переписи 1939 года, 20985 чел., из которых в Ненецком автономном округе – 8835 чел. (42,1%), в сельских районах – 11911 чел. (56,8%). В группе районов «лидирующее» положение занимали бывший Черевковский (18,8%) и Устьянский район (8,7%) от общей численности населения. Как свидетельствуют материалы переписей населения 1959-2010 годов, именно в этой группе происходил наиболее интенсивно процесс трансформации сельских населенных пунктов и оттока населения из них. К 2010 году в регионе осталось 2,2% сельских поселений от общего числа в 1939 году, а численность населения составила соответственно 2,8%.

Обратимся к анализу довольно специфической группы сельских поселений, к которой нами отнесены подпункты, участки, бараки и казармы. Речь идет о типах поселений, характерных для барачно-казарменного социализма, которые оказались объектами переписей

населения 1939-1959 годов. Ее удельный вес в сельском населении региона выражается следующими данными: 1939 год – 12292 чел. или 1,8% от общей численности, 1959 год – 6140 чел. (1,1%), 1989- 2010 гг. – 0,005-0,007%.

Подпункты как тип населенного типа функционировали на территории Архангельской области в период между переписями 1939 и 1959 годов. Их, по данным переписи 1939 года, насчитывалось 70, в которых проживало 6881 человек или 1% от общей численности сельского населения региона. Областной показатель превышен в Плесецком (6,2%), Пинежском (4,6%), Коношском (3,5%), Каргопольском (3,3%), Емецком, Карпогорском и Няндомском (по 2% в каждом) районах. Минимальная численность населения, проживающего в одном подпункте, составляла 5 чел. в Приморском районе, максимальная – 441 чел. в Карпогорском районе.

Население поселений *барачно-казарменного типа* не было многочисленным. Его удельный вес в общей численности населения региона составлял в 1939 году – 0,2% (2183 чел.), в 1959 году – 0,05% (262 чел.). В 1989 году и 2010 годах в этой подгруппе сельских населенных пунктов проживало соответственно 24 и 23 жителей. Барачный тип поселений в 1939 году имел место в восьми районах, особенно в Шенкурском (632 чел.), казарменный – в трех (Коношский, Няндомский и Плесецкий). В переписи 1959 года бараки как тип поселения отсутствовали, казарменные поселения были зафиксированы в пяти районах, а в 1989 и 2010 годах – в Устьянском районе.

«Участковый» тип сельских населенных пунктов получил распространение в 1939 году в Ненецком автономном округе и семи районах Архангельской области, в 1959 году – в пяти районах. В 1939 года в них проживало 3228 чел. или 0,5% от общей численности сельского населения. В Приозерном районе этот показатель составлял 1057 чел. (3,5%), Виноградовском – 689 чел. (2,6%), Плесецком – 775 чел. (2,4%). По данным переписи населения 1959 года, в поселениях данного типа проживало 5878 чел. или 1% от общего числа сельских жителей. В Верхнетоемском районе этот показатель равен 10%, в Вельском – 2,8%, Вилегодском – 2,4%. В переписях населения 1989 и 2010 годов участки не встречаются как объект статистического наблюдения.

Обобщим наши наблюдения по данным переписей населения 1939-2010 годов, представленных в таблице 1. В качестве позитивного момента отметим тенденцию роста населения в 1989 году, по сравнению с 1939 годом, в городах – в 2,4 раза, поселках городского типа – в 4,4 раза, поселках всех типов – в 2,3 раза, сел – в 1,8 раза. Вместе с тем за этот период остались практически без жителей такие типы населенных пунктов участки, подпункты, вы-

селки, хутора, бараки и казармы, починки, чумы и стойбища, объекты инфраструктуры социальной сферы. Численность сельского населения в деревнях сократилась практически на две трети. Если же брать временной промежуток между переписями 1989 года и 2010 года, то здесь четко просматривается негативная тенденция уменьшения городского и сельского населения по всем основным типам поселений. В городах это сокращение составило 13,8%, в селах - 22,8%, в деревнях – 34,2%, в поселках всех типов – 23,3%, в поселках городского типа – 47,0%, в железнодорожных населенных пунктах – 52,2%.

Анализ результатов переписей населения позволяет нам высказать в осторожной форме предположение, согласно которому трансформационные изменения в территориально-поселенческой структуре по отдельным группам и типам сельских населенных пунктах в регионе способствовали, сокращению численности сельского населения и оказали существенное влияние на миграционное поведение жителей сельских поселений.

Не меньший интерес вызывает изучение вопроса о динамике изменения численности сельского населения в разрезе административно-территориальных образований в регионе – Ненецкого автономного округа и сельских районов. Временные границы исследования охватывают период между переписями 1926-2010 годов. Использование материалов переписи 1926 года стало возможным в связи с пересчетом ее результатов, осуществленным областным управлением народнохозяйственного учета в границах административно-территориального деления Архангельской области на 1 января 1939 года. В представленной ниже в таблице 2, не учитываются статистические данные по Лальскому, Опаринскому и Подосиновскому районам, переданных в начале 1940-х годов состав Кировской области.

Общая тенденция в динамике изменений численности сельского населения в Архангельской области на протяжении исследуемого периода остается негативной. В 1939 году она составляла 90,9% от уровня 1926 года, в 1959 году – 75,9%, в 1989 году – 56,2%, в 2010 году – 40,1 %. В целом сельское население в регионе уменьшилось в 2,5 раза, в сельских районах – в 2 раза. В Ненецком автономном округе по отношению к максимальной численности сельских жителей в 1939 году сокращение составило в 2010 году 59,5%, тогда как к уровню 1926 года наблюдается его рост на 17, 2%.

Таблица 2

***Динамика изменений в численности сельского населения
Архангельской области (1926-2010 гг.)¹¹***

¹¹ Источники: 1926 г. - ГААО, ф.1892, оп.4, д.25, лл.3-4; 1939 г. - ГААО, ф.1892, оп.1, д.697; ГААО, ф.1892, оп.25, д.4885, л.Зоб.; 1959 г. - данные территориального органа Госкомстата РФ по Архангельской области; 1989 г. -

На основе данных переписей населения (в административных границах в год проведения переписей, кроме переписи 1959 г.)							
	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1989 г.	2010 г.	2010 г. к max	2010 г. к 1926 г.
Область*	744363	676843	564894	418120	298653	40,1	40,1
НАО	11564	33496	20061	19576	13551	40,5	117,2
Итого по районам	710196	634851	540777	386641	276299	38,9	38,9
Вельский	33634	33114	46486	31303	24961	53,7	74,2
Верхнетоемский	32492	26886	33685	24850	17060	50,6	52,5
Вилегодский	29954	27207	23002	16729	11158	37,3	37,3
Виноградовский	31494	25977	24306	14935	10735	34,1	34,1
Каргопольский	22100	29741	24306	12428	8252	27,7	37,3
Коношский	22929	30934	16184	14531	13674	44,2	59,6
Котласский	54645	31711	24929	13941	11932	21,8	21,8
Красноборский	29135	23909	30329	20506	13815	45,6	47,4
Ленский	17168	19376	28267	15591	8785	31,1	51,2
Лешуконский	15975	16419	16791	15788	7979	47,5	49,9
Мезенский	15309	13781	9318	7948	4173	27,3	27,3
Няндомский	23947	30128	17304	12465	7888	26,2	32,9
Онежский	29527	18962	13152	14522	11131	37,7	37,7
Пинежский	25290	17573	28718	36137	26978	74,7	106,7
Плесецкий	17268	32178	24923	33611	15622	46,5	90,5
Приморский	18183	24250	45517	26007	26327	57,8	144,8
Устьянский	42143	35015	42447	25655	21274	50,1	50,5
Холмогорский	30309	30152	47196	32959	25061	53,1	82,7
Шенкурский	32681	19064	25654	15305	9494	29,1	29,1

* включая сельские населенные пункты, административно подчиненных городским органам власти, а также сельские районы, подвергшие реорганизации;
** в 1926-1939 гг. – Березниковский район;

В разрезе сельских районов ситуация выглядит неоднозначной. Для ее анализа мы рассчитали два показателя: первый – отношение численности сельского населения по переписи 2010 года в районе (НАО) к численности населения по переписи 1926 года; второй - отношение численности сельского населения по переписи 2010 года в районе (НАО) к максимальной численности сельского населения (данные в таблице выделены жирным шрифтом). Результаты расчетов обобщены нами в таблице 3.

Обратим внимание на один весьма существенный момент при анализе статистических данных, представленных в таблице. При пересчете результатов переписи 1926 года в административных границах сельских районов на 1 января 1939 года в шести из них (Вилегодском, Виноградовском, Котласском, Мезенском, Онежском и Шенкурском) оказалась максимальная численность сельского населения. По данным переписи 1939 года, максимальное

число сельских жителей было достигнуто в трех районах (Каргопольском, Коношском и Нян-домском). В 1959 году в число районов с показателем «тах-население» попали Вельский, Верхнетоемский, Красноборский, Лешуконский, Приморский, Устьянский и Холмогорский районы. Из их числа в шести районах, кроме Лешуконского, рост численности сельского населения произошел за счет увеличения своих территорий, вследствие реструктуризации административно-территориальных образований (районов). Заметим, что Шенкурскому району было передано несколько сельских советов, однако, рост численности сельского населения оказался незначительным и «порог» максимального уровня 1926 года не был превзойден. Подобная ситуация наблюдалась в Пинежском районе, в состав которого вошел бывший Каргопорский район. В результате объединения численность населения превысила уровни 1926 и 1939 годов. Показатель «тах-население» достигнут в Пинежском и Плесецком районах в 1989 году.

В первую группу включены районы, показатели которых оказались ниже среднерайонного уровня – 38,9%. К ней относятся районы: Котласский (21,8%), Нян-домский (26,2%), Мезенский (27,3%), Каргопольский (27,7%), Шенкурский (29,1%), Ленский (31,1%), Виногра-довский (34,1%), Вилегодский (37,3%) Онежский (37,7%). В этой группе в период 1926-2010 годов происходило наиболее интенсивное сокращение сельского населения.

Во вторую группу вошли районы, в которых сельское население составило к 2010 году от 44,2% до 60,0% от своего максимального уровня. Среди них: Коношский (44,2%), Красно-борский (45,6%), Плесецкий (46,5%), Лешуконский (47,5%), Устьянский (50,1%), Верхнетоем-ский (50,6%), Холмогорский (53,1%), Вельский (53,7%), Приморский (57,8%).

Единственным представителем в третьей группе стал Пинежский район. В нем к 2010 году численность населения, по сравнению с максимальным уровнем 1989 годом, сократи-лась на 25,3% и превысила уровень 1926 года на 6,7%.

Обратимся к вопросу изменения численности сельского населения в Архангельской области в периоды между переписями населения. Мы их выделили четыре: 1939 г. и 1926 г.; 1959 г. и 1939 г.; 1989 г. и 1959 г.; 2010 г. и 1989 г. Статистические данные в обобщенном виде представлены в таблице 3.

Обратим внимание на имевшую место негативную тенденцию уменьшения сельского населения в целом по региону и его сельским районам. При этом она особенно проявилась в период между переписями населения в 1959-1989 годов и 1989-2010 годов. Заметим так-же, что в условиях перехода к рыночным отношениям численность сельских жителей сокра-щалась быстрее, чем в 1939-1959 годах.

Снижение численности населения за весь исследуемый период происходило в Вилегодском, Котласском и Мезенском районах. В 1926-1939 годах прирост сельского населения имел место в семи районах (Каргопольском, Коношском, Ленском, Лешуконском, Няндомском, Плесецком, Приморском) районах. В период 1939-1959 годов эта позитивная тенденция наблюдалась в десяти районах (Вельском, Верхнетоемском, Красноборском, Ленском, Лешуконском, Пинежском, Приморском, Устьянском, Холмогорском, Шенкурском). В 1959-1989 годах рост сельского населения зафиксирован только в Онежском, Пинежском и Приморском районах, в 1989-2010 годах – только в Приморском районе.

Таблица 3

Сравнение численности сельского населения в Архангельской области в период между переписями населения 1926-2010 гг

На основе данных переписей населения (в административных границах в год проведения переписей, кроме переписи 1959 г.)				
	Сравнение			
	1939 г. и 1926 г.	1959 г. и 1939 г.	1989 г. и 1959г.	2010 г. и 1989 г.
Область*	-67520	-111949	-146774	-119467
НАО	21932	-13435	-485	-6025
Итого по районам	-75345	-94074	-154136	-110342
Вельский	-520	13372	-15183	-6342
Верхнетоемский	-5606	6799	-8835	-7790
Вилегодский	-2747	-4205	-6273	-5571
Виноградовский	-5517	-1671	-9371	-4200
Каргопольский	7641	-5435	-11878	-4176
Коношский	8005	-14750	-1653	-857
Котласский	-22934	-6782	-10988	-2009
Красноборский	-5226	6420	-9823	-6691
Ленский	2208	8891	-12676	-6806
Лешуконский	444	372	-1003	-7809
Мезенский	-1528	-4463	-1370	-3775
Няндомский	6181	-12824	-4839	-4577
Онежский	-10565	-5810	1370	-3391
Пинежский	-7717	11145	7419	-9159
Плесецкий	14910	-7255	8688	-17989
Приморский	6067	21267	-19510	320
Устьянский	-7128	7432	-16792	-4381
Холмогорский	-157	17044	-14237	-7898
Шенкурский	-13617	6590	-10349	-5811
*включая сельские населенные пункты, административно подчиненные органам власти городов и городских поселений				

Представленные в таблице 3 данные позволяют выявить по каждому району временной промежуток между переписями, в который произошло наибольшее сокращение численности его населения (показатель тах-убыль). В Котласском, Онежском и Шенкурском районах показатель тах-убыль оказался самым высоким в 1926-1939 годах. В Мезенском,

Коношском и Няндомском районах он оказался характерным для периода 1939-1959 годов. Наибольшие «потери» в сельском населении произошли в 1959-1989 годах в двенадцати сельских районах. В эту группу вошли Вельский, Верхнетоемский, Вилегодский, Виноградовский, Каргопольский, Красноборский, Ленский, Приморский, Устьянский и Холмогорский районы. В последнем временном промежутке (1989-2010 годов) максимальной убыли в сельском населении достигли Лешуконский, Пинежский и Плесецкий районы.

Обобщим вышесказанное. В результате реструктуризации сети сельских населенных пунктов в Архангельской области из 151 типов и подтипов городских и сельских поселений, которые существовали в 20-30-х годах прошлого столетия, осталось семь основных типов: город, поселок городского типа, деревня, село, поселок, хутор, железнодорожные поселения. Последствия процесса перехода от многообразия элементов в территориально-поселенческой структуре этого северного региона к ее унификации, выразились не только в сокращении сельских населенных пунктов всех типов и подтипов, но и к глубоким изменениям в численности сельского населения. Как показывает проведенный нами анализ, эти изменения коснулись значительной части сельских жителей, которые в силу сложившихся обстоятельств должны были решать проблему выбора своей дальнейшей жизненной перспективы.

Литература

1. Экономика-демографическая обстановка в Архангельской области (характеристика, проблемы, рекомендации). Ред. коллег.: проф. Лавров С.Б., проф. Агафонов Н.Т., ст.н.с. Голубев А.Н. Архангельск, 1982. 143с.
2. Банникова Р.В., Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Социальные условия и демографические процессы в Архангельской области. Серия: Российский Север: социальная среда и здоровье населения. Вып. 1. Архангельск: АГМИ, 1995. 108с.
3. Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Регион: диагностика социального пространства. – Архангельск: издат. центр АГМА, 1997. 383с.; Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Социология региональных трансформаций: в 2-х томах. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010.
4. Пикуль В.С. Собрание сочинений. В 13-ти т.(18–ти кн.). Т.4. Из тупика: Роман-хроника /Сост. А.И. Пикуль. М.: Новатор, 1994. С.100.

*Рецензент — Ульяновский Виктор Иванович,
доктор социологических наук, профессор*

УДК 338.244(98)«1930/50»

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ И СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ В 1930—1950-Е ГГ.

THE SOVIET EXPERIENCE OF THE MOBILIZATION DECISIONS IN DEVELOPING THE ARCTIC AND THE NORTHERN SEA ROUTE IN 1930—1950 YEARS



© *Тимошенко Альбина Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономической истории Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук. E-mail: timoshenkoai@ngs.ru*

Timoshenko Albina Ivanovna, candidate of historical sciences, Senior Research Fellow of the department of the social and economic history of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: timoshenkoai@ngs.ru.

Аннотация. Рассматриваются проблемы мобилизационных решений в хозяйственном и военно-стратегическом освоении Арктики и Северного морского пути в 1930—1950-е гг., анализируется советский опыт реализации важных для государства социально-экономических программ в северных районах, богатых природными ресурсами

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, мобилизационные решения, государственное управление, целевые методы

Abstract. The problems of the mobilization decisions in the economic and military-strategic development of the Arctic and the Northern Sea Route in 1930-1950-ies. Analyzes the Soviet experience in the implementing important for the state of the socio-economic programs in the northern areas rich in the natural resources.

Keywords: the Arctic, the Northern Sea Route, the mobilization solutions, governance, target methods

Освоение Арктики и Северного морского пути советским правительством с самого начала представлялось в качестве важнейшей задачи, решение которой было необходимо для развития экономики страны и укрепления военно-стратегического положения государства на северных границах. Проблемы хозяйственного развития северных территорий рассматривались в связи с подготовкой планов индустриализации СССР. На I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил, которая проходила в Москве осенью 1932 г., председатель Госплана СССР В. И. Межлаук сказал, что государство придает большое значение решению проблем Севера и «уже готово наступать по всему фронту». Поэтому во втором пятилетии необходимо поставить «во весь рост проблему освоения советского Севера» [17].

В этом ключе выступали практически все присутствующие на конференции. Они говорили, что в Арктике необходимо решать в первую очередь транспортные проблемы, которые

могли бы сделать Север более доступным. Здесь требуется строительство железных и автомобильных дорог, развитие речного транспорта, создание новых авиалиний. Следующей проблемой, которую намечали ученые и представители советского государственного управления, было промышленное освоение нужных народному хозяйству природных ресурсов: огромных лесных массивов, апатитов и медно-никелевых руд Кольского полуострова, открытых в конце 1920-х гг. в верховьях Колымы и Индигирки месторождений золота и др. Много внимания уделялось проблемам изучения энергетических ресурсов Севера. В частности, было обращено внимание на энергию ветра, многоводных рек, на усиление поисков нефти, угля, газа и прочих местных топливных ресурсов на Севере, на развитие энергетической промышленности в самых отдаленных районах.

Группа Севера при Госплане СССР под руководством С. В. Славина подготовила, по их мнению, концепцию социалистического освоения Севера, которая была озвучена на конференции, почти целиком вошла в ее резолюцию и стала основой для принятия правительственных решений по Северу в 1930-е гг. Принципиальные положения госплановской концепции северного освоения в этот период сводились к следующему:

- a) Освоение Севера должно целиком подчиняться решению важнейших задач развития народного хозяйства СССР.
- b) Оно должно пока иметь ограничительный характер в связи с трудностями продвижения в северные районы и удорожанием здесь работ. На Севере необходимо строить только те предприятия, которые «вызываются самой настоятельной народнохозяйственной необходимостью и не могут быть построены в других районах с большей эффективностью и наименьшими затратами».
- c) Освоение Севера должно происходить на самом высоком техническом уровне, который бы мог превращать «осваиваемые «пятна» в действительные очаги социалистического хозяйства, на базе которых будет возможно дальнейшее более широкое освоение Севера».
- d) Базой освоения Севера должны служить старые промышленные районы, давая не только машины и технику, но делясь опытными кадрами, рабочей силой, которых на Севере острый дефицит.
- e) Кроме того, должен присутствовать дифференцированный подход к освоению каждого района Севера. «Нельзя рассматривать Север как однородное целое, несмотря на ряд общих объединяющих моментов. Проблемы Севера могут быть конкретно разрешены только по отдельным его экономическим комплексам.

Все эти стратегические идеи нашли отражение в заданиях второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, куда был включен отдельной частью раздел «Освоение Советской Арктики». Во вступлении к разделу заявлялось, что «от отдельных мероприятий по изучению и хозяйственному освоению Арктики мы переходим к планомерному, расчи-

танному на ряд лет, широкому изучению и промышленному освоению заполярных районов Советского Союза» [5].

Исходя из этого, в северных районах предполагалось более масштабное, чем ранее, развитие лесной промышленности, широкое использование лесных ресурсов с переработкой на месте лесного сырья. Указывалось, что северные районы должны обеспечить дефицитной лесной продукцией районы европейской части страны, Казахстана, Средней Азии, а также выполнять экспортные поставки СССР.

В области горной промышленности намечалось освоение апатито-нефелиновых руд на Кольском полуострове, Печорского угольного бассейна и месторождений золота в районах северо-востока СССР: в бассейнах Колымы, Индигирки, Алдана, Яны и др. Предусматривалась большая программа геологических исследований для выявления минерально-сырьевых ресурсов, использование которых окажется нужным для развития народного хозяйства страны. В 1935 г. на Азиатском Севере началось строительство Норильского горно-металлургического комплекса предприятий.

Большое внимание уделялось развитию транспортной сети, имевшей для освоения Севера важнейшее значение. Конкретные плановые задания были составлены по освоению Северного морского пути, развитию речного транспорта и строительству ряда железных дорог, способствующих решению проблем, обозначенных в концепции освоения Севера. В ней, правда, не нашлось места для реализации активно обсуждаемой идеи строительства второй после Транссиба северной широтной магистрали от Мурманска до Охотского моря (порт Аян), так называемого Великого Северного пути. После острой дискуссии на конференции по размещению производительных сил и в печати эта идея была отвергнута как несвоевременная и очень дорогостоящая.

На наш взгляд, государство в этот период действительно было не готово к масштабному освоению Севера, которое предполагало строительство Великой северной железнодорожной магистрали через всю страну, а пошло по пути так называемого меридионального развития, связанного с созданием отдельных хозяйственных «очагов». Все затратные решения были сделаны в пользу обустройства Северного морского пути.

В декабре 1932 г. для реализации намеченной программы по решению СНК СССР была создана специфическая организация под названием Главное Управление Северного морского пути (Главсевморпуть), которой вменялось в обязанность «проложить окончательно Северный морской путь от Белого до Берингова пролива, оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить плавание по этому пути» [13, с. 9].

На деятельность новой организации советское правительство возлагало большие надежды. Она, действуя на правах министерства, должна была объединить в своих рамках все работавшие ранее в Арктике организации, принадлежавшие к разным ведомствам, в том числе и Арктический институт, который в свое время создавался для изучения проблем Северного морского пути, обозначенных в качестве главных научных задач государственного значения. Директор института О. Ю. Шмидт назначался начальником Главсевморпути.

Управление должно было обеспечить комплексное социально-экономическое развитие арктических территорий СССР на основе использования новейших средств транспорта и связи, сопровождавшегося созданием портовых хозяйств и различных производственных предприятий. С помощью сотрудников Арктического научно-исследовательского института предусматривалась организация постоянно действующих полярных станций и экспедиций по изучению морей и островов Северного Ледовитого океана, которые должны были оперативно представлять информацию, необходимую для развития плавания по Северному морскому пути. Так, организованная Ленская экспедиция положила начало систематическим рейсам по доставке грузов с запада для северных районов Якутии. Она уже в 1933—1934 гг. позволила приводить в порт Тикси (устье Лены) крупные речные суда для доставки грузов вверх по реке в Якутию, в бассейн Лены, а также в бассейны Яны, Колымы, Индигирки. Через Тикси осуществлялась связь Северного морского пути и крупного речного порта Осетрово, куда позже была подведена железная дорога от Тайшета на Транссибе до Братска-Усть-Кута [16, с. 16].

В первый же производственный 1933 г. деятельности Главсевморпути произошло несколько событий, потребовавших мобилизационных решений. Кроме очередной навигации, которая уже оценивалась как обычная работа в Арктике, под руководством О. Ю. Шмидта состоялась первая большая научно-исследовательская экспедиция на пароходе «Челюскин», которая закончилась трагически, к счастью, только для парохода. Он, не обеспеченный проводкой ледоколов, попал в дрейф у берегов Чукотки и погиб, раздавленный льдами. Команда, пассажиры и научный персонал, высадившиеся на дрейфующую льдину, были сняты летчиками. Весь мир следил за спасением челюскинцев, которое было оценено как героическое событие. Вместе с тем, эпопея плавания на «Челюскине» показала, что в целом СССР еще не достиг того уровня, когда плавание по всему Северному морскому пути может быть результативным и безопасным. Во-первых, нет в нужном количестве мощных ледоколов, без которых не могут ходить грузовые суда. Во-вторых, необходимо развивать и совершенствовать полярную авиацию, которая должна летать над побережьем и океаном в любое время года.

После доклада О. Ю. Шмидта об экспедиции на «Челюскине» была образована специальная комиссия под председательством В. В. Куйбышева, которая должна была изучить все обстоятельства, связанные с освоением Арктики и Северного морского пути и подготовить предложения для принятия государственных решений. В результате 20 июля 1934 г. было принято совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства», которое стало по сути дела мобилизационной программой действия Главсевморпути в Арктике на ближайшие годы. В постановлении говорилось о необходимости изыскать возможности для строительства в СССР новых ледоколов, морских портов и радиоцентров, развития полярной авиации, строительства аэропортов и воздушных линий, специальных самолетов для Арктики, а также намечались меры по подготовке кадров полярников различной специализации. К зоне деятельности специфической организации были отнесены моря и острова Северного Ледовитого океана и континентальная территория Азиатской части страны, расположенная севернее 62-й параллели (параллель г. Якутска) [15].

Способность к активной мобилизационной деятельности закладывалась в структуре Главсевморпути, во главе которого находился начальник, назначаемый СНК СССР и подконтрольный только ему. При начальнике в качестве консультативного органа работал Совет Главсевморпути, состоящий из специалистов, но он не принимал самостоятельных решений. Персональный его состав формировался по представлению начальника, который отвечал за всю деятельность Управления. При начальнике работал сектор по подбору и распределению кадров, ему подотчетны были все специализированные и административно-управленческие отделы, научно-исследовательские и проектно-строительные организации, межведомственное бюро долгосрочных ледовых прогнозов и т. д. [8, с. 243—245].

Единоначалие в структуре Главсевморпути в какой-то степени ограничивалось только Политуправлением, действующим на основе особого положения. В 1938 г. в его составе числилось 11 политотделов и 15 освобожденных партторгов полярных станций и предприятий, в задачу которых входила постоянная работа с коллективами и отдельными людьми на всех предприятиях, подведомственных Главсевморпути. Специфика работы в Арктике, безусловно, требовала от людей большой выдержки и ответственности, которые должны были присутствовать и проявляться постоянно. По заданию руководства государства решалась важнейшая общенациональная задача, связанная с освоением территорий Крайнего Севера. Партийные организации в этой связи стали неким руководящим центром и мобилизацион-

ным механизмом не только в производственной деятельности работников Главсевморпути, но и в организации их быта и в целом жизни в Арктике.

За счет партийных организаций создавался определенный мобилизационный каркас всей многофункциональной организации. Партийные ячейки, парторги активно участвовали в работе всех подразделений Главсевморпути, идеологически и морально поддерживали полярников. Коммунисты были расставлены на руководящие посты во всех секторах управления и производства, являлись техническими и идеологическими проводниками мобилизационной политики государства. Могли и первыми от нее пострадать. Репрессии 1930—1940-х гг. часто в первую очередь обрушивались на членов партии.

С 1934 г. политработники для Арктики готовились специальным образом. В их подготовке совместно с Политуправлением участвовали высшие руководители Главсевморпути, опытные полярники и ученые, которые были искренне преданы своей работе и часто заражали своим примером желающих работать и жить на Севере. Большое значение придавалось так называемой политической учебе, в организации и проведении которой наряду с политработниками должны были участвовать все руководители самого различного ранга. Они, по Положению об организации, утвержденном СНК СССР, занимались не только производственной деятельностью предприятий, но и политическим воспитанием своих подчиненных, способствовали через внедрение различных форм соревнования развитию их трудового энтузиазма, творческого отношения к порученному делу, а также сообщали различные сведения о политике государства, о положении его в мире [7, с. 29—31]. Все это вместе взятое способствовало мобилизации людей на выполнение обозначенных государством целевых задач.

В 1935—1936 гг. состоялся уже целый ряд высокоширотных плаваний на ледоколах «Садко», «Седов», «Малыгин», «Красин». В 1936 г. ледокол «Литке» успешно перевел с запада на восток по арктическим морям два эсминца. Эта экспедиция под руководством О. Ю. Шмидта показала, что Северный морской путь может иметь не только транспортное, но и важное военно-оборонное значение. Опыт был использован в годы Великой Отечественной войны при переводе военных судов с востока на запад [14, с. 13].

Во второй половине 1930-х гг. получила большое развитие полярная авиация. В эти годы она сложилась в самостоятельную отрасль со своими особыми задачами, с опытными летчиками-полярниками, способными решать сложные и специфические задачи в условиях воздушных перелетов в Арктике. В связи с челюскинской эпопеей в СССР было учреждено

звание Героя Советского Союза. Первое почетное звание получили семь отважных летчиков-полярников, участвовавших в спасении челюскинцев.

В 1936 г. были совершены продолжительные полеты по всей трассе Северного морского пути летчиком В. С. Молоковым по маршруту Москва — остров Рудольфа — Москва летчиком М. В. Водопьяновым. Воздушная арктическая трасса вдоль евразийского побережья связала Москву с самыми отдаленными базами Советской Арктики, с ее портами, зимовками, полярными станциями и промышленными новостройками. 1937 г. ознаменовался историческими трансарктическими перелетами В. П. Чкалова, а затем М. М. Громова из СССР через Северный полюс в Северную Америку. Состоялась первая в мире экспедиция по высадке тяжелых самолетов на Северном полюсе с созданием научной дрейфующей станции «Северный полюс» во главе с И. Д. Папаниным. С этого времени самолеты полярной авиации СССР стали регулярно совершать как научные, так и стратегические наблюдательные полеты, удаляясь от побережья на значительное расстояние. Авиация все чаще стала использоваться для связи с отдаленными северными районами и зимовками, доставляя грузы и пассажиров не только в короткий навигационный период, но и в течение всего года.

К 1941 г. в распоряжении Главсевморпути имелась мощная по тем временам авиация по всему Крайнему Северу – от Архангельска до бухты Провидения. Самолеты могли летать до Владивостока. Более 200 самолетов с опытными экипажами полярных летчиков базировались в Москве, Красноярске, Тюмени, Игарке, Якутске, Тикси. Они летали по всему Северу до самого полюса, обеспечивали научные исследования, ледовую авиаразведку, проводку судов во льдах, а также транспортную связь с отдаленными северными пунктами. К 1941 г. в поле деятельности Главсевморпути имелись регулярно действовавшие авиалинии: Тюмен — Салехард, Красноярск — Диксон, Тикси — Анадырь. В Красноярске действовал авиаремонтный завод и школа полярных летчиков в Николаеве.

Строительство отечественных ледоколов и создание мощного ледокольного флота было отдельной страницей в освоении арктических пространств. До середины 1930-х гг. советский ледокольный флот состоял из ледоколов, в основном построенных в дореволюционный период или купленных за границей. Легендарный «Ермак», построенный в 1899 г., хотя и служил долго (только в 1964 г. был выведен из эксплуатации), но уже не удовлетворял возросшим потребностям морских перевозок и безнадежно устарел к началу деятельности Главсевморпути. Поэтому ставилась задача создания более мощного отечественного ледокольного флота. Практически все советские ледоколы, в том числе и атомные, построенные уже в послевоенные годы, строились на Адмиралтейском заводе в Ленинграде.

В СССР строительство мощных морских ледоколов, способных покорять арктические льды, началось в 1936 г. с постройки ледокола «Сибирь» мощностью около 12 тыс. л. с. Страна стала занимать ведущее место в мировом ледоколостроении. В начале 1950-х гг. СССР был признанным лидером по производству мощных ледоколов (более 25 тыс. л. с.), использующихся для проводки судов в арктических и в других замерзающих морях. Наиболее крупным достижением советского ледоколостроения явилась постройка в 1959 г. первого в мире ледокола с энергетической установкой на ядерном топливе — атомохода «Ленин» [10, с. 9—11].

В 1938 г. развернулось строительство Мурманского судоремонтного завода. В «Комсомольской правде» и других центральных газетах было опубликовано обращение руководства Главсевморпути и ЦК ВЛКСМ о призыве комсомольцев и молодежи на строительство завода, которое нашло горячий отклик. На строительство было подано свыше 30 тыс. заявлений из предполагавшихся 20. По воспоминаниям И. Д. Папанина, возглавлявшего в этот период Главсевморпуть, завод строился с большим энтузиазмом и очень быстрыми темпами. В начале Великой Отечественной войны он работал уже в полную силу, производил ремонты всех ледоколов и транспортных судов СССР и суда союзников, получивших во время конвоев повреждения от фашистских бомб и снарядов [14, с. 16—17].

В 1930-е гг. деятельность Главсевморпути распространялась на огромную территорию — от островов Шпицбергена и Новой Земли до Чукотки. Из года в год увеличивалось ее государственное финансирование. Если в 1933 г. его размер составлял 18 млн рублей, то в 1937 г. — 400. В итоге за пятилетие затраты государства на деятельность Главсевморпути составили 922 млн рублей. Общая сумма капитальных вложений за пятилетие составила 465 млн рублей, увеличившись с 26,4 млн в 1933 г. до 164,5 млн рублей в 1937-м. Из них одна треть была направлена на развитие морского транспорта, в том числе на строительство ледокольного флота. Более одной пятой вложений пошло на создание полярной авиации. При этом оборудовались и пассажирские авиалинии Омск — Салехард, Красноярск — Игарка, Якутск — Тикси [13, с. 16].

В 1930-е гг. Главсевморпуть с полномочиями наркомата по северным проблемам объединял усилия многих ведомств и организаций по изучению и хозяйственному освоению советской Арктики, которая все в большей степени открывала свои богатства для служения общественным целям. На Кольском полуострове были открыты запасы апатита — «камня плодородия», в бассейнах Ухты и Печоры обнаружены промышленные запасы нефти и каменного угля. На Колыме и Индигирке советские геологи открыли новые месторождения зо-

лота, которые стали основой для создания здесь крупных золотодобывающих предприятий. Надо отдать должное работе всех геологоразведочных служб и ведомств в Заполярье. Их работа была хорошо организована, она не прекращалась и в годы войны, особенно по актуальным изысканиям, связанным с поисками местных видов топливных ресурсов. В 1941 г. начались разработки угля в бухте «Угольная» для снабжения порта Провидение. В 1943 г. было освоено месторождение бурого угля в устье Сого, неподалеку от порта Тикси. В том же году был освоен угольный рудник на Нордвике. Здесь же была найдена каменная соль, которая добывалась и направлялась в рыбную промышленность, в годы войны значительно увеличившую свое производство. Велась разведка нефтяных месторождений. В бассейне Яны и в районе Певека добывалось олово и другие ценные ископаемые, которые вывозились Северным морским путем.

Комплексные мероприятия государства в Арктике предполагали и защиту северных рубежей СССР. Основным содержанием военно-стратегической программы в 1930-е гг. стало создание Северного военного морского флота. Его необходимость осознавалась российским правительством еще в конце XIX в., в годы Первой мировой войны, но проблема очень трудно решалась. Реальные действия были предприняты советским правительством с завершением строительства Беломоро-Балтийского канала, который соединил Белое и Балтийское моря, дал выход из Балтики в Северный Ледовитый океан, а через речные системы стал возможным и выход в Черное и Средиземное моря, что в военно-стратегическом отношении сразу же было оценено очень высоко.

По данным Ю. Н. Жукова, сразу же после пуска в эксплуатацию Беломоро-Балтийского канала летом 1933 г. советское правительство приняло решение о срочном возведении на р. Свирь, связывающей Ладожское озеро с Онежским, плотины для проводки судов с повышенной осадкой. Вскоре последовало решение комиссии обороны, подписанное К. Е. Ворошиловым, о переводе ряда военных судов из Балтийского моря в Белое и о базировании их в Мурманском порту. Вновь созданное объединение военно-морских сил было обозначено вначале Северной военной флотилией, позже через несколько лет стало основанием для создания Северного морского флота, который показал свою боеспособность в годы Великой Отечественной войны и в предвоенные годы мог охранять большую часть акватории Баренцева моря, подходы к Мурманскому побережью и горлу Белого моря [6, с. 320—321].

В июле 1936 г. Политбюро ВКП (б) приняло особую программу крупного военно-морского судостроения, главным мероприятием которой рассматривало строительство в Ар-

хангельске мощного военно-судостроительного завода. На верфях в устье Северной Двины предполагалось построить исключительно для Северного флота к 1 января 1942 г. два линкора, один тяжелый и четыре легких крейсера, три лидера, шестнадцать эсминцев, четыре больших подводных лодки, двенадцать сторожевиков и девять быстроходных тральщиков. Помимо того, к 1947 г. Северный флот должен был получить еще три тяжелых и два легких крейсера, авианосец, четыре эсминца, двенадцать больших подводных лодок, шесть сторожевиков и один минный заградитель [6, с. 352].

Однако эти намеченные долгосрочные планы с самого начала стали корректироваться. Завод строился медленнее, чем было определено по срокам. Северный флот пополнялся по необходимости судами Балтийского, а иногда и просто транспортного или рыболовного флотов, которые в спешном порядке оборудовались под военные.

Тем не менее, в 1941 г. Северный морской флот уже имел свою главную базу Ваенга (ныне г. Североморск), а также базировался в Мурманске, Архангельске и др. портах Заполярья, состоял из отдельного дивизиона эскадренных миноносцев из восьми кораблей, имел бригаду подводных лодок (15 судов), соединение сторожевых кораблей, тральщиков, заградителей и сторожевых катеров охраны водного района главной базы флота. Военно-воздушные силы флота насчитывали 116 самолетов-бомбардировщиков, истребителей и разведчиков. Береговая и противовоздушная оборона состояла из нескольких десятков батарей калибром до 180 мм. Северный морской флот располагал базами, аэродромами и подразделениями береговой обороны во всех важнейших пунктах Заполярья, имел налаженную службу наблюдения и связи [12, с. 784—85].

Активная мобилизационная деятельность советского государства на Севере способствовала его социально-экономическому развитию. Уже в конце 1930-х гг. здесь появились «очаги» индустрии, которые зажигались, во-первых, в портовых городах, требовавших соответствующей промышленной инфраструктуры. Кроме того, возможность сбыта продукции диктовала строительство перерабатывающих предприятий: лесопильных и рыбоконсервных заводов, горнодобывающих и лесоперерабатывающих комбинатов. Во-вторых, открытие месторождений полезных ископаемых, представляющих ценность для народнохозяйственного комплекса СССР, также могло быть основанием для рождения индустриального «очага». В этом отношении прекрасным примером является создание Норильского промышленного комплекса и города Норильска, которое началось в связи с разработкой открытых на Таймыре месторождений полиметаллических руд.

Геологические изыскания в районе Норильска уже в 1920-е гг. подтверждали его большую промышленную значимость. В экспедициях 1922—1924 гг. под руководством Н. Н. Урванцева были открыты крупные угольные месторождения, которые соседствовали с месторождениями полиметаллических руд. Это делало район Норильска с промышленной точки зрения очень перспективным. С организацией Главсевморпути Норильская геолого-разведочная экспедиция стала получать большую помощь и поддержку. В частности, в навигацию 1933 г. в Норильскую тундру Южно-Таймырской речной экспедицией были доставлены тракторы, тягачи, вездеходы. Это намного облегчило буровые работы и в целом геолого-разведку. Например, за лето 1933 г. вездеходы уже смогли перевезти около 3 тыс. т грузов и прошли около 7 тыс. км по северной части Таймырского полуострова, заменив работу 243 оленей и 442 собак [4, с. 18].

К 1934 г. геологами на Таймыре был произведен первый ориентировочный подсчет полезных ископаемых по месторождениям никеля, кобальта и угля, который был признан и утвержден Центральной комиссией по запасам полезных ископаемых СССР, а значит, район попадал в перспективные народно-хозяйственные планы государства. Начальник Главсевморпути О. Ю. Шмидт 17 апреля 1935 г. подготовил в ЦК ВКП (б) докладную записку о Норильской проблеме, в которой писал, что Норильские месторождения по мощности запасов никеля и платины является столь же важным, как и Колыма для золотопромышленности, «с теми же преимуществами по насыщенности ценными металлами (никель, платина, кобальт, палладий) и такими же трудностями по их освоению» [3, с. 62—63].

О. Ю. Шмидт утверждал, что, несмотря на трудности северного освоения, для развития Норильского промышленного района есть целый ряд экономически благоприятных факторов, не говоря уже о политических. Здесь на небольшой площади сконцентрированы высококачественные руды полиметаллов, уголь, большое количество проточной пресной воды, стройматериалы (известь, песок, глина) и флюсы (кварцевые песчаники). Кроме того, природные условия месторождений и высокая концентрация в них нужных элементов дают возможность применять здесь самые эффективные методы и технологии разработок. Предлагалось начать сооружение горнометаллургического комбината в Норильске с весны 1936 г. в три очереди с окончанием в 1940 г. Предложения начальника Главсевморпути были приняты. Вскоре последовало решение правительства о начале строительства в Норильске [3, с. 63].

В крупный индустриальный район в годы первых пятилеток превратился Европейский Север. Здесь стали развиваться такие новые отрасли промышленности, как целлюлозно-

бумажная, картонная, фанерная, мебельная, лесохимическая, лесные и рыбные промыслы получили новые импульсы развития. Только на Кольском полуострове за 1926—1937 гг. было построено 39 предприятий, в том числе горно-химический трест «Апатит», Мурманский рыбокомбинат, Нивская и Нижне-Тулумская гидроэлектростанции. В 1939 г. вступило в строй действующих крупное предприятие союзного значения «Североникель», которое стало раньше Норильского комбината обеспечивать страну никелем, кобальтом, медью и другими цветными металлами. Европейский Север являлся главным лесоэкспортным районом СССР в предвоенные годы [11, с. 305].

Эффективность северной политики советского правительства была доказана в годы Великой Отечественной войны, когда промышленные предприятия, построенные в предвоенные годы, смогли внести весомый вклад в победу над врагом, а Северный морской путь, как транспортная магистраль, стал еще более востребованным, чем в мирное время.

Государственная политика, заложившая основы социально-экономического и политического развития северных районов СССР и Северного морского пути, имела свое продолжение и в послевоенные годы, когда уже в мирных условиях были продолжены все начинания предвоенного периода. Развитие промышленных районов, золотых приисков и рудников в северных районах требовало значительного увеличения завоза грузов. Одновременно возрастала потребность страны в продукции, производимой на Севере, вывозе на экспорт сибирского леса, обслуживании быстрого развития островного хозяйства, которое после войны составляло основу материально-технического обеспечения здесь многочисленных научно-исследовательских и метеорологических станций и экспедиций, в задачу которых входило составление достоверных погодных и ледовых прогнозов в Арктике.

К научно-исследовательским работам в послевоенный период кроме Арктического института, находящегося в ведении Главсевморпути, подключились организации, созданные в годы войны в Красноярске, Новосибирске, Тюмени. В заполярных районах работали экспедиции Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР, организованном в Новосибирске в 1943 г. С 1947 г. стал работать по изучению производительных сил региона Якутский филиал Академии наук. Главное внимание уделялось геологоразведке. Восстанавливающейся после войны промышленности требовались новые минеральные и топливные ресурсы, которые, как показывали предшествующие геологические изыскания, вполне могли находиться на Севере в большом количестве.

В Ленинграде после войны был образован академический Институт геологии Арктики, который специализировался на геологической разведке нефти, угля, золота, руд различных

металлов. В результате высокоширотных воздушных экспедиций конца 1940-х — начала 1950-х гг. были открыты подводные хребты имени Ломоносова, Менделеева, Геккеля. Рельеф дна Арктического бассейна вопреки сложившимся представлениям предстал в виде сложных горных систем с глубоководными котловинами и впадинами. Эти сведения были признаны мировой научной общественностью крупнейшими географическими открытиями XX в. Они позволили понять законы движения водных масс и дрейфующих льдов Северного Ледовитого океана. Изменение представлений о структуре его ложа позволили геологам высказать предположения, что ценные полезные ископаемые могут находиться не только на его побережье, но и на дне [11, с. 64—65].

Главсевморпуть показал себя в качестве организации мобилизационного типа, способной реализовать на практике государственную стратегию хозяйственного освоения Арктической зоны СССР. Деятельность Управления стала действенным инструментом для проведения в жизнь мобилизационных решений, связанных с освоением богатых природных ресурсов на северных малозаселенных и экономически неосвоенных территориях страны, кроме всего прочего нуждавшихся еще и в военно-стратегической защите. Советский опыт создания государственных специфических надведомственных организаций, которые одновременно могли быть как хозяйствующими субъектами, так и представительствами государственной власти в отдаленных от центра районах СССР, был использован в мировой практике решения управленческих, экономических, социальных, геополитических и прочих задач в процессах пионерного освоения новых территорий [1].

Главное управление Северного морского пути оказалось именно той организацией мобилизационного типа, которая смогла стать многофункциональным государственным учреждением в Арктике, осуществлявшем плановое руководство экономическим развитием обширной территории заполярных районов СССР. Особенностью деятельности данного органа являлся его комплексный характер, выражающийся в соединении в одной системе научных, транспортных, промышленных и торговых функций, а также реализации специфических задач по развитию традиционных отраслей хозяйства и социально-культурному строительству в районах расселения коренных народов Севера. В задачи Главсевморпути также входили обязанности проведения геолого-поисковых и прочих изыскательских работ «по изучению и эксплуатации естественных производительных сил в Советской Арктике», решение социальных вопросов, обеспечение кадрами и т. п. [15, с. 483].

В послевоенные годы Главсевморпуть продолжал решать важные для дальнейшего освоения Арктики вопросы, в том числе связанные со строительством и эксплуатацией более

мощных ледоколов, транспортных судов, обладающих более прочными чем ранее корпусами и мощными машинными установками, с созданием в Арктике современных аэродромов с твердым покрытием, способных круглый год принимать тяжелые пассажирские и грузовые самолеты. В начале 1950-х гг. в составе Главсевморпути был организован Спецстрой, на который было возложено проектирование и строительство аэродромов. В результате уже к концу 1950-х гг. полярная авиация, которая ранее занималась в основном ледовой разведкой и лишь эпизодически перевозила пассажиров, стала активнее обеспечивать пассажиропотоки в Арктике. В последние годы деятельности Главсевморпути в начале 1960-х гг. полярной авиацией перевозилось до 100 тыс. человек ежегодно и по 3—5 тыс. т грузов. Спецстроем было построено множество аэродромов в Заполярье, в том числе аэродром с бетонным покрытием для г. Норильска.

В послевоенные годы Главсевморпуть, пожалуй, впервые за всю историю освоения Арктики, стал большое значение придавать социальному строительству на Севере, осваивать новые его технологии. В 1950-е гг. партия и правительство СССР приняли ряд решений о необходимости создания на северных территориях постоянных и благоустроенных поселений с целью закрепления в них населения и квалифицированных кадров. К этому времени уже были разработаны в практике строительства методы сооружения зданий на вечной мерзлоте, получены особые теплоемкие строительные материалы. Однако реализовываться эти намерения стали несколько позже, в 1960-е гг., когда Главсевморпуть уже был расформирован.

В целом СССР было государством мобилизационного типа. Поэтому и в деятельности такой специфической организации, как Главсевморпуть, в широком масштабе присутствовали мобилизационные методы, в том числе и откровенно принудительные и основанные на жесткой дисциплинарной ответственности. Они касались практически всех сторон деятельности этой полувоенной организации.

Другой подобной организацией мобилизационного типа в хозяйственном освоении и обживании арктических территорий СССР можно назвать государственный трест «Дальстрой», созданный в ноябре 1931 г. по особо секретным постановлениям Политбюро ЦК ВКП (б) и Совета Труда и Оборона СССР. Эта организация была еще в большей степени жестко мобилизационной. Она изначально мыслилась как чрезвычайная, необходимая для обеспечения добычи золота и других особо ценных полезных ископаемых (олова, кобальта, вольфрама, урана) в незаселенных людьми районах северо-востока СССР, отличающихся крайне суровыми природно-климатическими условиями. Действовала в строго секретном режиме,

используя на своих предприятиях в основном подневольный труд заключенных и спецпереселенцев. Деятельность государственного треста «Дальстрой» (Главного Управления строительства Дальнего Севера), происходившая в 1930—1950-е гг., осуществлялась в основном в организационных рамках силовых ведомств СССР. Структурные перестройки и ведомственные перераспределения предприятий не изменяли в целом мобилизационного предназначения этой специфической организации, сыгравшей на определенном историческом этапе пионерную роль в обживании и хозяйственном освоении значительной территории северо-востока СССР. В 1932—1935 гг. район, подведомственный «Дальстрою», составлял 400—450 тыс. кв. км, в 1941 г. — 2266 тыс. кв. км, а в 1953 г. — около 3 млн кв. км [9, с. 457].

Деятельность «Дальстроя» не была подконтрольной обычным органам государственной административно-территориальной власти, предусмотренным Конституцией СССР. Она подчинялась лишь высшим партийно-государственным инстанциям. Ее деятельностью постоянно интересовался И. В. Сталин. 26 ноября 1932 г. было принято особое постановление Политбюро ЦК ВКП (б), возлагавшее на начальника «Дальстроя» широкие властные полномочия, которые делали его одновременно главным административным и партийным руководителем на подведомственной территории. Кроме того, он же являлся уполномоченным ОГПУ (в 1934—1938 гг. — НКВД) СССР в регионе. Производственные планы «Дальстроя» по добыче золота и других полезных ископаемых ежегодно утверждались специальными постановлениями ЦК ВКП (б) и СНК СССР, в которых определялся и перечень основных мероприятий по обеспечению выполнения этих планов [2, с. 37].

Магаданский исследователь А. И. Широков приводит примеры неудачных попыток создания на территории, подведомственной «Дальстрою», обычных государственных и партийных органов. В 1937 г. на партийной конференции «Дальстроя» ряд делегатов предложили реформировать партийную организацию треста в соответствии с Уставом ВКП (б), но начальник треста Э. П. Берзин жестко отреагировал на это предложение, сказав, что это вряд ли будет правильно. «Мое личное мнение таково, что Колыме нужна парторганизация порядка военной... основная масса рабочей силы заключенные. Вот почему я и говорю, что нам нужна организация порядка военной организации...» [18, с. 24].

В 1939 г. по ходатайству Хабаровского крайкома партии и Крайисполкома Президиум Верховного Совета РСФСР своим указом создал в составе Хабаровского края Колымский округ с центром в Магадане, который получил статус города. Однако вмешался И. В. Сталин и по сути дела отменил это решение, признав его «схематичным и нежизненным». В качестве объяснения он подчеркнул, что «Дальстрой» — не обычное производственное управ-

ление, это «...комбинат специального типа, работающий в специфических условиях использования исключительно или почти исключительно уголовных людей», чья «...специфика требует особых условий работы, особой дисциплины, особого режима». Поэтому «в районе Колымы требуется не окружком, а партком при «Дальстрое», связанный с политотделом и подчиненный ему» [18, с. 24—25].

Таким образом, на северо-восточных территориях СССР, формально входивших в Хабаровский край, действовал особый режим чрезвычайного управления вплоть до образования в 1953 г. Магаданской области. За счет жестко мобилизационных методов через систему ГУЛАГа осуществлялось хозяйственное освоение огромной территории. Главной в деятельности «Дальстроя» была добыча полезных ископаемых. Вместе с тем, по необходимости в необжитой людьми местности велось транспортное, энергетическое и другое социально-инфраструктурное строительство, способствовавшее колонизации края. В 1930-е гг. активно велось дорожное строительство, для которого с 1933 г. было организовано специальное управление. К 1940 г. им было построено в ранее бездорожных районах в бассейне Колымы и Индигирки более 3 тыс. км автодорог, несколько мостов, не имевших аналогов среди подобных сооружений в СССР. Опорным хозяйственным пунктом стал порт в бухте Нагаева, построенный в 1933—1934 гг.

Среди поселений, созданных во времена «Дальстроя», наиболее значимыми были рудничные поселки, где одновременно дислоцировались крупные лагерные подразделения. Здесь же развивались отрасли местной промышленности, среди которых наиболее крупными были связанные со строительством и использованием местного сырья (стекольный, кожевенный заводы, завод по производству керамических изделий и т. д.). Для снабжения продовольствием создавались государственные сельскохозяйственные предприятия в виде совхозов и подсобных хозяйств предприятий и лагерных учреждений.

Одним из главных предназначений «Дальстроя» было наращивание в СССР добычи золота. Здесь в Колымо-Индигирском бассейне в первой половине 1930-х гг. работало 75 геологических экспедиций и партий, которыми было выявлено свыше 200 золотоносных месторождений, среди которых 20 было крупных месторождений с содержанием одновременно золота и олова, а также были найдены месторождения угля и других полезных ископаемых. Первенцами золотодобывающей промышленности на Колыме стали построенные к 1937 г. рудник «Кинжал» и Утинская опытная обогатительная фабрика. В 1940 г. в бассейне Колымы было добыто 80 т химически чистого золота, удельный вес его в общей золотодобыче СССР составил 46,3 %. Колыма уверенно вошла в число крупнейших золотодобываю-

щих районов не только страны, но и мира. В 1932—1956 гг. на приисках «Дальстроя» было добыто 1187,1 т химически чистого золота, 65,3 тыс. т оловянного концентрата, 2, 85 тыс. т вольфрама и около 400 кобальта в концентрате [18, с. 31].

По мнению А. И. Широкова, «Дальстрой» в 1930—1950-е гг. с помощью заключенных системы ГУЛАГа, которых через рудники Колымо-Индибирского края в 1932—1954 гг. прошло около 900 тыс. чел., осуществлял колонизацию огромной территории северо-востока СССР, сопровождавшуюся форсированным изъятием «из недр региона ценных видов минерального сырья» [19, с. 92].

Государство через такие организации, как «Дальстрой», реализовывало мобилизационные решения по добыче особо важных и уникальных полезных ископаемых на необжитых и экономически слабо освоенных территориях страны, отличающихся суровыми природно-климатическими условиями, географической удаленностью, отсутствием транспортной и хозяйственной инфраструктуры и т. д. В процессе деятельности «Дальстроя» ранее необжитая огромная территория северо-востока СССР, богатая природными ресурсами, смогла включиться в единый народно-хозяйственный комплекс страны, занять в нем ключевое место как источник редких полезных ископаемых и золотовалютных резервов.

Разработка полезных ископаемых Колымо-Индибирского края, в свою очередь, дала толчок к развитию морского транспорта Дальнего Востока, способствовала интенсификации перевозок по Северному морскому пути, внутрирегиональному дорожному и социальному строительству, развитию речных и воздушных коммуникаций. Районы, охваченные деятельностью «Дальстроя», наряду с Камчаткой имели важное военно-стратегическое значение. Их заселение и экономическое развитие укрепляло границы и тыловые районы СССР на дальневосточных рубежах. Так или иначе, в результате планомерного добровольно-принудительного перераспределения трудоспособного населения на северо-восток страны, имевшего зачастую чрезвычайный характер, решалась важная проблема государственной значимости — заселение новых районов и создание здесь условий для дальнейшего социально-экономического развития.

В послевоенные годы постепенно со смягчением политического режима и сменой руководства в СССР организации жестко мобилизационного типа уходят со сцены, но методы, отработанные ими в индустриальном освоении малонаселенных районов, остаются, хотя и значительно меняются в сторону добровольности выбора людей находиться в том или ином районе севера Сибири. Идеи создания мобилизационных организаций в том или ином контексте сохраняются, но сами созданные организации уже другого типа, хотя по главным сво-

им целям также предназначены для решения каких-то важных задач государственного значения, связанных, как правило, с сооружением крупных энергетических, транспортных и промышленно-производственных объектов на слабо освоенных в экономическом смысле территориях страны. Так, для строительства масштабных ГЭС и сопутствующих им в едином промышленном комплексе предприятий специально создавались с привлечением нескольких ведомств крупные организации, такие, например, как «Братскгэсстрой», «Красноярскгэсстрой», «Таймыргэсстрой» и др.

«Сибкадемстрой», созданный в 1950-е гг. рамках Министерства среднего машиностроения, предназначался для строительства не только академического городка под Новосибирском, но и для сооружения других объектов, в том числе и секретных, имеющих военно-оборонное значение. Крупные строительные организации, создаваемые в районах нового промышленного освоения Сибири, также можно обозначить как мобилизационные. Они действовали целевыми методами в особом чрезвычайном режиме, обеспечивались всеми ресурсами и возможностями для своей деятельности, и осуществляли не только производственное строительство, но и в целом реализовывали программы социально-экономического развития территорий на период возведения главных градообразующих предприятий. Часто руководителями этих организаций назначались военные, которые получали партийные задания по выполнению той или иной работы нестандартными методами, которые в СССР признавались наиболее эффективными в северных слабообжитых районах с суровыми природно-климатическими условиями.

В послевоенные годы сохранению мобилизационных решений на северных территориях СССР способствовал и продолжающийся рост напряженности в мире с началом «холодной войны». Образование блока НАТО не давало возможности для спокойной и мирной жизни в Советской Арктике. По всем видимым и невидимым причинам она рассматривалась как важный военно-стратегический объект. События прошедшей войны показали, что роль полярного бассейна в глобальных масштабах очень велика и с большой долей вероятности он и впредь может стать зоной боевых действий. А для дипломатии он уже стал таковым. Поэтому государственная политика СССР в Арктике в послевоенный период в основном учитывала данные реалии и оставалась по-прежнему мобилизационной. Советский опыт мобилизационных решений необходимо учитывать и в современной практике государственного управления северными территориями, богатыми природными ресурсами.

Литература

1. Агранат Г. А. Зарубежный Север: опыт освоения. М., 1970.
2. Бацаев И. Д. Очерки истории Магаданской области. Магадан, 2007.
3. Белов М. И. Научное и хозяйственное освоение севера советского Севера. 1933—1945. Л., 1969.
4. Бондарев А., Щеглов С. Город Норильск. Красноярск, 1958.
5. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. II. План развития районов. М., 1934.
6. Жуков Ю. Н. Сталин: Арктический щит. М., 2008.
7. За освоение Арктики. М., 1935.
8. Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII—XXI вв. Сборник документов и материалов. Новосибирск, 2011.
9. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. Новосибирск, 2009.
10. Каштелян В. И. и др. Ледоколы. Л., 1972.
11. Киселев А. А. Родное Заполярье. Мурманск, 1974.
12. Козлов И. А., Шломин В. С. Краснознаменный Северный флот. М., 1983.
13. Летопись Севера. Т. 7. М., 1975.
14. Летопись Севера. Т. 11. М., 1985.
15. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1967. Т. 2. 1933—1940. М., 1967.
16. Тимошенко А. И. Трансформации в российской государственной политике освоения Арктики и Северного морского пути // Государственная политика России в Арктике: стратегия и практика освоения в XVIII—XXI вв. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2012.
17. Труды первой всесоюзной конференции по размещению производительных сил Союза ССР. Т. VIII. Проблемы Севера М., 1933.
18. Широков А. И. Северо-восток в системе общественных отношений СССР в 30—50-е гг. XX столетия (теоретический и практический аспекты) // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 1. Магадан, 2006.
19. Широков А. И. Дальстрой как институт колонизации северо-востока России в 1930—1950-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2.

*Рецензент — Шубин Сергей Иванович,
доктор исторических наук, профессор*

ЭКОЛОГИЯ

УДК 502/504:001.8

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РИСКА. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ²⁴

TO THE CONCEPT OF THE ECOLOGICAL RISK. ANALYTICAL REVIEW OF THE PUBLICATIONS



© **Дмитриев** Виктор Георгиевич, ученый секретарь ФГБУ «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт», кандидат технических наук, старший научный сотрудник. E-mail: V_Dmitriev@aari.ru

© **Dmitriev** Viktor Georgievich, the Doctor of Philosophy, scientific secretary of the Arctic and Antarctic Research Institute, E-mail: V_Dmitriev@aari.ru

Аннотация. В статье приводится обзор некоторых публикаций, посвященных понятию и теории риска в контексте определения экологического риска за период с конца XX в. по 2013 г. Особое внимание уделено роли и месту теории риска, развитию «рискового» мышления в рамках парадигмы «зеленой экономики», динамике изменений понятия риска и различным подходам к определению риска в страховом и военном деле, финансовых операциях, в решении задач обеспечения продовольственной безопасности и сохранения здоровья на опасных видах производства, в науках об окружающей среде и практических мероприятиях по охране природы

Ключевые слова: Арктика, обзор, риск, экологический риск, вероятностный анализ риска, охрана окружающей среды, экология

Abstract. The article provides an overview of some of the publications on the theory and the concept of the risk in the context of the definition of the environmental risk for the period from the end of the XX-th century to 2013. Attention is given to the role and place of the theory of risk, the development of "risk" of thinking within the paradigm of the "green economy", the dynamics of changes in the concept of the risk and different approaches to the definition of risk in the insurance business, financial operations, the military, in the task of ensuring food safety and health in hazardous production, environmental science and the practical arrangements for the protection of nature.

Keywords: Arctic, review, risk, ecological risks, probabilistic risk analysis, environment protection, ecology

Современные риски нефтяного загрязнения в условиях Арктики

Арктическое направление природопользования приобретает особое значение в свете глобальных природных и социально-экономических изменений в современном мире. Истощение энергоресурсов и увеличивающаяся доступность арктических морских акваторий привлекают все больше внимание к энергетическому, транспортному, рекреационному

²⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России по государственному контракту от 14.03.2013 № 14.515.11.0001 в рамках ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007—2013 гг.».

освоению арктического региона планеты. Одновременно усиливается внимание к вопросам экологической безопасности деятельности в Арктике, которая зачастую ставится во главу угла и может быть препятствием в освоении ресурсов арктического шельфа. В этой связи необходима разработка методов оценки экологических рисков от неблагоприятных воздействий природной среды и рекомендаций по обеспечению экологической безопасности.

В 2011 г. в Печорском море была установлена эксплуатационно-буровая платформа на нефтяном месторождении «Приразломное». Также в Печорском море функционирует морской ледостойкий отгрузочный Варандейский терминал с подводным трубопроводом. Проложены ветки подводного газопровода с п-ва Ямал через Байдарацкую губу. Разрабатывается проект освоения Штокмановского газоконденсатного месторождения в Баренцевом море. Начинается работа по освоению северо-восточной части приноземельского шельфа в Карском море. Сложные природно-климатические условия арктического шельфа создают высокие природные риски для безопасности морской инфраструктуры, увеличивают стоимость проектов. Это неблагоприятные метеорологические условия: низкие температуры, вероятность сильных ветров, плохая видимость, атмосферное обледенение. Из гидрологических неблагоприятных условий следует выделить морское волнение, значительные колебания уровня моря вследствие приливов и штормовых нагонов, сильные течения. Наиболее серьезные риски обусловлены ледовыми явлениями: сильные ледовые сжатия, воздействия льда на сооружения в виде крупных и гигантских ледяных полей и айсбергов, торосов и стамух, навалы льда на берег, ледовая экзарация дна, раннее ледообразование и ряд других явлений.

Катастрофа в Мексиканском заливе дает основание предполагать возможность повышенного риска нефтяного загрязнения, что особенно опасно в условиях Арктики с учетом наличия ледяного покрова. Современный методологический аппарат оценки рисков далек от совершенства. Некоторое представление о состоянии проблем с оценками экологических рисков может дать публикуемая статья.

Парадигма «рискового» мышления

Теория оценивания рисков начала свое систематическое развитие с 40-х гг. XX в. [1] в связи с растущими потребностями обеспечения безопасности при проведении аэрокосмических операций и развитием химической промышленности.

Особенно отчетливо это проявилось в период развития ядерной энергетики, которая в немалой степени способствовала бурному прогрессу в области теории риска. Большой вклад в теорию риска внес британский ученый Ф. Р. Фармер [2], работы которого иницииро-

вали интерес к оценке социальных рисков (см., например, [3]). В упомянутой работе внимание уделено индивидуальному и коллективному рискам, при этом под индивидуальным риском понимается частота нанесения заданного ущерба индивиду в результате воздействия определенных опасностей. Коллективный риск — это отношение индивидуального риска к числу пострадавших индивидов при заданном объеме популяции.

Активному развитию теории риска в 80-е гг. прошлого столетия способствовали новые проблемы, связанные, в первую очередь, с освоением ядерной энергии, аэрокосмическими исследованиями (программа «Аполлон», катастрофа «Челленджера») и химической промышленностью [4]. В этой, уже ставшей классической, работе под риском понимается, в соответствии с [5], набор сценариев, каждый из которых имеет свою вероятность (частоту) осуществления и свои последствия. Под числовыми характеристиками понимаются статистики таких величин, как, например, смертность, сокращение продолжительности жизни и т. п. Для вычисления статистик применяется аппарат теории вероятностей, а сама процедура оценки риска получила названия вероятностно анализа риска (Probabilistic Risk Analysis).

Понимание важности проблемы оценки антропогенного воздействия на окружающую среду вкупе с осознанием конечности природных ресурсов и прогресс теории риска привели к развитию теории и практики оценки природного (environmental) и, в частности, экологического риска. Основная область применения новых идей — сфера политических и практических решений, связанных с управлением природными ресурсами (природопользованием), причем в эту сферу вовлечены не только органы власти и бизнес, но и широкая общественность. Упомянутые проблемы породили новую науку — «природную» социологию (environmental sociology), одним из основных понятий которой является риск.

В работе [6] дается сравнительная характеристика различных подходов к оценке природного риска в контексте проблем природопользования и принятия политических решений. В частности, согласно мнению авторов, традиционный подход к оценке природных рисков был фокусирован на влиянии химических токсикантов на здоровье людей. Методология оценки рисков базировалась на четырех последовательных действиях: идентификации опасности, оценке величины критической дозы, идентификации потенциальных объектов и способов воздействия и, наконец, интегральной оценке риска. С привлечением экспертов процедуры проводятся на основе статистической оценки вероятностей нанесения вреда человеку со стороны природных или антропогенных агентов, результатом служат рекомендации по планированию/управлению деятельности с учетом известной степени неопределенности.

В последующем подход к оценке риска получил развитие по двум направлениям: в области социальных проблем и в области экологических проблем. Авторы [6] отмечают интересный факт, что отнесение формальдегида и ДДТ к рискованным препаратам состоялось не в результате анализа смертности, инвалидности или нанесения вреда окружающей среде, но как следствие разногласий и несопоставимости результатов наблюдений и обсуждения этих эффектов среди экспертов и ключевых фигур с учетом моральных обязательств на уровне принятия решений. Второе направление (оценка экологического риска) стало развиваться в связи с расширением множества объектов риска путем включения в рассмотрение состояния видового разнообразия животного и растительного мира (экосистем).

Исчерпывающим по полноте примером оценки рисков морской деятельности в бельгийской части Северного моря (БЧСМ) (включая и риски негативного воздействия на природную среду) может послужить проект RAMA [7]. Анализ рисков, в частности, включал подробный перечень и описание природопользователей акватории, характеристику маршрутов передвижения, географическое распределение судов, количественный анализ грузооборота для различных типов груза, анализ аварий на акватории, разработку модели оценки рисков морских аварий (Marine Accident Risk Calculation System, Marcs), описание результатов применения модели Marcs, описание пространственного распределения биологических сообществ БЧСМ, анализ их важности и защитного статуса, определение уровней чувствительности (уязвимости) экологических и социально-экономических параметров, перечни экологических и социально-экономических параметров для побережья и морских вод, построение карт уязвимостей прибрежной и морской зоны в рамках общего сценария и для сезонных сценариев, моделирование последствий разливов нефти, разработку рекомендаций для принимающих решения лиц и предложения по развитию системы оценки рисков морской деятельности.

Проект RAMA выполнялся в течение двух лет двумя бельгийскими партнерами: консалтинговой компанией Ecolas NV (Environmental Consultancy Agency) и Морским институтом Университета Гента (Maritime Institute, University of Ghent).

Ввиду того, что методы оценки рисков в природопользовании (environmental risk assessment) все еще нуждаются в совершенствовании, они не применяются в полной мере в процессах оценки воздействий на окружающую среду (environmental impact assessment, EIA) (по крайней мере, в Австралии [8]). Тем не менее, считается, что ERA может послужить хорошим инструментом для реализации парадигмы «зеленой экономики» [9].

В настоящее время парадигма «рискового мышления» становится общепринятой нормой. Так, в Национальной стратегии США в Арктике [10] отмечено, что усилия США в области защиты природной среды Арктики и сохранения арктических природных ресурсов должны основываться на оценках риска (risk-based) для экосистем с учетом возможных изменений климата и воздействия других стрессоров. В России аналогичный подход был ранее зафиксирован в Экологической доктрине [11].

Теория риска

Развиваясь в области инженерных наук и сфере принятия решений с практическим применением в страховом и военном деле, финансовых операциях, в решении задач обеспечения продовольственной безопасности и сохранения здоровья на опасных видах производства, теория рисков нашла применение в науках об окружающей среде и практических мероприятиях по охране природы (в плане формирования политик и законодательной базы). Начало этому процессу положила деятельность Агентства по охране окружающей среды США (US Environmental Protection Agency, EPA). Как результат, возникло множество направлений теории риска, основанных на различных принципах и методологиях. Сформировались базовые концепции оценки природных рисков (ERA), оценки риска здоровья человека (Human Health Risk Assessment) и оценки экологических рисков (Ecological Risk Assessment).

К моменту написания работ [1, 12], согласно мнению авторов, не существовало единой теории риска и унифицированной терминологии, в том числе и определения понятия риска. В частности, это объясняется и неоднозначностью понятия риска в бытовом (и лингвистическом) отношении. Следует заметить, что отмеченное в [1] положение с единой теории риска сохраняется и в настоящее время.

Большинство определений понятия риска содержат три общих элемента [1]:

- a) возможность неблагоприятных последствий (вреда, ущерба, потери);
- b) вероятность того, что неблагоприятные последствия случатся (как мера неопределенности факта наступления события, распределения по времени и величины последствий);
- c) функциональная связь между вероятностью события и величиной неблагоприятных последствий.

Современная тенденция смещения методологической базы от ориентации на опасность к ориентации на риск имеет своим следствием стремление к четкому разграничению понятий опасности, неблагоприятных последствий, с одной стороны, и риска, как такового, с другой. Одновременно больше внимания уделяется системе связей между перечисленными компонентами.

Применительно к проблемам, связанным с окружающей средой, современные определения риска требуют наличие таких локализованных компонентов, как опасность, воздействие (включая объект воздействия и способ воздействия), неблагоприятное последствие, сопряженность перечисленных компонент и, наконец, неопределенность. Более подробно эти понятия раскрыты в [1].

Те же авторы формулируют экологический риск как меру, которая объединяет вероятность (частоту) какой-либо опасности и величину неблагоприятных последствий (вреда) для здоровья человека или элементов природной или искусственной окружающей среды. Риск увеличивается, если возрастает вероятность или величина вреда или то и другое вместе. Неблагоприятные последствия включают повреждение, болезнь, ущерб природным ресурсам, видовое сокращение, ущерб собственности, экономические потери и т. п.

В работе [13] излагается подробный обзор существующих подходов к понятию, оценке и применению рисков. В частности, к областям, в которых используются риски, автор относит финансовый и инженерный сектор, менеджмент, социальную сферу (включая медицину) и, особенно подробно, военное дело. В каждой сфере используются различные подходы к численному выражению риска: денежные единицы, размеры территорий, степень возможности заболевания/гибели людей и разрушения объектов, уровень общественной /политической поддержки и т. п. В число основных процедур, связанных с анализом рисков, входят оценка риска, управление риском, взаимодействие рисков и принятие решений. «Технологические» процедуры анализа риска достаточно хорошо разработаны и включают такие приемы, как анализ расхода-прибыли (*cost-benefit analysis*), анализ дерева (графа) отказов (*fault tree analysis*), установление стратегических целей (*strategic objectives at risk (SOAR)*) и др. Ключевыми проблемами оценки риска автор называет сложность (*complexity*), неопределенность (*uncertainty*) и неоднозначность (*ambiguity*).

Примером сложности проблемы оценивания рисков может служить оценка рисков пожаров. В оценку рисков пожаров авторы работы [14] включают два типа рисков: риск возникновения пожара и риск негативных последствий от пожара для экосистем. Риск пожара оценивается как вероятность возгорания и пространственного распространения пожара с учетом интенсивности и продолжительности огня, а экосистемный риск включает оценку последствий пожара для растительного и животного мира, а также воздействия на почву, которые могут иметь большую продолжительность во времени. Инструментарий для оценки рисков разработан как в предположении, что растительность и климатические параметры относительно стабильны, так и с учетом возможных изменений во времени. Оценка рисков

выполняется с применением прогностических моделей трех типов: биофизические модели предсказания возникновения пожара в зависимости от типа растительности, статистические модели и модели жизненного цикла пожара. С точки зрения гидрометеорологического обеспечения следует отметить, что первый тип моделей использует климатическую информацию, а третий тип использует пространственное распределение ветра и топографию.

В вероятностных моделях риска пожаров под риском понимается (1) вероятность появления огня, (2) условная вероятность сильного пожара при условии, что пожар случился, и (3) безусловную вероятность большого пожара.

К масштабным системным рискам (systemic risks), обусловленным событиями, имеющими неконтролируемые крупномасштабные последствия, помимо рисков стихийных бедствий (землетрясения, цунами, ураганы, извержения вулканов и др.) или рисков техногенных аварий инженерных систем (отключение электрических сетей, ядерные аварии и др.) автор работы [15] также относит и риски крупных социальных проблем. К ним относятся проблемы голода, нехватки ресурсов, войны, проблемы возможных конфликтов вследствие изменения климата, эпидемии, финансовые кризисы и т. п. Для анализа таких рисков привлекаются методы исследования хаотических структур, самоорганизации сложных систем, методы неравновесной термодинамики, теория бифуркаций и др. (см., например, [16]).

Современный взгляд на источники риска в Арктике представлен в [17]. В число факторов риска авторы включают группу природных факторов (географическая изолированность, штормы, айсберги, влияние низких температур на механизмы, полярная ночь, экологическая уязвимость, опасность загрязнения среды, высокая ответственность за воздействия на природу, опасность выбросов при бурении скважин, проблемы экспертизы морских работ), группу экономических факторов (неразвитость морской инфраструктуры, высокий уровень инвестиций, сложность логистики, потенциальные задержки судов/установок, необходимость применения уникальных технологий, недиверсифицированность поставщиков оборудования) и группу социально-политических факторов (политические аспекты, репутация, регулирование, вариабельность налоговой политики, «ресурсный» национализм, террористические угрозы, взаимодействие с коренными народами).

Понятие риска: двойственность подходов

Практически все авторы публикаций, посвященных проблеме риска, отмечают отсутствие строгого и общепринятого определения понятия риска. Спектр множества определений весьма широк: от общеметодологических формулировок до строгих математических понятий. Примером качественного определения риска может служить формулировка, при-

веденная в учебнике [18], посвященном теории экономических рисков в управлении деятельностью организаций, где категория «риск» определяется как «опасность потенциально возможной, вероятной потери ресурсов или недополучения доходов по сравнению с вариантом, который рассчитан на рациональное использование ресурсов в данном виде предпринимательской деятельности. Другими словами, риск — это угроза того, что предприниматель понесет потери в виде дополнительных расходов или получит доходы ниже тех, на которые он рассчитывал».

Другой пример можно найти в работе [19]: «...канонического определения риска современные науки не дают. Около двух десятков известных определений сводятся к частично неопределенной возможности будущих потерь, величина которых в существенной мере зависит от некоторых наших сегодняшних действий. Мы определим риск как свойство вариантов развития событий, которое осознанно или подсознательно оценивается активной системой при ранжировании вариантов будущего с точки зрения их предпочтительности для себя».

В учебном пособии [20] под риском принято понимать «вероятность (угрозу) потери лицом или организацией части своих ресурсов, недополучения доходов или появления дополнительных расходов в результате осуществления определенной производственной и финансовой политики». Автор учебника вводит два важных вида рисков: «Риск подразделяется на динамический и статический. Динамический риск связан с возникновением непредвиденных изменений стоимости основного капитала вследствие принятия управленческих решений, а также рыночных или политических обстоятельств. Такие изменения могут привести как к потерям, так и к дополнительным доходам. Статический риск обусловлен возможностью потерь реальных активов вследствие нанесения ущерба собственности и потерь дохода из-за недееспособности организации». Другими словами, динамический риск обусловлен инициативной деятельностью, в то время как статический риск определяется внешними обстоятельствами.

Анализ литературы позволяет выделить два основных подхода к понятию риска:

- a) риск — это ожидаемый ущерб (как правило, в стоимостном выражении) с указанием меры неопределенности его достижения;
- b) риск — это безразмерная мера неопределенности осуществления неблагоприятного события с заданным ущербом/уровнем вреда

По всей видимости, первый подход обусловлен использованием понятия риска в сфере финансов [21, 22, 23] и особенно страховом деле, в рамках которого теория риска получила наибольшее развитие, что и привело к вычленению математических методов оценки

рисков в специальный раздел математики — так называемую актуарную математику (см., например, [24, 25]). Второй подход связан, скорее всего, с расширением сферы применения понятия риска в сторону процессов принятия решений для обеспечения безопасности деятельности.

Принципиальное различие подходов отчасти может быть объяснено тем обстоятельством, что, как указывают авторы работы [26], в английском языке слово «риск» имеет два значения: существо неблагоприятного события и вероятность (возможность) этого события. Взаимосвязь этих подходов очевидна: имея совокупность неопределенностей осуществления неблагоприятного события с заданным ущербом для исчерпывающего множества различных ущербов, можно оценить ожидаемый средний (максимальный, минимальный, наиболее вероятный и т. п.) ущерб и получить представление о вероятностном распределении ущерба. При этом под ущербом может пониматься и более широкое понятие вреда в соответствующих единицах измерения.

Подробный анализ различных определений понятия риска приведен в работе [28]. Автором приводятся 17 примеров различных определений, предложенных в период с 1901 по 2009 гг., из них 14 формулируют риск как вероятность (правдоподобность) возникновения нежелательного эффекта (вообще или заданного) и два определения содержат термин «сочетание» вероятности события и его величины, одно определение дается как средний ущерб и, наконец, определение ISO 2009, которое под риском понимает влияние неопределенности на поставленные цели. В той же работе опубликована таблица математических выражений для рисков, применяемых специалистами различных дисциплин (инженерия, экология, токсикология, рыболовство, биозащита и теория решений). В большинстве случаев выражения для риска носят обобщенный характер, не позволяющий выполнять вычисления, причем в явном виде ни в одном выражении в число аргументов не входят гидрометеорологические параметры.

Показательное (в смысле нестрогости) определение риска дается в книге [29]: риск — это концептуальное понятие, используемое для осознания объектов, сил или обстоятельств, которые могут представлять угрозу (опасность) людям или материальным ценностям. Описание риска, как правило, выполняется в терминах правдоподобности вреда или ущерба от опасности и обычно включает идентификацию возможного вреда или ущерба (объектами риска могут быть, например, здоровье человека или биосистемы, собственность, качество жизни, экономическая активность), опасности, которая может привести к вреду или ущербу, и представления о степени вероятности этого события.

Еще одним примером «расплывчатого» определение риска может служить работа [30]. Под риском здесь понимается характеристика системы, для которой известны вероятности того, что определенные состояния или исходы имели место или могут произойти. Риск — сочетание вероятности события и соответствующих ему последствий. Решения, которые принимаются с учетом риска, относятся к решениям в условиях неопределенности.

В то же время в базовом документе Всемирной организации здравоохранения под риском однозначно понимается вероятность неблагоприятного эффекта на организм, (эко)систему, популяцию (или часть популяции), произведенного внешним воздействием в определенных обстоятельствах [31]. При этом эффектом считается изменение состояния или динамики объекта воздействия.

Нечеткость в определениях понятия риска прослеживается до последнего времени. Так, например, в руководстве, подготовленном в Университете Кренфилда (Cranfield University) [32], под риском понимаются потенциальные последствия опасности в сочетании с их вероятностями (правдоподобием). Примечательно, что во многих публикациях либо не дается определение риска, либо определение носит качественный характер (включая, например, слова «сочетание», «интегрирование» и т. п. [33]), при этом весьма подробно описывается процедура оценивания риска как многоэлементного процесса.

К настоящему времени методология анализа и управления рисками в процедурном плане достаточно хорошо разработана. Общие подходы подробно изложены в международных стандартах [34, 35], причем универсальность изложения позволяет применять разработанную методологию практически в любых отраслях деятельности. Подобная универсальность обусловлена однородностью аналитических и прогностических задач, возникающих в анализе риска.

Согласно подходу Международной организации стандартов (the International Organization for Standardization, ISO), риск — это «влияние неопределенности на цели» [36, 37]. Подробное описание нового стандарта, принятого вместо стандарта [38], можно найти в работе [39]. В той же работе подчеркивается, что новое определение риска улучшает прежнее, ограничивающее понятие риска «сочетанием» влияния и неопределенности.

В статье [40] проводится сравнительный анализ международного стандарта ISO 31000:2009 и стандарта Комитета спонсорских организаций Комиссии Тредвея (The Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, COSO, США). В последнем под риском понимается возможность возникновения события, которое может оказать отрицательное воздействие на достижение поставленных целей. Характерно, что определение

COSO в явном виде формулирует риск как меру неопределенности, однако ограничивает сферу последствий лишь поставленными целями. Определение риска по ISO 31000:2009 как «влияние неопределенности на цели» отдает приоритет оценке воздействий в условиях неопределенности.

Подробный анализ различных подходов к проблеме управления рисками на примере стандарта [41], работ Института менеджмента риска (Великобритания, Institute of Risk Management), «Оранжевой книги» министерства экономики и финансов Великобритании (HM Treasury) и международной ассоциации «Институт внутренних аудиторов» (Institute of Internal Auditors) приведен в [42]. В целом можно отметить, что двойственность в определениях понятия риска сохраняется.

Детерминированный подход

Хотя атрибутивность неопределенности в оценках риска общепризнанна, детерминированный подход остается актуальным. В статье [43] дается описание детерминированного подхода к понятию экологического риска (рискового отношения (riskquotient, RQ)) как отношения оценки концентрации привнесенного вещества (Predicted Environmental Concentration, PEC) к оценке безопасной концентрации (Predicted No-Effect Concentration, PNEC). Величина PEC определяется на основе анализа воздействия, а величина PNEC оценивается на основе анализа производимого эффекта. Случай, когда RQ больше единицы, означает, что привнесенное вещество может привести к вредным последствиям.

Близкий подход применительно к мультипликативным источникам загрязнения с учетом адаптации к сезонным особенностям и видам стихийных бедствий предложен в работе [44]. В отечественной литературе аналогичный подход изложен в учебном пособии [45].

Авторы крупного европейского проекта ARAMIS по разработке сценарного подхода к оценке (техногенных) рисков (в состав исполнителей входят 14 научных организаций из семи стран: Дании, Испании, Италии, Польши, Словении, Франции и Чехии) используют понятие индекса риска, которое определяется как мера (количественная или качественная) совокупности факторов, представляющих угрозу для (технической) системы [46]. Важной характеристикой риска, по мнению авторов [46], служит индекс серьезности риска (the risk severity index), который определяется как сумма произведений вероятностей реализации факторов опасности (dangerous phenomen) и специфических для каждого фактора индексов серьезности риска. Суммирование ведется по числу факторов опасности. Здесь предполагается, что в случае реализации критического события (critical event) могут проявиться несколько факторов опасности, имеющих различную степень негативного эффекта (специфических индексов

серьезности риска). Специфические индексы измеряются в баллах от 0 до 100 для четырех уровней эффекта (незначительного, обратимого, необратимого и катастрофического).

Общий индекс серьезности риска вычисляется суммированием по числу критических событий произведений вероятностей (частот) возникновения критических событий на соответствующие индексы серьезности риска и нормируется в пределах от 0 до 1000. Далее вводятся четыре градации общего индекса серьезности риска: при значениях в пределах более 750 риск экстремально высок, от 750 до 300 — риск высокий, от 300 до 50 — риск средний и для остальных значений — низкий. Вычисляя индекс серьезности риска как функцию от расстояния между источником опасности и точкой оценивания риска, можно построить карту зонирования территории (в общем случае в трехмерном пространстве и даже с учетом времени) по степени рискованной опасности, что служит методологической основой зонирования территории. Более подробно см. [47].

Риск как «сочетание» ущерба и вероятности

Как уже отмечалось, понятие риска как ожидаемого ущерба (чаще всего в сочетании с вероятностью ущерба) очень распространено. В большинстве работ, опубликованных до середины первой декады XXI в., под риском понимается «комбинация (сочетание) вероятности события и его последствий» [48, 49]. Авторы работы [5] под риском понимают набор сценариев, каждый из которых характеризуется своей вероятностью осуществления и своими последствиями. В обзоре [50], посвященном анализу публикаций периода 1976—1981 гг., касающихся проблемы оценки риска в ядерной энергетике, приводятся следующие определения рисков:

- a) риск как ожидаемые последствия;
- b) риск как вероятность в сочетании с последствиями;
- c) риск как вероятность катастрофы;
- d) риск как общее понятие, отражающее меру последствий или вреда.

Примерами такого подхода могут служить работы [51, 52] и др. Тот же подход к определению риска (в том числе и экологического риска) приводится в учебном пособии [53]. Авторы пособия под негативными последствиями понимают ущерб, выраженный в денежных единицах. В работе [54] справедливо отмечено, что обычная интерпретация понятия риска как комбинации опасности и уязвимости не является математической операцией, но имеет целью фиксацию связи вероятности неблагоприятного события с ожидаемым исходом. Отмечая, что важнейшую роль в оценке рисков играет понятие неопределенности, авторы анализируют подходы, основанные на теории вероятностей, нечеткой логики и их комбинации, отдавая предпочтение именно гибриднему подходу. В известном учебном пособии [55] (см.

также второе издание [25]) в неформальной трактовке риском называется «совокупность значения возможного ущерба в некоторой стохастической ситуации и его вероятности».

В работах [56, 57] техногенный риск рассматривается как математическое ожидание последствий (ущерба) от свершения исходных событий, при этом вероятность события и значение ущерба принимаются как случайные величины (независимые или зависимые).

Фундаментальная работа [58], выдержавшая три издания, содержит подробное изложение процесса анализа риска с примерами оценок рисков выполнимости проектов, разнообразных финансовых рисков, рисков в страховом деле, а также рисков нарушения микробиологической безопасности продовольствия и импорта животных. Базовое понятие риска — ожидаемый ущерб. Кроме того, автор вводит понятие «жесткости» (severity) риска как суммы ранжированных вероятностей осуществления неблагоприятных событий и ранжированных величин ущерба. Следует отметить, что к настоящему времени разработано и успешно реализуется программное обеспечение, предназначенное для анализа рисков. В частности, программное обеспечение компании ModelRisk (<http://www.vosesoftware.com/>) основано на результатах работы [58].

Авторы работы [59] собственно риском считают произведение вероятности неблагоприятного события (accident) на степень неблагоприятности, понимая под последней произведение индекса опасности на уязвимость объекта риска, исчисляемой в условных целочисленных единицах (от 0 до 10). К объектам риска относятся охраняемые природные объекты (национальные заповедники, основные сельскохозяйственные угодья, болота, территории с заданной плотностью населения, необработанные земли и пр.).

Следуя [46], авторы работы [59] вводят понятие зон природного риска (environmental risk field, ERF) для пространственно распределенных групп территорий, подверженных рискам различного происхождения как интегрированный результат совокупного воздействия. Выделение ERF предполагает, что, хотя отдельные части могут содержать различные природные компоненты, «рисковые условия» одинаковы для всех частей. Для каждой части ERF может быть определена интенсивность риска (risk intensity) как пространственный эффект воздействия источника риска безотносительно к объектам риска. Интенсивность риска вычисляется путем суммирования произведений вероятностей различных выбросов загрязнений и частных интенсивностей риска (для данного вида загрязнения). Суммирование ведется по числу случаев выброса загрязнений. Частная интенсивность риска определяется авторами [59] как отношение концентрации загрязнителя после выброса и распространения к пре-

дельно допустимой концентрации и называется также индексом опасности (environmental hazard index).

Приведенные конструкции лежат в основе зонирования пространства по степени риска. На степень риска, обусловленного внезапным выбросом поллютантов, влияют два фактора: интенсивность ERF (как фактор потенциальной подверженности опасностям) и уязвимость природной среды (чем уязвимей объекты, тем выше риск неблагоприятного воздействия). При зонировании выделяют три зоны: зона приемлемого риска (высокий уровень сопротивляемости воздействиям), зона повышенного риска (избыток рискованных ситуаций, требующий корректуры индустриального развития и принятия мер защиты) и зона, нуждающаяся в снижении риска (риски высоки и требуется вмешательство по снижению рисков либо путем уменьшения источников опасностей, либо за счет управления соотношением количества опасностей и объектов риска).

Проблема неопределенности

Понимание ведущей роли неопределенности в анализе и оценке риска, в том числе и экологического риска, способствовало развитию статистического подхода, базовыми методами которого служат вероятностный (частотный) анализ и байесовский подход [60]. В работе [61] приводится краткий обзор развития вероятностного анализа в области оценки риска. Согласно [62], понятие риска относится к влиянию неопределенности на достижение целей. Риск выражает вероятность события и его «вклад» наравне с возможностью воздействия на достижение целей некоторой структуры (организации). Как видно, это определение вполне согласуется с определением международного стандарта [41]. Принципиальная неустранимость неопределенности в процессах оценивания рисков исключает возможность принятия безупречных решений, но оставляет шанс выбора «лучшего» решения [63].

Байесовский подход к оценке риска служит средством более глубокого изучения влияния неопределенности на оценку риска, для изучения взаимовлияния неопределенностей различной природы, а также используется для обоснованного включения в расчеты величины риска субъективных мер доверия и экспертных оценок и верификации моделей оценки риска [64, 65]. Предложения по применению интервального оценивания (в вероятностной трактовке) можно найти в [66].

Риск как вероятность ожидаемого ущерба (вреда)

Неформализованность терминов «совокупность», «сочетание» (см. [67]), «с учетом» [68] отражают сложность проблемы оценки рисков, решение которой в конкретных случаях предполагает всесторонний анализ источников опасностей той или иной деятельности как со

стороны внешних условий, так и индуцируемых самой деятельностью, с последующим качественным анализом.

Так, согласно федеральному закону «О техническом регулировании» [68], «риск — вероятность причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений с учетом тяжести этого вреда».

В учебнике [69] приводятся следующие рассуждения о понятиях опасности, уязвимости и риска: «Представляется, что категория «риск» является производной не только от понятия «опасность» (что неоднократно подчеркивалось многими исследователями), но и понятия «уязвимость». Оно характеризует утрату объектом (субъектом) устойчивости (защищенности) к оказываемому на него неблагоприятному воздействию» и дается определение вероятности опасности в виде формулы полной вероятности (правда, «при осуществлении совокупности некоторых событий», при этом совокупность этих событий не раскрывается), однако под риском, все-таки, понимается традиционное понятие среднего ущерба».

Но уже в законе «Об охране окружающей среды» [70] определение для экологического риска дано без нечетких терминов: «Экологический риск — это вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера».

Вариантом строгого подхода к «сочетанию» ущербов и неопределенностей может служить цитата из [55]: «...теоретико-вероятностным аналогом понятия ущерба, очевидно, является понятие случайной величины. Совокупность же значений случайной величины и их вероятностей в теории вероятностей задается распределением случайной величины. Таким образом, под риском хотелось бы понимать случайную величину. Однако, если риски отождествляются со случайными величинами, заданными на разных вероятностных пространствах, задача сравнения таких рисков оказывается принципиально неразрешимой и даже бессмысленной, так как соответствующие им случайные величины как функции элементарных исходов зависят от аргументов, имеющих разный смысл. Поэтому в подобных ситуациях приходится отождествлять риски с функциями распределения». В цитируемой работе объектом исследования является распределение случайной величины итогового страхового фонда или остатка средств страховой компании по некоторому фиксированному множеству договоров страхования.

Математическое обоснование моделирования финансовых рисков как функционалов на множествах распределений с определенными свойствами разработано в работе [70]. В этой работе измерение риска понимается как количественное описание предпочтений на множестве вероятностных распределений.

Лаконичное, но вполне исчерпывающее определение риска дано в лекциях [71], где риском называется любое распределение из множества всех вероятностных распределений на измеримом множестве результатов (т. е. на множестве результатов с соответствующей σ -алгеброй). В строгой постановке задачи в работах [55, 25] под риском (точнее, под индивидуальным риском) понимается распределение случайной величины (в динамическом случае — случайного процесса) итогового страхового фонда или остатка средств страховой компании по некоторому фиксированному страховому портфелю.

Поскольку далеко не всякий вред может быть дан в стоимостном (а иногда и вообще в численном) выражении (особенно это касается экологической безопасности, медицинских и социальных проблем), при априорном анализе возможных негативных последствий акцент делается на оценку неопределенности осуществления опасных событий. Так, в работе [72] под риском понимается неопределенность в возникновении последствий, которые могут повлиять на принятие решений. В число таких последствий могут входить возможности получения (потери) доходов, нанесения вреда здоровью, другие последствия, сказывающиеся на благосостоянии, т.е. неопределенность, которая «имеет значение».

Согласно работе [73], критерии рисков имеют выраженный вероятностный характер и определяются вероятностью (или частотой) реализации угроз для человека, общества и государства и величиной ущерба при этой реализации. В ряде случаев под критериями рисков понимают только вероятности или частоты неблагоприятных, опасных или катастрофических явлений.

В отчете ЕРА, предназначенном для предварительного общественного обсуждения [73], подробно и на доступном неспециалистам языке описываются понятия и процедуры вероятностного анализа с выходом на принятие решений. Приводится глоссарий (что вообще характерно для подобного рода документов) с расшифровкой всех специальных терминов. В частности, понятие риск понимается в четырех смыслах: 1) риск включает рассмотрение возможности неблагоприятного исхода, частоту, с которой один или несколько неблагоприятных исходов происходят, включая степень серьезности последствий, 2) под риском понимается возможность реализации нежелательных, неблагоприятных последствий для человеческой жизни, здоровья, собственности или окружающей среды, 3) вероятность неблагоприятных последствий.

гоприятных эффектов как результат воздействия одного или нескольких природных факторов, 4) ответы на вопросы: что может пойти неправильно, насколько это приемлемо и каковы будут последствия.

Литература

1. Lexer W., et al. (IMP)3 Risk Assessment. D 3.2 Report WP 3 / Improving the Implementation of Environmental Impact Assessment. Sixth Framework Programme. 2006. 245 p. URL: http://www.umweltbundesamt.at/fileadmin/site/umweltthemen/UVP_SUP_EMAS/IMP/IMP3-Risk_Assessment.pdf (дата обращения: 11.04.2013).
2. Farmer F.R. Siting Criteria – a New Approach // *Atom*. Vol. 128. 1967. Pp. 152–170.
3. Ball D., Floyd P. Societal Risks. Final report / Risk & Policy Analysts Limited. 1998. 84 pp. URL: <http://www.rpald.co.uk/documents/J198-SocietalRisk.pdf> (дата обращения: 11.04.2013).
4. Bedford T., Cooke R. Probabilistic Risk Analysis: Foundations and Methods / Cambridge University Press. First published 2001. Sixth printing 2009. 393 pp.
5. Kaplan S. and Garrick B. J. On the quantitative definition of risk // *Risk Analysis*, 1, 11–27, 1981.
6. Picou J. S. and Marshall B. K. Contemporary Conceptions of Environmental Risk: Implications for Resource Management and Policy // *Sociological Practice: A Journal of Clinical and Applied Sociology*, Vol. 4, No. 4, 2002. Pp. 293–313.
7. Le Roy, D. et al. Risk analysis of marine activities in the Belgian Part of the North Sea (RAMA) / Research in the framework of the BELSPO Global change, ecosystems and biodiversity – SPSDII, April 2006. 107 pp.
8. Hyett D. Environmental risk assessment in environmental impact assessment – optional or mandatory? // IAIA10 Conference Proceedings: The Role of Impact Assessment in Transitioning to the Green Economy. 30th Annual Meeting of the International Association for Impact Assessment 6–11 April 2010, International Conference Centre Geneva – Switzerland. 6 pp.
9. Runnels D. Environment and Economy: joined at the hip or just strange bedfellows? // *S.A.P.I.EN.S.*, (4.2). 2011. URL: <http://sapiens.revues.org/1150> (дата обращения: 11.04.2013).
10. National strategy for the Arctic region / The White House. Washington. 2013. 13 pp.
11. Экологическая доктрина РФ. Одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р.
12. Cornaro A., et al. (IMP)3 Policy Options. D 5.2 Final Report / Improving the Implementation of Environmental Impact Assessment. Sixth Framework Programme. 2006. 145 p. URL: http://ec.europa.eu/environment/eia/eia-studies-and-reports/D5_2-IMP3-FinalReport.pdf (дата обращения: 07.05.2013).
13. Bowen C. Taming the Leviathan – a New Approach to Risk for the Military Leader. 2012. URL: <http://ssrn.com/abstract=2182321> (дата обращения: 10.04.2013).
14. Weinstein D. and Woodbury P. Review of Methods for Developing Probabilistic Risk Assessments. Part 1: Modeling Fire / General Technical Report – Pacific Northwest Research Station, USDA Forest Service. No. PNW-GTR-802(2). 2010. Pp. 285–302.
15. Helbing D. Systemic Risks in Society and Economics // *In Social Self-Organization*. Springer, Berlin, Heidelberg. 2012. Pp. 261–284.
16. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

17. Managing Risk on the New Frontiers of Energy Exploration // Marsh Risk Management Research, 2013, Marsh & McLennan Companies. URL: <https://usa.marsh.com>.
18. Шапкин А. С, Шапкин В. А. Теория риска и моделирование рискованных ситуаций / М.: Дашков и К., 2005. 880 с.
19. Вяткин В. Н., Казак А. Ю. Комплексный подход к оценке и классификации финансовых рисков: формула и таксономия рисков // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. № 4. 2012. С. 127—141.
20. Киселева И. А. Моделирование рискованных ситуаций / Евразийский открытый институт. М.: МЭСИ, 2007. 102 с.
21. Ширяев А. Н. Основы стохастической финансовой математики / М.: Фазис, Т. 1, 2. 1998. Т. 1, 512 с.; Т. 2, 544 с.
22. Стрелков С. В. Стохастическое моделирование операционных рисков кредитных организаций // Аудит и финансовый анализ. 2010. Вып. 2. С. 172—177.
23. Денисов Д. В. Теория риска / М., 2002. 79 с.
24. Никулина Н. Н., Эриашвили Н. Д. Актуарные расчеты в страховании / М.: Юнити-Дана. 2011. – 136 с.
25. Королев В. Ю., Бенинг В. Е., Шоргин С. Я. Математические основы теории риска / М.: Физматлит, 2011. 620 с.
26. Beninson D., Lindell B. Critical views on the application of some methods for evaluating accident probabilities and consequences // IAEA-CN-39/4; Stockholm; Sweden. 1980. Pp. 325–341.
27. Hayes K. R. Methods to address uncertainty in ecological risk assessment of Genetically Modified Organisms // Ninth International Symposium on the Biosafety of Genetically Modified Organisms Biosafety Research and Environmental Risk Assessment. Jeju Island, Korea, September 24–29, 2006. URL: <http://www.gmo-safety.eu/pdf/biosafenet/Hayes.pdf> (дата обращения: 29.05.2013).
28. Stern P. C. and Fineberg H.V. Understanding Risk: Informing Decisions in a Democratic Society / National Academies Press, 1996. 241 pp.
29. Willows E., Connell R. (ed.) Climate adaptation: Risk, uncertainty and decision-making / UKCIP Technical Report. 2003. 166 pp.
30. IPCS Risk Assessment Terminology (Harmonization Project Documents) (No. 1) / World Health Organization, Geneva. 2004. 100 pp.
31. Gormley A. Green Leaves III: Guidelines for Environmental Risk Assessment and Management // Defra, 2011. 80 pp.
32. Nash C. E., Burbridge P. R. and Volkman J. K. Guidelines for ecological risk assessment of marine fish aquaculture. U. S. Dept. Commer., NOAA Tech. Memo. NMFS-NWFSC-71, 2005. 90 p.
33. International standard IEC/FDIS 31010 Risk management – Risk assessment techniques / International Electrotechnical Commission. 2009. 92 pp.
34. ISO/IEC 31010:2009: Risk management – Risk assessment techniques / International Organization for Standardization (ISO)/ 2010. 176 pp.
35. ГОСТ Р ИСО 31000-2010. Менеджмент риска. Принципы и руководство / М.: Стандартинформ, 2012. 20 с.
36. ISO/IEC Guide 73:2002 / International Organization for Standardization/International Electrotechnical Commission. 2002. 16 pp.
37. Dali A., Lajtha C. ISO 31000 Risk Management – “The Gold Standard” / EDPACS: The EDP Audit, Control, and Security newsletter, 45:5, 2012. Pp. 1–8.
38. Gjerdrum D., Gallagher A. and Peter M. The New International Standard on the Practice of Risk Management – A Comparison of ISO 31000:2009 and the COSO ERM Framework //

- Risk management. Issue 31. 2011. Pp. 8–13. URL: <http://www.theiia.org/download.cfm?file=69970> (дата обращения: 22.05.2013).
39. ISO 31000:2009 – Risk Management: Principles and Guidelines / International Organization for Standardization (ISO), Geneva, 2009. 24 pp.
 40. Hopkin P. Fundamentals of Risk Management / Kogan Page. 2010. 384 pp.
 41. Taylor Ken W. & Chénier R. Overview of the Ecological Assessment of Substances under the Canadian Environmental Protection Act, 1999 // Human and Ecological Risk Assessment: An International Journal. Volume 9, Issue 2, 2003. Pp. 447–451. Published online: 2010.
 42. Sánchez-Bayo F., Baskaran S., Kennedy I. Ecological relative risk (EcoRR): another approach for risk assessment of pesticides in agriculture // Agriculture, Ecosystems and Environment. 91. 2002. Pp. 37–57.
 43. Швыряев А. А., Меньшиков В. В. Оценка риска от систематического загрязнения атмосферы в исследуемом регионе: Методические указания к задаче практикума. М.: Изд-во Химич. фак. Моск. ун-та, 2002. 41 с.
 44. Delvosalle C., Fievez C., Pipart A., Debray B. ARAMIS project: A comprehensive methodology for the identification of reference accident scenarios in process industries / Journal of Hazardous Materials, Volume 130, Issue 3, 2006. Pp. 200–219.
 45. Andersen H. et al. User guide / ARAMIS project. Contract number: EVG1 – CT – 2001 – 00036. 2004. 110 pp.
 46. A Risk Management Standard / AIRMIC, ALARM, IRM: 2002. 14 p.
 47. ISO/IEC Guide 73:2002, Risk management – Vocabulary – Guidelines for use in standards / International Organization for Standardization (ISO), Geneva, 2002. 26 pp.
 48. Miller B., Hall R. E. Index of Risk Exposure and Risk Acceptance Criteria / Office of Nuclear Regulatory Research, U.S. Nuclear Regulatory Commission. Washington. 1981. 112 p.
 49. Емельянов М. Д. Применение условных рисков для оценки безопасности морских судов // Транспорт РФ № 3–4 (22–23). 2009. С. 40–45.
 50. Третьяков В. Ю., Фролов С. В., Клейн А. Э. Оценка рисков плаваний с использованием измерений цифрового телевизионного комплекса // Проблемы Арктики и Антарктики № 1 (78). 2008. С. 104–111.
 51. Карлин Л. Н., Абрамов В. М. Управление энвиронментальными и экологическими рисками / СПб.: РГТМУ, 2006. 332 с.
 52. Darbra R. M., Eljarrat E., Barcelo D. How to measure uncertainties in environmental risk assessment // Trends in Analytical Chemistry, Vol. 27, No. 4, 2008. Pp. 337–385.
 53. Королев В. Ю., Бенинг В. Е., Шоргин С. Я. Математические основы теории риска. М., Физматлит, 2007. 591 с.
 54. Острейковский В. А. Математическое моделирование техногенного риска от эксплуатации нефтегазового оборудования // Вестник кибернетики. 2012. № 11. С. 71–75.
 55. Острейковский В. А., Саакян С. П. Модели показателей риска в теории техногенной безопасности сложных систем // Фундаментальные исследования. № 9, 2012. С. 162–166.
 56. Vose Software, Ghent, Belgium. Available from www.vosesoftware.com.
 57. Shao C. et al. Integrated Environmental Risk Assessment and Whole-Process Management System in Chemical Industry Parks / Int. J. Environ. Res. Public Health 2013, 10, 1609–1630.
 58. Adler M. Against “Individual Risk”: A Sympathetic Critique of Risk Assessment / 153 University of Pennsylvania Law Review. 2005. Pp. 1121–1250.
 59. Fox D. Statistical Issues in Ecological Risk Assessment // Human and Ecological Risk Assessment, 12. 2006. Pp. 120–129.

60. Framework for the Management of Risk / Treasury Board of Canada Secretariat, Government of Canada, August 2010. URL: <http://www.tbs-sct.gc.ca/pol/doc-eng.aspx?id=19422§ion=text#cha1> (дата обращения: 22.05.2013).
61. Hetes R. G. Science, Risk, and Risk Assessment and Their Role(s) Supporting Environmental Risk Management // Lewis & Clark Law School's Environmental Law. Issue 37:4. 2013. 13 pp.
62. Pollino C., and Hart B. Developing Bayesian network models within a risk assessment framework // Forth Biennial Meeting of iEMSs. International Environmental Modelling and Software Society, Barcelona, Catalonia. 2008. Pp. 372–379.
63. Ayre K. A Bayesian approach to landscape scale ecological risk assessment in Northeastern Oregon / A Thesis Presented to the Faculty of Western Washington University. 2009. 39 pp.
64. Montgomery V. New statistical methods in risk assessment by probability bounds / Department of Mathematical Sciences, Durham University. 2009. 162 pp.
65. ГОСТ Р 51897-2011 / Руководство ИСО 73:2009. Менеджмент риска. Термины и определения. М.: Стандартинформ. 2012.
66. Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» / Принят Государственной Думой 15 декабря 2002 г., одобрен Советом Федерации 18 декабря 2002 г.
67. Меньшиков В. В., Швыряев А. А. Опасные химические объекты и техногенный риск: Учебное пособие. М.: Изд-во Химия, фак. Моск. ун-та, 2003. 254 с.
68. Новоселов А. А. (1) Математическое моделирование финансовых рисков. Теория измерения / Новосибирск, 2001. 99 с.
69. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» / Принят Государственной Думой Российской Федерации 20 декабря 2001 г.
70. Новоселов А. А. (2) Основные понятия теории риска / Лекция для студентов Института математики СФУ. – 2001. URL: <http://risktheory.ru/lectures.htm> (дата обращения: 30.05.2013).
71. Harwood J., Heifner R., Coble K., Perry J. and Somwaru A. Managing Risk in Farming: Concepts, Research, and Analysis / Market and Trade Economics Division and Resource Economics Division, Economic Research Service, U.S. Department of Agriculture. Agricultural Economic Report No. 774. 1999. 130 p.
72. Using Probabilistic Methods to Enhance the Role of Risk Analysis in Decision-Making With Case Study Examples / PRA Technical Panel Working Groups. EPA/100/R-09/001. 2009. 92 pp.
73. Бурков В. Н., Щепкин А. В. Экологическая безопасность. М.: ИПУ РАН, 2003. 92 с.

*Рецензент — Шрага Моисей Хаимович,
доктор медицинских наук, профессор*

Дорогие коллеги,

с прискорбием сообщаем, что 13 октября 2013 года на 62-м году жизни скорпостижно ушёл из жизни наш коллега, наш друг, талантливый журналист и ученый, доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, ответственный секретарь редакции, член редакционной коллегии электронного научного журнала «Арктики и Север», действительный член Географического общества РАН, член Союза журналистов РФ

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ВЕРТЕШИН



Уважаемый всеми Алексей Иванович был инициатором создания электронного научного журнала «Арктика и Север» в 2010 году. При его самом активном и непосредственном участии подготовлены учредительные документы, разработаны устав и концепция нашего журнала, вышел в свет первый номер в феврале 2011 года. Под его мудрым наставничеством опубликованы все четыре номера в 2011 году, когда мы фактически не имели ни одной штатной единицы в редакции журнала и творчески работали весь год на одном энтузиазме. Алексей Иванович всегда щедро делился с нами своим богатым профессиональным опытом журналиста, главного редактора газеты «Рыбак Севера», общественного деятеля. Он был инициатором многих проектов, в том числе проведения фотоконкурса «Мой Север. Моя Арктика», лично принимал участие в нём и был награжден Почетной грамотой.

Мы скорбим вместе с близкими, родными, друзьями и коллегами. Память об Алексее Ивановиче сохранится в наших сердцах.

Главный редактор журнала «Арктика и Север» Ю. Ф. Лукин

Summary

Авторы

1. Амбросе Татьяна Витальевна — учитель истории МБОУ «Соловецкая средняя общеобразовательная школа».
2. Горячевская Елена Сергеевна — научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН.
3. Дмитриев Виктор Георгиевич — ученый секретарь ФГБУ «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт», кандидат технических наук, старший научный сотрудник.
4. Зарецкая Оксана Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, заместитель директора по международному сотрудничеству института социально-гуманитарных и политических наук САФУ имени М.В.Ломоносова.
5. Зобнин Андрей Николаевич — историк-краевед.
6. Иконников Виктор Михайлович — руководитель агентства по тарифам и ценам Архангельской области.
7. Кирко Владимир Игоревич — доктор физико-математических наук, профессор, заместитель директора института дополнительного образования и повышения квалификации ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет».
8. Кондраль Дмитрий Петрович — кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сыктывкарского филиала Российского университета кооперации.
9. Константинов Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления САФУ имени М.В.Ломоносова.
10. Копцева Наталья Петровна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет».
11. Кропанева Елена Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры документационного и правового обеспечения управления, Российского государственного профессионально- педагогического университета г. Екатеринбург
12. Кудря Людмила Ивановна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления САФУ имени М. В. Ломоносова.
13. Лукин Юрий Фёдорович — доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, главный редактор ЭНЖ «Арктика и Север»
14. Морозов Николай Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры управления социально-политическими процессами АОУ ВПО «Коми республиканской академии государственной службы и управления».
15. Москаленко Максим Русланович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории науки и техники Уральского федерального университета.
16. Невзоров Виктор Николаевич — доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заведующий кафедрой технологии, оборудования, бродильных и пищевых производств ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный аграрный университет».

17. Нестеренко Мария Юрьевна — заместитель директора центра «Арктические партнерства» САФУ имени М. В. Ломоносова.
18. Ноздренко Елена Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой рекламы и социально-культурной деятельности гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет».
19. Носкова Екатерина Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ФГБОУ ВПО «Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени ак. Д.Н. Прянишникова».
20. Рахманова Лидия Яковлевна — аспирантка кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.
21. Слабуха Александр Васильевич — кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой «Архитектурное проектирование» Института архитектуры и дизайна ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет».
22. Тимошенко Альбина Ивановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономической истории Института истории Сибирского отделения РАН.
23. Храмчихин Александр Анатольевич — заместитель директор Института политического и военного анализа.
24. Цукерман Вячеслав Александрович — кандидат технических наук, зав. отделом Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН.
25. Чуракова Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук САФУ имени М. В. Ломоносова.
26. Шрага Моисей Хаимович — доктор медицинских наук, профессор кафедры социальной работы САФУ имени М. В. Ломоносова.

Аннотации, ключевые слова

Регионоведение Арктики и Севера: управление, экономика, социум, культура

© *Кирко В. И., Копцева Н. П., Невзоров В. Н., Ноздренко Е. А., Слабуха А. В.* Междисциплинарные экспедиции — эффективный способ формирования команд для реализации комплексных инновационных и инвестиционных проектов

Аннотация. В статье представлены итоговые результаты междисциплинарных экспедиций студентов, аспирантов и преподавателей четырех университетов г. Красноярск в поселки локального проживания малочисленных народов Севера Красноярского края

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы, междисциплинарные экспедиции, студенты, аспиранты, преподаватели*

© *Лукин Ю. Ф.* Арктические проекты межрегиональной интеграции

Аннотация. Исследуются проблемы межрегиональной интеграции в Российской Арктике на примере Совета Белого моря и проектируемого Арктического союза регионов России

Ключевые слова: *Российская Арктика, Белое море, интеграция, регионы, проекты, Арктический союз*

© *Морозов Н. А., Кондраль Д. П.* Сравнительный анализ российской и американской стратегий развития Арктики

Аннотация. В статье проведено сравнение российской и американской стратегий освоения Арктической зоны и проанализированы ментальные паттерны западного и восточного восприятия пространственного развития

Ключевые слова: *стратегическое планирование, развитие, Арктика, концепции политики*

© *Москаленко М.Р., Кропанева Е. М.* Особенности человеческого капитала и развитие Российской Арктики

Аннотация. Проводится сравнительный анализ уровня дохода и продолжительности жизни субъектов АЗРФ и других стран Арктики. Выявляются основные проблемы здоровья населения как одного из ключевых аспектов развития человеческого капитала.

Ключевые слова: *человеческий капитал, здоровье населения*

© *Нестеренко М. Ю., Иконников В. М.* Арктические стратегические проекты и их реализация

Аннотация. Презентация модели кооперационных проектов по освоению ресурсов Арктики, разработанная проектной группой из Архангельска

Ключевые слова: *Арктика, Whitefield, управляющая компания, модель, проекты, кооперация, государственная поддержка, опцион, форвардный контракт, эффективность*

© *Носкова Е. М.* Системные особенности устойчивого развития регионов циркумполярной зоны

Аннотация. Представлен системный подход к изучению устойчивого развития Арктического региона, его основные признаки как системы, указаны особенности развития языков

Ключевые слова: *Арктический регион, признаки системы, финно-угорские языки*

© Рахманова Л. Я. Соловецкое местное сообщество: самоорганизация против разобщенности

Аннотация. Анализируются исторические формы кооперации и взаимопомощи на Соловецких островах в целях сопоставления с современной ситуацией в поселке Соловецкий. Предлагаются пути преодоления дезинтеграции местного сообщества за счет изменения структуры занятости населения и разработки новых жизненных стратегий

Ключевые слова: *Соловецкие острова, местное сообщество, самоуправление*

© Храмчихин А. А. Основные проблемы Российской Арктики

Аннотация. Коррупция, бюрократия, отсутствие стратегии развития являются общероссийскими проблемами. Главные проблемы собственно Арктики – климат и неразвитость транспортной инфраструктуры. Без развития транспорта говорить о перспективах развития Арктики бессмысленно. Кроме того, необходимо размещение вдоль арктического побережья арктических бригад и сил ПВО ВС РФ

Ключевые слова: *Арктика, коррупция, стратегия, население, транспорт, арктические бригады*

© Цукерман В.А., Горячевская Е.С. О методиках интегральной оценки инновационного потенциала регионов Севера и Арктики

Аннотация. Проведен расчет интегральных показателей инновационного потенциала регионов Севера и Арктики по трем методикам. Уточнены их преимущества и недостатки. Определено, что наличие большого количества различных подходов и показателей оценки уровня инновационного потенциала территорий связано с неоднозначностью трактовки в России понятий, несовершенством системы статистических показателей и отсутствием необходимой информации. Показана необходимость дальнейшего совершенствования методологии интегральной оценки инновационной деятельности стран и регионов

Ключевые слова: *инновационный потенциал, регион, Север, Арктика, интегральная оценка*

© Шрага М. Х., Кудря Л. И. Гуманизация «региональной науки» («regional science»): социальное здоровье на Европейском Севере

Аннотация. Статья является проекцией социально-экологической методологии на изучение социального здоровья городских сообществ на Русском Севере. Регионология Севера понимается авторами как наука изучения городских сообществ Арктики. Ноосферогенез является тем научным подходом, который может положительно решить вопросы освоения Севера

Ключевые слова: *городские сообщества (хабитаты), гуманистическая концепция, регионология, социальная экология, социальное здоровье, экосоциализм*

Исторические науки

© Амбросе Т. В., Чуракова О. В. «Злохитрева жена» «окаянная Марфа»: мифы и исторические источники о роли Марфы Борецкой в политической борьбе Москвы и Новгорода и основании северных монастырей

Аннотация. Обращение к источникам (летописным сводам, устным преданиям) позволяет не только установить степень достоверности исторических текстов, но и актуализировать события прошлого. Имя Марфы Борецкой хорошо известно историкам и краеведам, но роль женщины-легенды в основании северных монастырей сильно преувеличена

Ключевые слова: *Север, политическая борьба, монастырская колонизация, гендерные роли, личность в истории, альтернативы исторического развития*

© Зарецкая О.В. Трансформация внешнеполитической стратегии Норвегии в условиях формирования биполярной системы мира (в первые послевоенные годы)

Аннотация. Изменения внешнеполитического курса Норвегии после Второй мировой войны были продиктованы комплексом проблем, с которыми страна сталкивается в 1940-х гг. Формирование биполярной системы мира заставляет норвежское правительство по-другому взглянуть на свою внешнеполитическую стратегию

Ключевые слова: *история внешней политики, скандинавские страны, Арктика, международные конфликты, нейтралитет*

© Зобнин А. Н. Тайна пролива Неймайера

Аннотация. В статье сделан анализ всех имеющихся на сегодняшний день сведений о последних днях Г. Я. Седова, его кончины и захоронения. На основе этих материалов указаны направления для дальнейших поисков могилы начальника первой русской полярной экспедиции

Ключевые слова: *экспедиция, Седов, святой Фока, матросы, Линник, Пустошный, ЗФИ, Рудольфа, нарты, лед, арктический, Новая Земля, пролив, мыс, Аук, маршрут, путь, стоянка, остров, геология, гидрология*

© Константинов А.С. Трансформация территориально-поселенческой структуры как фактор изменения численности сельского населения в Архангельской области

Аннотация. В статье представлен анализ результатов изучения вопроса о трансформации территориально-поселенческой структуры в Архангельской области как факторе изменения численности сельского населения в период между переписями населения 1926-2010 гг.

Ключевые слова: *трансформация территориально-поселенческой структуры в регионе, типы сельских населенных пунктов, динамика изменения численности сельского населения, переписи населения*

© Тимошенко А. И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного морского пути в 1930—1950-е гг.

Аннотация. Рассматриваются проблемы мобилизационных решений в хозяйственном и военно-стратегическом освоении Арктики и Северного морского пути в 1930—1950-е гг., анализируется советский опыт реализации важных для государства социально-экономических программ в северных районах, богатых природными ресурсами

Ключевые слова: *Арктика, Северный морской путь, мобилизационные решения, государственное управление, целевые методы*

Экология

© Дмитриев В. Г. К вопросу о понятии экологического риска. Аналитический обзор публикаций

Аннотация. В статье приводится обзор некоторых публикаций, посвященных понятию и теории риска в контексте определения экологического риска за период с конца XX в. по 2013 г. Особое внимание уделено роли и месту теории риска, развитию «рискового» мышления в рамках парадигмы «зеленой экономики», динамике изменений понятия риска и различным подходам к определению риска в страховом и военном деле, финансовых операциях, в решении задач обеспечения продовольственной безопасности и сохранения здоровья на опасных видах производства, в науках об окружающей среде и практических мероприятиях по охране природы

Ключевые слова: *Арктика, обзор, риск, экологический риск, вероятностный анализ риска, охрана окружающей среды, экология*

CONTENTS

Regionology of the Arctic and North: Management, Economy, Sozium, Culture

Kirko V. I., Kopzeva N. P., Nevzorov V. N., Nozdrenko E. A., Slabyha A. V. Interdisciplinary expeditions - an effective way to form implementation complex innovative and investment projects	4
Lukin Y. F. The Arctic projects of the interregional integration	14
Morozov N. A., Kondral D. P. Comparative analysis of the Russian and American strategies of the development of the Arctic	33
Moskalenko M. R., Kropaneva E. M. The features of the human capital and the development of the Russian Arctic	40
Nesterenko M. Y., Ikonnikov V. M. The Arctic strategic projects and their implementation	45
Noskova E. M. The system of the sustainable development of the regions of the circumpolar area	53
Rahmanova L. Y. The local community of the Solovetsky Islands: self-organization against dissociation	51
Hramchihin A. A. The main problems of the Russian Arctic	60
Zukerman V. A., Goryachevskaya E.S. About the methodology of the integrated evaluation of the innovative potential areas of the North regions and the Arctic	71
Shraga M. H., Kudrja L. I. Humanization of the regional science»: Social Health of the European North	81

Historical sciences

Ambroch T. V. Churakova O. V. 'Evil – cunning wife' 'Damned Marfa': myth and historical sources about the role of Marfa Boretskaya in the political of Moscow and Novgorod in the outdated of the Northern monasteries	92
Zaretskaya O. V. The transformation of the Norwegian foreign policy strategy in the formation of the bipolar world (after the war)	110
Zobnin A. N. The mystery of the Neumayers strait	116
Konstantinov A. S. The transformation of the territorial and settlement structure, as the factor of the change of the number of country people in the Arkhangelsk region	136
Timoshenko A. I. The Soviet experience of the mobilization decisions in the development of the Arctic and the Northern Sea Route in 1930-1950 years	150

Ecology

Dmitriev V. G. To the concept of the ecological risk. Analytical review of the publications	169
--	-----

Summary

Авторы	190
Аннотации, ключевые слова	192
Contents	195
Authors	196
Abstracts, keywords	198
Выходные данные/Output data	201

Authors

1. Ambroche Tatyana Vitalievna - the teacher of history of the Solovetsky secondary school.
2. Churakova Olga Vladimirovna - Ph.D. History, Associate Professor of the Native History Department of the Institute of Humanities, Social and Political Sciences of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V.Lomonosov.
3. Dmitriev Viktor Georgievich - Scientific secretary of the Arctic and Antarctic Research Institute, PhD in Technical Sciences, the senior research worker.
4. Goryachevskaya Elena Sergeevna - Scientific worker of the Institute of the Economic problems named after G. P. Luzin Kola scientific centre RAS.
5. Ikonnikov Viktor Mihailovich - the head of the agency of the taxes and prices of the Arkhangelsk region.
6. Khramchikhin Alexander Anatolievich - Deputy Director of the Institute of Political and Military Analysis (Moscow).
7. Kirko Vladimir Igorevich - Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Prof. of the Krasnoyarsk State Educational University.
8. Kondral Dmitry Petrovich – Ph.D in Political Science, Associate Professor of the Department of Humanities and the socio-economic disciplines of Syktyvkar Branch of the Russian University of Cooperation.
9. Konstantinov Aleksandr Sergeevich - Ph.D. in History, associate professor of the faculty of the municipal and the government of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov.
10. Koptseva Natalya Petrovna - Dr of Philosophy, Prof. of the Siberian Federal University, the head of the department of the culturology of the Humanitarian Institute «Siberian Federal University».
11. Kropaneva Elena Mihailovna - Ph.D in Philosophy, associate professor of documentation and legal control of the Russian State Vocational Pedagogical University th Ekaterinburg
12. Kudrja Lyudmila Ivanovna – Ph.D in Medical Sciences, the senior lecturer of the faculty of the municipal and the government of Institute of economy and management NArFU.
13. Lukin Yury Fedorovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.
14. Morozov Nikolai Alekseevich – Ph.D in History, Associate Professor, Professor of the Department of Management of the socio-political processes DLC VPO "Komi republic Academy of Public Administration and Management".
15. Moskalenko Maxim Ruslanovich - Ph.D. in History, Associate Professor of the History of Science and Technology of Ural Federal University.
16. Nesterenko Maria Yrievna - Deputy director of the Arctic strategy research center.
17. Nevzorov Victor Nikolaevich - Dr of Agricultural Sciences, Prof of the Krasnoyarsk State Agrarian University.
18. Noskova Ekaterina Mikhaylovna – Ph.D. of Economy, Associate Professor of the department of economics theories, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher education “Perm State Agricultural Academy named after ac. D.N. Pryanishnikov”.

19. Nozdrenko Elena Anatolievna – Ph.D in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Advertising and socio-cultural activities of the Institute of Humanities FGAOU HPE "Siberian Federal University".
20. Rakhmanova Lidia Yakovlevna - Postgraduate student of the department of cultural anthropology and ethnical sociology, of the faculty of the sociology of St. Petersburg State University.
21. Shraga Moisey Haimovich – Ph.D in Medical Sciences, Professor of the social work faculty of NArFU named after M.V. Lomonosov.
22. Slabuha Aleksandr Vasilievich – Ph.D in Architecture, Professor, Head of the Department "Architectural Design" of the institute of Architecture and Design FGAOU HPE "Siberian Federal University."
23. Timoshenko Albina Ivanovna - Candidate of historical sciences, Senior Research Fellow of the department of the social and economic history of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
24. Tsukerman Vjacheslav Aleksandrovich – Ph.D Engineering, head of the department of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Science.
25. Zaretskaya Oxana Valerievna – Ph.D. in History, Associate Professor of World History Department, Deputy Director for International Cooperation of the Institute of Humanities, Social and Political Sciences of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
26. Zobnin Andrei Nikolaevich - Historian and ethnographer.

Abstracts, keywords

Regionology of the Arctic and North: Management, Economy, Sozium, Culture

© Kirko V. I., Kopzeva N. P., Nevzorov V. N., Nozdrenko E. A., Slabyha A. V. **Interdisciplinary expeditions - an effective way to form implementation complex innovative and investment projects**

Abstract. In the given article we represent our final results of the inter-disciplinary expeditions of the students, post-graduate students and tutors of the 4 universities of Krasnoyarsk to the villages and localities, inhabited by the indigenous minorities of the North of the Krasnoyarsk Region

Keywords: *indigenous minorities, interdisciplinary expeditions, students, post-graduate students and tutors*

© Lukin Y. F. **The Arctic projects of the interregional integration**

Abstract. The problems of the interregional integration in the Russian Arctic, as the example of the White Sea and the planned Arctic union of the regions of Russia

Keywords: *Russian Arctic, the White Sea, integration, the regions, the projects, Arctic Council*

© Morozov N. A., Kondral D. P. **Comparative analysis of the Russian and American strategies of the development of the Arctic**

Abstract. The article is a comparison of Russian and American strategies of the development of the Arctic zone and analyzed the mental patterns of the Western and the Eastern perception of the spacel development

Keywords: *strategic planning, development, the Arctic, the concept of the policy*

© Moskalenko M. R., Kropaneva E. M. **The features of the human capital and the development of the Russian Arctic**

Abstract. Presents a comparative analysis of the level of income and life expectancy the areas of the Arctic region of Russia and other Arctic countries. Health problems are identified as one of the key aspects of the development of human capital

Keywords: *human capital, public health*

© Nesterenko M. Y., Ikonnikov V. M. **The Arctic strategic projects and their implementation**

Abstract. Presentation of the model of the cooperative projects to develop resources in the Arctic, developed by the project team from Arkhangelsk

Key words: *Arctic, Whitefield, the management company, the model, projects, cooperation, specific measures of state support, options, forward contracts, efficiency*

© Noskova E. M. **The system of the sustainable development of the regions of the circumpolar area**

Abstract. The article presents a system approach in the research of the sustainable development in the Arctic region and its basic evidence as a system, the attention is paid to features of the development of the languages

Key words: *the Arctic region, evidence of the system, the Finno-Ugric languages*

© **Rahmanova L. Y. The local community of the Solovetsky Islands: self-organization against dis-sociation**

Abstract. This article analyzes the historical forms of the cooperation and mutual aid typical for Solovky Islands with a view to compare them with the modern situation in Solovetsky settlement. The ways of overcoming of the local community disintegration via restructuring of occupational pattern and elaboration of the new life strategies are proposed

Keywords: *Solovky islands, local community, self-government*

© **Hramchihin A. A. The main problems of the Russian Arctic**

Abstract. Corruption, bureaucracy, lack of strategy development are all-Russian problems. The main problems of the Arctic itself are the climate and poor transportation infrastructure. Talks about the perspectives of the development of the Arctic are meaningless without the development of the transport. Quartering along the Arctic coast of the Arctic brigades and air defense forces of the Russian Federation Armed Forces is also need

Keywords: *the Arctic, corruption strategy, population, transportation, the Arctic Brigades*

© **Zukerman V. A., Goryachevskaya E.S. About the methodology of the integrated evaluation of the innovative potential areas of the North regions and the Arctic**

Abstract. The calculation of the integrated indicators of the innovative potential of the regions of the North and the Arctic by three methods. Clarifies the advantages and disadvantages of each method presented. Determined that the presence of a large number of different approaches and indicators to measure the level of innovation potential areas due to the ambiguity in the interpretation of the concepts of Russia, imperfect system of the statistical indicators and the lack of necessary information. The necessity of the further development of the methodology of the integrated assessment of innovation countries and regions.

Keywords: *innovative potential, the region, the North, the Arctic, the integrated assessment*

© **Shraga M. H., Kudrja L. I. Humanization of the regional science»: Social Health of the European North**

Abstract. Given clause (article) is a projection of the social - ecological methodology to studying of the social health of the city communities in the Russian North. Regional science the North by the author is understood as a science of the studying of the city communities of the Arctic regions. Noospheres are that scientific approach which can positively solve questions of the development of the North.

Keywords: *city communities, the humanistic concept, regional science, social ecology, social health, eco-socialism*

Historical sciences

© **Ambroch T. V. Churakova O. V. 'Evil – cunning wife' 'Damned Marfa': myth and historical sources about the role of Marfa Boretskaya in the political of Moscow and Novgorod in the out-dating of the Northern monasteries**

Abstract. Examination of the sources (annalistic codes, verbal folklore) not only allows us to determine the reliability of the historical texts, but also helps us to actualize the events of the past. Marfa Boretskaya's name is well-known by the historians and local historians but as sources indicate, the role of that legendary woman in the foundation of the northern monasteries is grossly exaggerated.

Keywords: *the North, political struggle, monastic colonisation, gender roles, personality in history, alternatives of historical progress*

© Zaretskaya O. V. The transformation of the Norwegian foreign policy strategy in the formation of the bipolar world (after the war)

Abstract. After the Second World War changes in the foreign policy of Norway became a consequence of the problems that the country faced in 1940. The growing confrontation between the East and the West led to the formation of the bipolar world and made the Norwegian government change the foreign policy

Keywords: *history of the foreign policy, Scandinavian countries, the Arctic, international conflicts neutrality*

© Zobnin A. N. The mystery of the Neumayers strait

Abstract. In the article made an analysis of all the currently available information about the last days of G. Y. Sedov, his death and burial. On the basis of these materials are given the direction of the further search for the tomb of the first initial Russian polar expedition

Keywords: *the expedition, Sedov, Holy Fock, sailors, Linnik, Pustoshny, Franz Josef Land, Rudolph, sleds, ice, Arctic, A New Earth, Strait, Cape, Auk, route, path, one-Janka, island, geology, hydrology*

© Konstantinov A. S. The transformation of the territorial and settlement structure, as the factor of the change of the number of country people in the Arkhangelsk region

Abstract. The analysis of the results of studying the question of a role of the transformation of the territorial and settlement structure in the Arkhangelsk region as a factor of the change of number of country people during the period between population censuses of 1926-2010 is presented in the article

Keywords: *transformation of the territorial and settlement structure in the region, types of rural settlements, dynamics of the change of the number of country people, population census*

© Timoshenko A. I. The Soviet experience of the mobilization decisions in the development of the Arctic and the Northern Sea Route in 1930-1950 years

Abstract. The problems of the mobilization decisions in the economic and military-strategic development of the Arctic and the Northern Sea Route in 1930-1950-ies. Analyzes the Soviet experience in the implementing important for the state of the socio-economic programs in the northern areas rich in the natural resources

Keywords: *the Arctic, the Northern Sea Route, the mobilization solutions, governance, target methods*

Ecology

© Dmitriev V. G. To the concept of the ecological risk. Analytical review of the publications

Abstract. The article provides an overview of some of the publications on the theory and the concept of the risk in the context of the definition of the environmental risk for the period from the end of the XX-th century to 2013. Attention is given to the role and place of the theory of risk, the development of "risk" of thinking within the paradigm of the "green economy", the dynamics of changes in the concept of the risk and different approaches to the definition of risk in the insurance business, financial operations, the military, in the task of ensuring food safety and health in hazardous production, environmental science and the practical arrangements for the protection of nature.

Keywords: *review, risk, ecological risks, probabilistic risk analysis, environment protection, ecology*

АРКТИКА и СЕВЕР

Электронный научный журнал
2013. № 13

Главный редактор - Юрий Федорович Лукин

Редактор - Елена Александровна Суворова

Художественный редактор (перевод на англ. язык) - Мария Алексеевна Малаховская

Компьютерная верстка статей, размещение на сайте — Юрий Владимирович Новиков

Дизайн журнала - Артем Эдуардович Ерёмин

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.

Учредитель — ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, Наб. Северной Двины, д. 17

Адрес редакции: Россия, 163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, д. 8

Электронный адрес редакции: arcticandnorth@yandex.ru

Подписано для размещения на сайте <http://narfu.ru/aan> 29.10.2013

Размещено на сайте <http://narfu.ru/aan> 01.11.2013

ARCTIC and NORTH

Electronic scientific magazine
2013. Issue 13

Editor-in-chief Y. F. Lukin

Editor E. A. Suvorova

Art editor (in English) M. A. Malahovskaya

Computer layout and placement on the webpage by Y. V. Novikov

Design, cover by A. E. Eremin

Registration certificate – El № FS77-42809 from 26 of November 2010

Founder – Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

An address of founder: 17 Northern Dvina River Street, Arkhangelsk, Russia, 163002

An address of editorial office: 8 Novgorodsky Street, Arkhangelsk, Russia, 163002

Electronic address of editorial office: arcticandnorth@yandex.ru

Signed for placement on the webpage: <http://narfu.ru/aan> 29.10.2013

Webpage: <http://narfu.ru/aan> 01.11.2013